

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2020

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), П.В. Алексеев, М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая.

Секретариат

С.В. Доронина, Е.И. Клинк, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 407.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.finc.asu.ru/philol_journal/

Адрес в системе РИНЦ: http://library.ru/title_about.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

И.А. Воробьева. Анализ речевого употребления лексем «справедливость/justice» в языковых корпусах.....	7
М.Г. Соколова. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А. В. Ширяевца	19
И.В. Савельева. Мистер «Что вы делаете?»: языковая личность как детерминанта текстопорождения.....	29
Е.В. Соколова. Л. Горалик. Текст будущего (структурные и жанроречевые особенности).....	44
А.В. Глаголева, Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Е.А. Кузнецова. Копирайтинг как форма репрезентации механизма управления речевыми коммуникациями	58
М.М. Тагиева. Перевод романа Достоевского «Бесы» на азербайджанский язык в XXI веке: передача названия, эпиграфов и характера Ставрогина.....	72
С.С. Фолимонов. Амебейная композиция в поэзии И.В. Северянина	86
А.В. Загуменнов, Г.М. Маматов. «Я не участвую, не существую в мире...»: диалог с символизмом и экзистенциализмом в стихотворении Бориса Поплавского «Снова в венке из воска».....	99
Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. Реализация проблематики «реальное/иллюзорное» в постмодернистском романе Али Смит «Зима».....	114

Научные сообщения

И.А. Широких. Предвыборное обращение к нации: риторические каноны или их отсутствие?.....	127
Т.Н. Малиновская, Г.А. Менщикова. Особенности англоязычного юридического дискурса в когнитивно-прагматическом аспекте (на материале фильмов “Déjà vu”, “The Judge”)	135

Лю Мьяовэнь. Феномен метапрозы в Китае: теоретический и исторический аспекты	141
Л.Х. Абдуллина. Земельный вопрос в поэзии С. Якшигулова и Ш. Бабича	151
Резюме	160
Наши авторы	175

CONTENTS

Articles

- I.A. Vorobeva.** The Analysis of Speech Usage of the Lexemes *Spravedlivost' / Justice* in Language Corporuses..... 7
- M.G. Sokolova.** Types of Semantic Transformations of Dendronyms in A.V. Shiryaevets Poetic Texts 19
- I.V. Saveleva.** Mr. «What are you doing?»: Language Personality as a Determinant of Text Generation 29
- E.V. Sokolova.** L. Goralik. Text of the Future (Structural and Genre Speech Features) 44
- A.V. Glagoleva, Yu.N. Zemskaya, I.Yu. Kachesova, E.A. Kuznetsova.** Copywriting as a Form of Representation of the Voice Communications Management Mechanism 58
- M.M. Taghiyeva.** The 21st Century Translation of the Novel *The Devils* by Dostoevsky in Azerbaijani: Translation of the Title, Epigraphs and Stavroghin's Character 72
- S.S. Folimonov.** Alternate Literary Composition in the Lyrical Poems by I.V. Severyanin 86
- A.V. Zagumennov, G.M. Mamatov.** «I Do not Participate, I do not Exist in the World ...»: a Dialogue with Symbolism and **Existentialism** in Boris Poplavsky's Poem «Again in a Wreath of Wax» 99
- G.I. Lushnikova, T. Yu. Osadchaya.** The Topic 'Real/Illusory' in the Postmodern Novel «Winter» by Ali Smith 114

Scientific reports

- I.A. Shirokikh.** Public Election Address to the Nation: Rhetoric Canons or Avoiding Them? 127
- T.N. Malinovskaya, G.A. Menshchikova.** The Peculiarities of the English-language Legal Discourse in the Cognitive-pragmatic Aspect (based on the films “Déjà vu”, “The Judge”)..... 135

Liu Miaowen. The Phenomenon of Metafiction in China: Theoretical and Historical Aspects	141
L.H. Abdullina. The Land Issue in the Poetry of S. Yakshigulov and Sh. Babich	151
Summary	160
Our authors	175

СТАТЬИ

АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСЕМ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ/JUSTICE» В ЯЗЫКОВЫХ КОРПУСАХ

И.А. Воробьева

Ключевые слова: семантика, корпусная лингвистика, справедливость.

Keywords: semantics, corpus linguistics, justice.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-01

Концепт «справедливость» является одним из центральных понятий русской языковой картины мира. А.Е. Бочкарев указывает, что значение справедливости в эмоциональной и духовной жизни человека, пусть справедливость и не является чувством как таковым подобно страху, радости или сожалению, очевидно [Бочкарев, 2017, с. 21].

Известный лингвист А.Д. Шмелев отмечает, что «в русской культуре существует особое чувство – любовь к справедливости или страсть к справедливости» [Шмелев, 2002, с. 202]. Особый интерес для исследования представляет раздел так называемых регулятивных концептов, то есть концептов, выражающих ценностную структуру того или иного лингвокультурного сообщества. К разделу регулятивных относится и концепт «справедливость» [Макурова, Хизик, 2018, с. 71].

В современном российском обществе произошел ряд исторических, политических, социальных, культурных изменений, с новой силой актуализировавших концепт «справедливость». Отношение российского народа к справедливости изменяется и под влиянием зарубежных культур, в частности – британской. Вопрос о справедливости встает в любом коллективе, где между людьми существуют какие-либо отношения, и есть возможность распределения

благ и обязанностей. Поэтому разностороннее изучение концепта «справедливость» обуславливает актуальность предпринятого нами исследования.

С.Г. Воркачев отмечает, что справедливость в языке выступает в форме лингвокультурной идеи – «единства противоположностей», которое наполняется определенным лингвокультурным концептом и его логическим противочленом – «антиконцептом» [Воркачев, 2011а, с. 35]. Ученый указывает, что семантическая структура и компонентное содержание этой идеи в основном совпадают с аналогичной структурой и содержанием включенных в нее концептов: понятийной, образной и значимостной составляющими. В значимостной составляющей концентрируется языковая специфика вербального представления концепта, поскольку она как раз и определяется местом, которое занимает имя концепта в лексической системе языка: его парадигматическими, синтагматическими, словопроизводными и словообразовательными ассоциативными связями [Воркачев, 2011а, с. 35-36].

Общеизвестно, что свидетельством важности какого-либо явления для определенного народа выступает количественная представленность средств вербализации данного явления в национальном языке, а также длина соответствующего синонимического ряда – например, количество номинаций снега в языке народов Севера [Карасик, 2001].

Другим признаком культурной значимости этого явления выступает сам факт наличия в языке имени: специального языкового знака, с точностью и адекватностью передающего культурно-языковую сущность изучаемого понятия (в лексикологии данный языковой знак называется «именем концепта»). Языковое имя определенным образом совпадает с доминантой соответствующего синонимического ряда, которая выделяется на основании таких признаков как частотность, стилистическая нейтральность, степень синтаксической свободы, широкозначность и употребимость в качестве семантического множителя при лексикографическом описании этого концепта [Воркачев, 2011б, с. 111].

Словарь С.И. Ожегова дает следующее определение слова «справедливость»: 1. справедливый (действующий беспристрастно, соответствующий истине); 2. справедливое отношение к кому-н., беспристрастие [Ожегов, 2009].

Согласно данным Кембриджского словаря слово «justice» имеет следующие значения: 1. behaviour or treatment that is fair and morally correct (поведение или обращение с кем-то / чем-то, которое является

честным и нравственно правильным (перевод наш)); 2. the system of laws that judges or punishes people (система законов, которая судит или наказывает людей (перевод наш)); 3. someone who judges in a court of law (тот, кто судит в суде (перевод наш)) [Cambridge Dictionary Online, URL]. Таким образом, объем значений лексем «справедливость» и «justice» значительно не отличается (по данным словарей), и это дает нам право провести анализ речевого употребления данных лексем в языковых корпусах.

Материалом для данного исследования послужили 400 примеров из русской и английской художественной и публицистической литературы, полученных в результате сплошной выборки из нескольких национальных языковых корпусов.

Национальные языковые корпуса представляют собой информационно-справочные системы, основанные на собрании текстов в электронной форме на каком-либо языке и представляющие данный язык во всем многообразии типов дискурса, речевых жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов. Языковой корпус характеризуется представительностью и сбалансированностью: в него включаются все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке. Тексты располагаются в определенном порядке, который позволяет отделить контексты свободного употребления от контекстов терминологизированных. Кроме того, на основе данных языковых корпусов можно судить о частотности употребления исследуемых лексем [Воркачев 2011б, с. 112].

Исследования семантических и прагматических свойств лексем «justice» и «справедливость» проводилось на материале сплошной выборки из баз Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Национального британского корпуса (British National Corpus (BNC)) и Корпуса современного американского языка (Corpus of Contemporary American (COCA)).

Речевые характеристики ядерных показателей справедливости были рассмотрены по следующим параметрам:

- общее число появлений в корпусе;
- специфичность (закрепленность за определенной предметной областью) либо неспецифичность контекстов употребления;
- особенности употребления.

На первом этапе исследования семантические и прагматические свойства лексемы «справедливость» были изучены в Национальном корпусе русского языка. Он функционирует в Интернете с 2003 года и в данный момент включает самые разные русские тексты общим объемом 140 миллионов словоупотреблений. Национальный корпус

русского языка, как и национальные корпуса других языков, имеет две важные особенности. Во-первых, он представлен и сбалансирован, то есть содержит все типы письменных и устных текстов, представленных в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т.п.), и все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода. Во-вторых, корпус содержит особую дополнительную информацию о свойствах входящих в него текстов (так называемую разметку, или аннотацию). Разметка – главная характеристика корпуса; она отличает корпус от простых коллекций (или «библиотек») текстов, в изобилии представленных в современном Интернете. Чем богаче и разнообразнее разметка, тем выше научная и учебная ценность корпуса. В Национальном корпусе русского языка в настоящее время широко используются три типа разметки: метатекстовая (она характеризует текст в целом, с точки зрения его автора, жанровых и других особенностей), морфологическая и семантическая (морфологическая и семантическая разметки характеризуют не целый текст, а отдельное слово). В ходе исследования был установлен временной диапазон и выбраны современные письменные тексты (середина XX – начало XXI века), представляющие русский литературный язык.

В текстах Национального корпуса русского языка слово «справедливость» было отмечено 772 раза в 403 документах. Для проведения анализа в результате сплошной выборки были отобраны 200 примеров.

В ходе исследования частотности словоформ, включающих слово «справедливость» в русской языковой картине мира, мы пришли к выводу, что наиболее часто слово «справедливость» фигурировало в следующих сочетаниях: «восстановить справедливость», «справедливость требует», «справедливость восторжествовала». Все эти словосочетания преимущественно употребляются в газетных текстах.

Было выявлено, что наиболее частотной словоформой в корпусе русского языка являлось сочетание «восстановить справедливость». Данное словосочетание преимущественно употребляется в газетных текстах: 216 вхождений в 213 документах в следующих контекстах: (номер примеров употребления слова «справедливость» приведен в скобках):

(1) Невнимательно прочитав указания на автомате, принимающем купюры, который не давал сдачи, я отправила туда

20 евро. Дабы все-таки **восстановить справедливость**, я вызвала девушку, которая помогла его открыть. Однако мне по-прежнему нечем было заплатить эти 2 евро. Тогда она просто подняла шлакбаум и сказала быстро ехать (Ю. Шоломова, *Передай дальше!* // *Комсомольская правда*, 2013.07.12), (8);

(2) Но вскоре зекам удастся групповой побег. Спецназовец пытается найти своих обидчиков и **восстановить справедливость** (Н. Лисовой («КП» – Санкт-Петербург»). Николай Валуев стал актером // *Комсомольская правда*, 2007.08.13), (98).

Необходимо отметить, что словосочетание «восстановить справедливость» в художественных текстах употреблено 30 раз в 28 документах:

(3) Люди откладывали свои дела, разыскивали свидетелей, знакомых Зубра, записывали их воспоминания. Одним хотелось **восстановить справедливость**, другие считали себя обязанными Зубру, третьи понимали, что это История. Встреча с Зубром оказывалась для большинства самым ярким событием их жизни. Зубр хорошо запоминался (Д. Гранин. *Зубр*, 1987), (1);

(4) Никакие протесты и судебные иски о незаконном увольнении не помогали. **Восстановить справедливость** до сих пор не удавалось ни одному правдолюбцу. И хотя Дом моды не являлся частной собственностью (в свое время его преобразовали в акционерное общество, основной пакет акций которого принадлежал государству), главный художник-модельер чувствовала себя здесь настоящей хозяйкой. У нее в помощницах ходила Зинаида Кудрявцева, или Зинка, – «прислуга за все», как неуважительно ее здесь называли (Т. Моспан. *Подиум*, 2000), (16).

Второй по частотности словоформой являлось словосочетание «справедливость восторжествовала», которое тоже преимущественно употребляется в газетных текстах (124 вхождения в 124 документах):

(5) Это отражает распределение акций между основными акционерами. Казалось бы, **справедливость восторжествовала**. Но не тут-то было. Материалы счетной комиссии, контролируемой Н. Егеревым, были переоформлены задним числом (В. Говорков *Акционерам дали прикурить* // *Труд-7*, 2000.07.06), (123);

(6) Это первый случай, когда Запад, не воспринимавший нас всерьез, понял, что мы не только уважаем других, но и уважаем себя. Хорошо, что **справедливость восторжествовала**. «Матери Беслана» попросили о помощи. Еще сидя в тюрьме, узнав о Бесланской трагедии, Калалоев поклялся – если даст Бог вернуться на родину, первым делом по приезду отправится на детское кладбище, где

покоятся жертвы теракта. И слово свое сдержал (Т. Гуцина, KP.RU. В Осетии Калоева встретили как национального героя // Комсомольская правда, 2007.11.15), (62).

В художественных произведениях данное словосочетание употреблено 5 раз в 5 документах:

(7) – *Час расплаты никого не минует!.. **Справедливость восторжествовала!** Да здравствует справедливость! – Она вскочила на парту (В. Железников. Чучело, 1981), (4).*

Третьим по частотности употребления являлось употребление словосочетания «справедливость требует» в газетных текстах: 12 вхождений в 13 документах:

(8) *Над линией застройки возвышается церковь Воскресения в Кадашах – шедевр русской архитектуры. **Справедливость требует** сказать, что разрушение ансамбля началось еще в поздние советские годы. До 1994 года ушли дома № 14, 20, 26-32. Видно, что лужковские сносы оказались преемственными от позднесоветских (Р. Рахматуллин. Памяти Кадашевской набережной // Известия, 2006.03.06), (4).*

Необходимо отметить, что 3 из 12 вхождений в газетном корпусе являются цитатами Н.Г. Чернышевского «Справедливость требует вступаться за людей страдающих» (5,8,9) и входят в перечень тем сочинений для подготовки к экзамену по литературе для выпускников общеобразовательной школы:

(9) *(По одному или нескольким произведениям русской литературы XIX века) «Справедливость требует вступаться за людей страдающих» (Н.Г. Чернышевский). (По одному или нескольким произведениям русской литературы XIX века) «...Если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом (Перечень тем сочинений для подготовки к письменному экзамену по русскому языку и литературе за курс средней (полной) школы в 2004 / 2005 учебном году // Комсомольская правда, 2005.03.29), (5).*

В ходе исследования было выявлено, что данное словосочетание употребляется в художественных текстах 5 раз в 5 документах:

(10) *Но это невозможно. Но если приходится убивать тех, кого любишь, сама **справедливость требует** расправляться с теми, кого не любишь, с врагами дела. Да, Дела, подумал он. Конечно, Дела. (Ф. Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1), 1989), (3).*

Помимо наиболее частотных словосочетаний в ряде случаев было выявлено использование конструкции «бороться за справедливость»

(28 вхождений в 28 документах), которое употребляется только в газетных текстах:

(11) ЛЕВ. Вооружившись искренним желанием бороться за справедливость, вы сумеете разобрать злободневные вопросы в рабочем коллективе, во многом благодаря своему незыблемому авторитету. ДЕВА. Педантичный подход к личному времени позволит совместить несколько видов деятельности, умственный труд с физическим. (А. Бастрич. 15 сентября, пятница // Труд-7, 2006.09.15), (18).

В ходе исследования было выявлено употребление слова «справедливость» в названиях партий, телепрограмм в газетном корпусе (15 вхождений в 14 документах):

(12) Помимо экологов и партии Гудкова в состав «Альянса зеленых, социалистов и демократов» (рабочее название. – «Известия») войдут Партия свободных граждан (Минюст отказал ей в официальной регистрации 9 января этого года) и «Свобода и справедливость». Позже к «Альянсу» могут присоединиться Партия дела и «Народ против коррупции», правда, на данный момент им не удалось достичь конкретных договоренностей. По информации «Известий», присоединиться к новой партии мог и «Левый фронт» (А. Кашеварова «На альянс с Гудковым Фетисов потратит 720 млн рублей» // Известия, 2014.01.14), (2).

На втором этапе исследования семантические и прагматические свойства лексемы «justice» были проанализированы в Британском национальном корпусе (British National Corpus (BNC)) и в Корпусе современного американского языка (Corpus of Contemporary American (COCA)).

Британский национальный корпус (British National Corpus (BNC)) был первоначально создан издательством Оксфордского университета в 1980-х – начале 1990-х годов и содержит 100 миллионов слов текста из самых разных жанров (например, разговорный, художественная литература, журналы, газеты и научные исследования).

Корпус современного американского английского (Corpus of Contemporary American (COCA)) является единственным крупным, сбалансированным по жанру корпусом американского варианта английского языка. В корпусе содержится более 560 миллионов слов текста (20 миллионов слов за каждый год в период с 1990 по 2017 годы), и он поровну поделен между устными, художественными и академическими текстами, популярными журналами и газетами.

Лексема «justice» в текстах Британского национального корпуса появляется 7134 раза, в Корпусе современного американского

английского – 63186 раз. Данная лексема употребляется как в общих, нетерминологизированных контекстах, так и в контекстах, задаваемых предметными областями, прежде всего, права и судопроизводства, а также этики и экономики. В нетерминологизированных контекстах лексема «justice» передает главным образом значения наивной этической оценки:

(15) *There is some **justice** in the world, after all (The Daily Mirror, 1992), (BNC, 31).*

В ходе исследования, мы пришли к выводу, что в текстах обоих корпусов слово «justice» чаще всего передает значения правового института – правосудия:

(13) *A Scottish Office spokesman said: «**Justice** must not only be seen to be done – but heard to be done» (The Daily Mirror), (BNC, 52);*

(14) *American Exceptionalism has been discussed in terms of democracy, equality of conditions, liberty, freedom, law, constitution, **justice**, and happiness (American Economist), (COCA, 71).*

Следует отметить, что было выявлено, что слово «Justice» (особенно при написании с большой буквы) в результате метонимического переноса имени с правосудия на его агентов передает значение «судья»:

(15) *But Lord Chief **Justice** Taylor told newsmen: «I will be issuing directions to judges on sentencing in» (The Daily Mirror), (BNC, 50);*

(16) *In setting forth the basis of the doctrine of intergovernmental tax immunity in McCulloch, Chief **Justice** Marshall made clear that the Federal Government's power to tax an activity of the states does not imply an equal right of the states to tax the same activity carried on by the Federal Government. The Federal Government had the right to tax such activity, Chief **Justice** Marshall reasoned, because the Federal Government was created by the people of all the states, given the power to tax by the people of all the states, and each state was represented in Congress (The Tax Lawyer), (COCA, 86).*

Помимо этого, слово «justice» зачастую употребляется в названиях административных учреждений:

(17) *The **Justice** Department admitted yesterday that it had granted the FBI authority to «override» international law in order to seize fugitives from US justice living abroad without first obtaining the consent of the country where they were sheltering. Responding to a report in the Los Angeles Times yesterday, Justice Department officials confirmed that the policy had been in place since 21 June. It could have important implications for American efforts to arrest drug dealers, terrorists and the Panamanian leader, Manuel Noriega, for prosecution in the US. Within the administration*

the new line is reportedly known as «the President's snatch policy» (Independent, 14.10. 1989, электронное издание), (BNC, 9);

*(18) The current assortment of federal law enforcement agencies, and the assignment of their respective investigative responsibilities, has come about in a largely random manner. The FBI, for instance, began as the Bureau of Investigation, which lacked traditional law enforcement authority. Attorney General Charles Bonaparte created a cadre of investigators at the **Justice** Department because he tired of asking the Secret Service to borrow its agents (A New Law Enforcement Agenda for a New Attorney General), (COCA, 96).*

В нетерминологизированных контекстах слово «justice» может быть соотнесено как с правосудием, так и со справедливостью. В результате исследования были выявлены случаи употребления лексемы «justice» в устойчивых сочетаниях (где оно чаще фигурирует в качестве эквивалента слову «правосудие»): social justice, juvenile justice, criminal justice, in the course of justice, to be brought to justice. Примером этого служат следующие данные из корпусов:

*(19) The economy is crumbling, and the country's foreign debt is due to be rescheduled by next June. From all quarters, and especially from the white business community, the message is the same: only with **social justice** can the country's economic potential be released. Some remarkable men are now being freed after a quarter century in prison. Their crime was to want to overthrow the apartheid state (Independent, 12.10.1989, электронное издание), (BNC, 16);*

*(20) There are only two Family and Juvenile Tribunals established in Vietnam at present. Supervisory and educational measures only applicable to juvenile offenders who are exempt from criminal liability. These are not real pre-sentence diversion programmes as those having been consistently supported by the UN, although the existence of presence diversion is one of core indicators used to evaluate a State's **juvenile justice** system (Evaluation of Vietnamese criminal procedure law applicable to juvenile offenders (case study of the United Nations model of juvenile criminal justice), 2018/11/01), (COCA, 21);*

*(21) Far more limited in scope, but of immediate practical import, was the question of the re-organization of the courts. The Whitehall demarcations described in Chapter 1 assigned responsibility for the criminal law and penal establishments to the Home Office, as well as the oversight of certain agencies of **criminal justice**: notably the police and the probation service. In the absence of any unified court service, responsibilities for different aspects of the courts of justice were distributed between various Ministers and local authorities (Responses to crime, volume 2. Windlesham, 1993), (BNC, 86);*

(22) She yawned despite her tension and rubbed her eyes. «Yeah, right, I'm getting omens in my dreams. He's probably warning me I'm facing as big a

disaster as his. Why couldn't I have gotten Caesar's soothsayer? At least he said exactly what he meant. Of course, not being as evil as Richard may mean I have some justice on my side. But», she reminded herself, «in the course of justice, none of us should see salvation» (S. Goldin «The Sword Unswayed», 1998), (COCA, 2).

В ходе практического исследования случаев однозначного соответствия лексемы «justice» русскому эквиваленту «справедливость» было выявлено сравнительно небольшое количество. Особенно явно данное соответствие проявлялось при упоминании справедливости как чувства:

(23) *«Children have a natural **sense of justice** and if we felt they were unjust we would rebel», he explains. Other nannies, such as Sally Percival, now married and living in Northampton, were kind and sympathetic and still receive Christmas cards from the children today. However, the task of a new nanny was made all the more difficult because the children, bewildered and unhappy, felt that they had come to take the place of their mother. The prettier they were, the more suspicious Diana was of them (A. Morton. Diana: her true story, 1993), (BNC, 86).*

Следует подчеркнуть, что устойчивые словосочетания со словом «justice» обычно обладали своим индивидуальным значением, не зависящим от значения основной единицы. Например, устойчивое словосочетание «to do smb / smth justice» имеет значение «оценить что-то/кого-то по достоинству»:

(24) *If we're ever **to do justice** to what the Bible is, we have to talk about the Spirit, with the Father and the Son, at the beginning, middle, and end of that definition (Magazine «Christianity Today», June 2015, Vol. 59, Issue 5), (COCA, 26).*

Словосочетание «poetic justice» имеет значение – «идеальная справедливость; верх справедливости; воздаяние по заслугам»:

(25) *«Would they burn out? Whatever, the intense press exposure showed no signs of letting up. Morrissey made no new friends when reviewing the singles for Record Mirror on February 4 1984. With his by now legendary disregard for anything current which wasn't The Smiths or his personal protg (the superb Easterhouse fell in his favour at this time), Morrissey performed ceremonial destruction with Sade, Style Council, Ultravox, Carmel, Genesis, Marilyn and, ironically enough, Blue Rondo who by this time were probably bragging about how The Smiths once supported them; **poetic justice** indeed. Morrissey makes a lousy rock critic though it is hard to disagree with his put-downs. The obsessive and lightweight dismissals in Record Mirror hinted at a Morrissey who was beginning to live within his own self appraisal. While the humane and personal edge to his songwriting now connected thousands, he*

faced the danger of creating an unlikeable monster blindfolded by defensive arrogance. Time would tell. Marr continuously denied stories that he was becoming tired of the attention Morrissey received» (The Smiths. Middles, Mick, 1988), (BNC, 21).

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что в большинстве случаев в языковых корпусах значение слова «justice» было близко к значению слова «правосудие». Из 200 проанализированных предложений, отобранных из корпусов COCA (Corpus of Contemporary American English) и BNC (British National Corpus), 75% составляли оттенки значения «правосудие», 20% устойчивые словосочетания с индивидуальным смысловым наполнением и 15% предложений, где слово «justice» фигурировало преимущественно в значении «справедливость». Было выявлено, что данная лексема также употребляется в устойчивых выражениях: to do smb / smth justice, poetic justice.

Таким образом, результаты проведенного исследования выявили существенное различие в словоупотреблении русской лексемы «справедливость» и ее английского аналога «justice». Особенности употребления данного слова в русском языке обусловлены его лексической сочетаемостью с другими единицами языка и более четко определенным семантическим значением. Употребление лексемы «justice» обусловлено широким объемом словарных значений, включающим дефиниции нескольких русских понятий, таких как «правосудие», «честность», «справедливость».

При сопоставлении словоупотреблений лексем «справедливость» и «justice» нами были отмечены некоторые особенности. Слово «justice» встречается как в терминологизированных, так и в нетерминологизированных контекстах и наиболее близко к правоприменительному виду государственной деятельности – правосудию. В некоторых случаях – в частности, при упоминании о справедливости как о чувстве – английский аналог передает значение русского слова. Ввиду меньшей полисемантической слова «справедливость» особенности употребления лексемы в контексте определяются частотностью словоформ с участием данного слова. В отличие от «justice», русское слово «справедливость» обладает одним и тем же значением в преобладающей доле рассмотренных примеров.

Литература

Бочкарев А.Е. О чувстве справедливости в русском языковом сознании // Вестник Новосибирского государственного университета. 2017. Т. 15. № 2.

Воркачев С.Г. Справедливость в английской лексикографии: имя концепта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011а. Вып. XIII.

- Воркачев С.Г. Equity, Fairness, Justice: «триада справедливости» (по данным BNC) // Знак – сознание – знания. 2011б. Вып. 2.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики, 2001.
- Макурова С.Р., Хизик Э.И. Концепт «справедливость» в английской и русской лингвокультурах // Вестник Адыгейского государственного университета. 2018. № 3 (222). Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М., 2019.
- Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
- British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
- Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
- Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

References

- Bochkarev A.E. *O chuvstve spravedlivosti v russkom yazykovom soznanii* [The idea of justice in the Russian language consciousness]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Novgorod State University Bulletin]. 2017. Vol. 15. No. 2.
- Vorkachev S.G. *Spravedlivost' v anglijskoj leksikografii: imya koncepta* [Justice in English Lexicography: The Name of the Concept]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics]. 2011a. Iss. XIII.
- Vorkachev S.G. *Equity, Fairness, Justice: «triada spravedlivosti» (po dannym BNC)* [Equity, Fairness, Justice: justice triad (according to BNC)]. *Znak – soznanie – znaniya* [Sign – Consciousness – Knowledge]. 2011b. Iss. 2.
- Karasik V.I., Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya* [Linguistic and Cultural Concept as a Unit of Study]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. 2001.
- Makerova S.R., Hizik E.I. *Koncept «spravedlivost'» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah* [Concept justice in English and Russian Linguocultures]. *Vestnik Aдыгейского gosudarstvennogo universiteta* [Adygea State University Bulletin]. 2018. No. 3 (222). *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)* [National Corpus of Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions]. Moscow, 2019.
- Shmelev A.D. *Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovarju* [Russian Language Model of the World: Materials for the Dictionary]. Moscow, 2002.
- British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
- Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
- Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

**ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
ДЕНДРОНИМОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
А.В. ШИРЯЕВЦА**

М.Г. Соколова

Ключевые слова: А.В. Ширяевец, дендронимы, символ, тропы, семантические преобразования, поэтическая формула.

Keywords: A.V. Shiryayevets, dendronyms, symbol, tropes, semantic transformations, poetic formula.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-02

Введение

Проблема изучения семантики поэтического слова вызывает непрекращающийся интерес исследователей, обусловленный сложностью и комплексностью вопросов, которые связаны с ее решением [Гоннова, Гурова, Соколова, 2019]. В настоящее время в теории поэтической речи, в лингвопоэтике утвердилось понимание поэтической (эстетической) функции языка в первую очередь как семантической функции, как «новых семантических отношений для общеязыковых элементов» [Червинский, 2006, с. 14]. При этом сам поэтический язык рассматривается как реализация неограниченных потенциальных возможностей общенародного языка [Ревзина, 1989; Сидорова, Липгарт 2018].

На уровне семантики неограниченность эстетического потенциала языковых единиц проявляется в семантической осложненности поэтического слова [Виноградов, 1981; Винокур, 1959; Ларин, 1974; Золян, 2014]. Следствием данной осложненности языковых единиц при функционировании в поэтическом тексте является возникновение различных способов семантических преобразований слова [Иванян, Айтасова, 2011]. Выявлению типов семантических преобразований, выяснению лингвистических механизмов в их основе посвящены немногочисленные работы, в которых отмечается отсутствие единства во взглядах на сущность обозначенных явлений [Поцепня, 2002; Абрамова 2019; Бердникова, 2010].

Предметом рассмотрения в настоящей статье является тропеическое словоупотребление дендронимов и их символические значения как способы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А.В. Ширяевца.

Александр Васильевич Ширяевец родился в 1887 году в живописном селе на Волге под названием Ширяево-Буерак. На творческое становление поэта оказало влияние сотрудничество с Суриковским литературно-музыкальным кружком, в состав которого входили близкие по духу новокрестьянские поэты. Особенно близкая дружба связывала А.В. Ширяевца с С.А. Есениным [Койнова, 2007]. В исследованиях литературоведов отмечалась свойственная двум поэтам любовь к пейзажным описаниям, которые отличались персонифицированностью образов [Савченко, 2016], отражением внутреннего мира лирического героя [Алексеева, 2018]. Связь растительных образов в поэзии А.В. Ширяевца с мифопоэтической, народно-поэтической и общепозитической традицией была рассмотрена в статье [Соколова, 2016].

Однако важная роль дендронимов в образной картине мира А.В. Ширяевца еще не становилась предметом самостоятельного изучения в лингвистической литературе. Цель статьи – охарактеризовать типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А.В. Ширяевца на тропеическом и символическом уровнях словоупотребления данных лексем. Поставленная цель обусловила следующие задачи: 1) выявить семантические признаки дендронимов; 2) определить способы актуализации данных признаков в поэтических контекстах и охарактеризовать их в аспекте «универсальное (общепозитическое) – индивидуальное» (авторское); 3) установить символические семантические преобразования дендронимов.

Методология исследования

В настоящей работе за основу исследования принимается типология способов обогащения семантического потенциала слова, предлагаемая М.В. Никитиным [Никитин, 2007]. В соответствии с данной типологией к ним относятся: 1) актуализация вероятностных семантических признаков общеупотребительной лексической единицы; 2) тропеизация слова; 3) эмоционально-оценочный и индивидуально-авторский коннотативный компонент значения слова.

Наибольшей значимостью в репрезентации семантического потенциала дендронимов как элементов поэтических пейзажных описаний А.В. Ширяевца обладают тропеический и индивидуально-авторский коннотативный уровни, которые и будут охарактеризованы в рамках данной статьи. Тропеический уровень семантических преобразований эстетического значения дендронимов представлен компаративными тропами, понимаемыми с позиций лексической семантики [Кожевникова, Петрова, 2015] как структура, состоящая из

денотата как предмета сравнения и ассоциативного уподобления (образа сравнения), например, *береза – девушка*. Индивидуально-авторский коннотативный уровень включает символические преобразования эстетического значения дендронимов в поэзии А.В. Ширяевца.

В рамках предлагаемого исследования методологически важным является также учение о парадигматичности поэтических образов [Павлович, 2004], положение о необходимости рассмотрения языкового явления в аспекте «универсальное – индивидуальное» [Гагаев, 1991; Пузырев, 1995].

Исследование выполнено на материале 22 поэтических фрагментов из 17 произведений А.В. Ширяевца, репрезентирующих дендронимы в тропическом и символическом словоупотреблении. Материал для исследования отбирался из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка¹.

Результаты исследования

Представим тропические и символические преобразования дендронимов в контексте поэтических произведений А.В. Ширяевца. Как показал рассматриваемый материал, дендронимный ряд, используемый поэтом, включает 9 наименований: *береза, сосна, тополь, черемуха, дуб, липа, верба, яблоня, священное дерево*.

Как компоненты компаративных тропов обозначенные дендронимы получают следующие семантические приращения в виде семантических признаков, актуализируемых различными образами сравнения:

– *береза* – ‘невинная’, ‘радостная’, ‘ласковая’ (данные признаки реализуются с помощью образов сравнения в составе парадигмы *дерево – человек: Зеленеют березки невинные, / Шелестят изумрудной листвой* (А.В. Ширяевец. Умирающая арча. 1924); *Березок радостных соседство* (А.В. Ширяевец. «Зеленый луг, лиловые цветы...» из книги «Раздолье»); *Березка с лаской закивает снова* (А.В. Ширяевец «Старая Бинарадка» из сборника «Поминальник»));

– *дуб* – ‘рыжебородый’, *липа* – ‘жаркая’ (названные признаки воплощаются через образы сравнения в составе парадигм *дерево – социальные признаки человека* (молодец, женщина): *Дубы рыжебородые – Иваны! / Аксиньи-липыньки, льяной лазурь-огонь! / Приплывь ли к вашему мне песенному стану, / Услышать ли*

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>. Все примеры приводятся из этого источника.

саратовску гармонь?! (А.В. Ширяевец «Землякам» из сборника «Поминальник»));

– *тополь* – ‘безопасность’ (реализация признака связана с образами сравнения парадигмы *дерево* – *социальные признаки человека* (страж, сторож): *Тополя, словно стража улиц лунных, пустынных, / Замечались и тихо шелестят в полусне* (А.В. Ширяевец. Ночные строки. 1924));

– *черемуха, яблоня* – ‘любовное томление’ (семантический признак раскрывается в контексте народно-образного параллелизма): *Опьянил – вскружил черемух / Белый цвет... / – Ах, весной сидеть в хоромах / Силы нет! <...> Ждут-пождут красу в хоромах. / Нет-как-нет! / ...Осыпается с черемух белый цвет...»* (А.В. Ширяевец «Черемуха» из книги «Запевка»), а также метафоры *дерево* – *предметы гардероба: Где фатой узорчатой // Яблони манят...»* (А.В. Ширяевец «Выйду спозаранку я...» из книги «Волжские песни»);

– *верба, яблоня, береза* – цветковые признаки ‘золото’, ‘изумрудный’, ‘огненный’, реализуемые с помощью образов сравнения в составе парадигм *дерево* – *вещества, металлы, минералы, дерево* – *физический мир: Вербой золотистой / Глянуло детство* (А.В. Ширяевец «Перезвон лучистый» из книги «Волжские песни»); *Догорают, червонятся листья опавшие* (А.В. Ширяевец «Осеннее» из книги «Волжские песни»); *Яблонятся яблоньки / Цветом огневым («Яблонятся яблоньки»); Зеленеют березки невинные, Шелестят изумрудной листвой* (А.В. Ширяевец. Умирающая арча. 1924).

Далее охарактеризуем выявленные способы актуализации названных семантических признаков в аспекте «универсальное (общепоэтическое) – индивидуальное» (авторское), что позволит нам отметить специфику функционирования дендронимов в поэтических контекстах произведений А.В. Ширяевца.

На наш взгляд, образы сравнения *береза* – *девушка, дуб* – *парень, черемуха, яблоня* – *любовное томление* (иллюстративные примеры приведены ранее) относятся к традиции народно-поэтической образности, в частности, к устойчивым формулам образного параллелизма и метафорам, характеризующим образ дерева: *дуб* – *молодец* [Пазынин, 2005], *цветущее дерево (дерево, распускающее листья)* – *девушка, расцветающая для любви* [Веселовский, 1989].

К универсальным (повторяющимся) в традиции русской поэзии XIX–XX веков образам сравнения относятся:

– *тополь* – *сторож (страж)* – имеющийся материал показывает, что данный образ используется преимущественно в поэтических произведениях конца XIX – первой половины XX века

(В.В. Маяковским, И.Н. Молчановым), по отношению к другим растениям – К.М. Фофановым, С.А. Есениным, Вяч. Ивановым, М.Г. Геловани. Приведем соответствующие примеры: *Вдали, как чуткий страж, почитет лес безмолвный* (К.М. Фофанов «Вдали, как чуткий страж, почитет лес безмолвный...». 1888); *Тополы стали спокойствия мерами, ночей сторожами* (В.В. Маяковский. Необычайное. 1923); *и как пьяный сторож, выйдя на дорогу, / Утонул в сугробе, приморозил ногу* (С.А. Есенин «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...». 1925) и др.;

– *листва – золото / изумруд; листва – огонь* – данные парадигмы представлены в поэзии А.В. Ширяевца устойчивыми эпитетами *золотистый, изумрудный* и метафорой *горения*. Перечисленные парадигмы являются наиболее продуктивными по частотности употребления в поэтических контекстах при характеристике самых разных дендронимов. Так, по нашим наблюдениям, образ сравнения *листва – золото* регулярно повторяется в период с 1820 по 1986 год, далее активно воспроизводится современными авторами (его используют поэты А.С. Хомяков, П.А. Вяземский, К.К. Случевский, К.М. Фофанов, А.М. Добролюбов, Д.С. Мережковский, А.А. Фет, И.А. Бунин, С.М. Соловьев, Муни (С.В. Киссин), Н.М. Минский, Г.В. Иванов, М.П. Герасимов, Е.И. Дмитриева, М.И. Цветаева, В.В. Хлебников, А.Б. Мариенгоф, И.П. Уткин, С.А. Есенин, Г.В. Адамович, С.В. Шервинский, Г.А. Раевский, Б.К. Лившиц, Б.П. Корнилов, Н.Н. Ушаков, М. Визи, Б.Л. Пастернак, М. Вега, И.В. Чиннов, Д. Самойлов и др.). Приведем примеры: *Но клен с одеждой золотою* (А.С. Хомяков. Вадим: «День тухнет хладен ветер над Ладогой седою». 1820); *Леса, облитые как золотом червонным* (П.А. Вяземский. Осень. 1830); *лишь тополь дальный / Все грезит в вышине, и ставит лист ребром, / И зыблет, уловя денницы блеск прощальный, / И чистым золотом и мелким серебром* (А.А. Фет «О, как волнуяся я мыслю больною...». 1891); *Сентябрь дубы и клены позлащал* (Д.С. Мережковский. Старинные октавы. 1895–1899); *Клены золотые* (И.А. Бунин. Отрывок (1901); *Листья клена – золотые кружева* (Муни (С.В. Киссин) «Веет грустью ласковой, осенней...». 1907); *Золотится кленами / Роща над прудом* (М. Вега. Переделкино. 1968–1979); *Евангельский сюжет изображает клен – Сиянье, золотое облаченье* (Д. Самойлов «А иногда в туманном освещенье...». 1986) и др. Частотность употребления образов сравнения *листва – изумруд* и *листва – огонь* на протяжении XIX–XX веков отражена в лексикографических источниках [Павлович 2007];

– *весенний цвет (листва) – дым* (по данным словарей поэтической образности, устойчивая формула *листва – дым* введена в русскую поэзию Ф.И. Тютчевым и далее отмечена в поэтических контекстах И.А. Бунина, В. Хлебникова, Н.А. Клюева, В.А. Луговского, Э.Г. Багрицкого, З.Н. Гиппиус, С.А. Есенина, Б.А. Кушнера, А.Т. Твардовского и др., см. [Павлович 2007]). По нашим наблюдениям, метафора *весенний цвет – дым*, впервые встретившаяся в творчестве С.А. Есенина, получает авторскую трансформацию у А. Ширяевца через образ сравнения *ладан* [Соколова, 2016]: *Ничего не надо мне / На земном пути, / Только в вешнем ладане / Без конца идти!* («Выйду спозаранку я» из книги «Волжские песни»).

Символические значения дендронимов, реализующиеся в произведениях А.В. Ширяевца, также соотносятся с регулярно повторяющимися в русской поэзии символическими соответствиями:

– *зеленое (цветущее) дерево – скоротечность и бренность человеческой жизни*; культурная универсалия отмечается в контексте произведений «Смерть», «Последний путь», «Умирающая арча»: *Когда уловишь ты от гроба / Весенний аромат сосны, – / Ты вспомнишь, как страдали оба, / Как страстью были зажжены?..* (А.В. Ширяевец. Последний путь. 1911); *Дерев священных жалкие стволы / В истоке смертной клонятся к могилам* (А.В. Ширяевец. Умирающая арча. 1924); – *береза – символ родины и детства: Убежать бы к белоствольным, / Тихо шепчущим березам* (А.В. Ширяевец «Убежать бы к белоствольным...») из книги «Ранние сумерки»).

Отдельно следует выделить культурно-стереотипное символическое значение «дерево – память», которое приобретает у А.В. Ширяевца авторскую вариацию *память о безмятежном прошлом*. Наиболее отчетливо данное значение выражается в поэтическом цикле «Поминальник», посвященном воспоминаниям поэта о близких дорогих людях и местах, где проходили детские и юношеские годы: *Прошло / Немало лет, но часто-часто снится / Лесное необычное село, / И древние запляшут вдруг зарницы... / Священный дуб махнет, как невзначай, / Березка с лаской закивает снова... / – Эх, Бинарадка старая, прощай! / Смотри, не угашай костров былого!..»* (А.В. Ширяевец «Старая Бинарадка» из сборника «Поминальник»). В олицетворяющем контексте образы деревьев усиливают экспрессию радости и безмятежности лирического субъекта стихотворений от воспоминаний о прошлом.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что в контекстах поэтических произведений А.В. Ширяевца реализуются два типа

семантических преобразований дендронимов – тропеические и символические осложнения семантики данных единиц.

В составе компаративных тропов дендронимы репрезентируют следующие семантические признаки: *береза* – ‘невинная’, ‘радостная’, ‘ласковая’; *дуб* – ‘рыжебородый’, *липа* – ‘жаркая’; *тополь* – ‘безопасность’; *черемуха*, *яблоня* – ‘любовное томление’; *верба*, *яблоня*, *береза* – цветковые признаки ‘золото’, ‘изумрудный’, ‘огненный’.

Способами актуализации данных признаков в поэтических контекстах становятся преимущественно антропоморфные образы сравнения (*дерево – социальные признаки человека (молодец, девушка, женщина, страж)*), а также парадигмы образов *дерево – предметы гардероба, дерево – вещества, металлы, минералы, дерево – физический мир*. Кроме олицетворяющего (метафорического) контекста, А.В. Ширяевец использует прием народно-поэтического образного параллелизма.

Опора на национальную народно-поэтическую традицию проявляется также в употреблении устойчивых формул фольклора, характеризующих образ дерева: *дуб – молодец, цветущее дерево (дерево, распускающее листья) – девушка, расцветающая для любви*.

Связь с традицией русской поэзии XIX–XX веков выражается в использовании таких общепозитических образов сравнения, как *тополь – сторож, листва – золото, изумруд, огонь*.

Символические семантические преобразования дендронимов в произведениях А.В. Ширяевца преимущественно реализуются в виде культурно-стереотипных символических значений: *зеленое (цветущее) дерево – скоротечность и бренность человеческой жизни; береза – символ родины и детства; дерево – память*.

Специфика функционирования дендронимов в поэтических контекстах произведений А.В. Ширяевца проявляется в индивидуально-авторской трансформации устойчивой поэтической формулы *весенний цвет (листва) – дым*, реализованной как *весенний цвет – вешний ладан*, а также в обновлении символического значения «дерево – память» посредством коннотации *память о безмятежном прошлом*. Значительное преобладание средств традиционной поэтической образности (в частности, народно-поэтической) по сравнению с индивидуально-авторскими языковыми средствами, по нашему мнению, обусловлена фольклорно-песенной основой творчества А.В. Ширяевца, простотой и сдержанностью языка его поэзии. Кроме того, языковое воплощение образов деревьев предполагает репрезентацию наиболее ярких, общеизвестных

онтологических свойств соответствующих денотатов, что приводит к использованию универсальных образов сравнения.

Практическая значимость проведенного исследования видится нам в том, что в нем предлагается методика анализа тропеического уровня поэтического текста на основе рассмотрения тропов как элементов образных парадигм в аспекте «универсальное – индивидуальное».

Литература

Абрамова Е.И. Лингвокультурный потенциал дендронима *oak* и англо-кельтский символизм дуба // Филология и человек. 2019. № 3.

Алексеева А.А. Циклизация в творчестве новокрестьянских поэтов 1920–1930-х годов: С.А. Есенин, Н.А. Клюев, С.А. Клычков, А.В. Ширияев. Нижний Новгород, 2018.

Бердникова Т.В. Формы семантической сложности слова в поэтических диалогах И.Ф. Анненского // Вестник Новгородского государственного университета. 2010. № 56. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-semanticheskoy-oslozhnennosti-slova-v-poeticheskikh-dialogah-i-f-annenskogo-1>.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.

Гоннова Н.В., Гурова И.В., Соколова М.Г. Лаборатория лингвистических смыслов (по итогам цикла научных мероприятий) // Русистика без границ. 2019. № 3.

Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск, 1991.

Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. М., 2014.

Иванян Е.П., Айтасова С.И. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы. Самара, 2011.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения». М., 2015.

Койнова Е.Г. «В песне – соловей...» // Ширияев А.В. Песни волжского соловья. Тольятти, 2007.

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2-х тт. М., 2007. Т. 2.

Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 2004.

Пазынин В.В. Образы деревьев в русской народной лирике (к проблеме ассоциативного наполнения). М., 2005.

Пощепня Д.М. Семантика слова в языке и художественной речи // Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. СПб., 2002.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М., 1995.

Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. М., 1989.

Савченко Т.К. Крестьянский поэт А.В. Ширияев // Современное есениноведение = Contemporary Esenin study. 2016. № 2.

Сидорова М.Ю., Липгарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 1) // Филология и человек. 2018. № 3.

Соколова М.Г. Характеристика растительных образов и мотивов в поэзии А. Ширяевца (лингвокультурологический аспект) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 1 (35).

Червинский П.П. Семантика слова в системе стихотворного целого (на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина). Тернополь, 2006.

References

Abramova E.I. *Lingvokul'turnyy potentsial dendronima oak i anglo-kel'tskiy simvolizm duba* [Linguocultural Potential of the Dedronym Oak and English-Celtic Oak Symbolism]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 3.

Alekseeva A.A. *Tsiklizatsiya v tvorchestve novokrest'yanskikh poetov 1920–1930-kh godov: S.A. Esenin, N.A. Klyuev, S.A. Klychkov, A.V. Shiryayevets* [Cyclization in the Work of the Novokrestiansk Poets of the 1920s-1930s: S.A. Yesenin, N.A. Klyuyev, S.A. Klychkov, A.V. Shiryayevets]. Nizhny Novgorod, 2018.

Berdnikova T.V. *Formy semanticheskoy oslozhnennosti slova v poeticheskikh dialogakh I.F. Annenskogo* [Forms of Semantic Complexity of the Word in the Poetic Dialogues of I.F. Annensky]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod State University]. 2010. No. 56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-semanticheskoy-oslozhnennosti-slova-v-poeticheskikh-dialogah-i-f-annenskogo-1>.

Veselovskiy, A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, 1989.

Gonnova N.V., Gurova I.V., Sokolova M.G. *Laboratoriya lingvisticheskikh smyslov (po itogam tsikla nauchnykh meropriyatiy)* [Laboratory of Linguistic Means (based on the results of the cycle of scientific events)]. *Rusistika bez granits* [Russian studies without borders]. 2019. No. 3. URL: http://www.rusistikabg.com/wp-content/uploads/2019/09/rusistika-bez-granici_3_2019_1.pdf.

Vinogradov V.V. *Problemy russkoy stilistiki* [Problems of Russian Stylistics]. Moscow, 1981.

Vinokur G.O. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works about the Russian Language]. Moscow, 1959.

Gagaev A.A. *Teoriya i metodologiya substratnogo podkhoda v materialisticheskoi dialektike* [Theory and Methodology of Substrate Approach in Materialistic Dialectics]. Saransk, 1991.

Zolyan S.T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and Structure of Poetic Text]. Moscow, 2014.

Ivanyan E.P., Aytasova S.I. *Semantika i funktsii konnotativnykh onimov v russkom diskurse* [Semantics and Functions of Connotative Onyms in Russian Discourse]. *Vysshhee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy* [Higher Humanitarian Education of the XXI century: Problems and Prospects]. Samara, 2011.

Kozhevnikova N.A., Petrova Z.Iu. *Materialy k slovariu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv.* [Materials to the Dictionary of Metaphors and Similes in Russian literature of XIX–XX centuries]. Iss. 3. «Plants». Moscow, 2015.

Koynova E.G. «*V pesne – solovey...*» [«The song of the Nightingale...»]. Shiryayevets A.V. *Pesni volzhskogo solov'ya* [Song of the Volga Nightingale]. Togliatti, 2007.

Larin B.A. *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Esthetics of the Word and Language of the Writer]. Leningrad, 1974.

Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoi semantiki* [Course of Linguistic Semantics]. St.Petersburg, 2007.

Pavlovich N.V. *Slovar' poeticheskikh obrazov: na materiale russkoi khudozhestvennoi literatury XVIII–XX vekov*. [The Dictionary of Poetic Images: on the material of Russian literature of XVIII–XX centuries]. In 2 vols. Moscow, 2007. Vol. 2

Pavlovich N.V. *Yazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke* [Language of Images. Paradigm Images in Russian Poetry of the Language]. Moscow, 2004.

Pazynin V.V. *Obrazy derev'ev v russkoy narodnoy lirike (k probleme assotsiativnogo napolneniya)* [Images of Trees in Russian Folk Lyrics (on the problem of associative content)]. Moscow, 2005.

Potsepnaya D.M. *Semantika slova v yazyke i khudozhestvennoy rechi* [The Semantics of the Word in Language and Speech Art]. *Sovremennyy russkiy yazyk: Leksikologiya. Frazеologiya. Leksikografiya* [Modern Russian Language: Lexicology. Phraseology. Lexicography]. St.Petersburg, 2002.

Puzyrev A.V. *Anagrammy kak iavlenie iazyka: Opyt sistemnogo osmysleniia* [Anagram as a Phenomenon of Language: Systematic Reflection]. Moscow, 1995.

Revzina O.G. *Sistemno-funktional'nyy podkhod v lingvisticheskoy poetike* [System-functional Approach in Linguistic Poetics]. *Problemy strukturnoy lingvistiki. 1985–1987* [Problems of Structural Linguistics. 1985–1987]. Moscow, 1989.

Savchenko T.K. *Krest'yanskiy poet A.V. Shiryayevets* [Peasant Poet A.V. Shiryayevets]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Contemporary Esenin Study]. 2016. No. 2.

Sidorova M.Yu., Lipgart A.A. *Grammatika sovremennoy russkoy poezii: sub"ektnaya perspektiva, predikativnye kategorii, modusnye ramki (chast' I)* [Grammar of Modern Russian Poetry: Subjective Perspective, Predicative Categories, Modus Frames (Part I)]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 3.

Sokolova M.G. *Kharakteristika rastitel'nykh obrazov i motivov v poezii A. Shiryayevtsa (lingvokul'turologicheskii aspekt)* [Characteristics of Nature Images and Motives in A. Shiryayevets Poetry (linguistic and cultural aspect)]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector Science of Togliatti State University]. 2016. No. 1 (35).

Chervinskii P.P. *Semantika slova v sisteme stikhotvornogo tselogo (na materiale poezii S. Esenina i D. Kedrina)* [Semantics of the Word in the System of the Poetic Whole (based on the poetry of S. Yesenin and D. Kedrin)]. Ternopol, 2006.

МИСТЕР «ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?»: ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ¹

И.В. Савельева

Ключевые слова: лингвистическая персонология, языковая личность, интернет-комментарий, виртуальная коммуникация, текстопорождение.

Keywords: linguistic personology, language personality, internet commentary, virtual communication, text generation.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-03

Введение

В предлагаемом исследовании проводится анализ виртуальных комментариев, формирующих коммуникативное интернет-пространство, в котором коммуникантами являются рядовые носители языка. Такие сущностные свойства интернет-общения, как письменный характер, анонимность, речевая маска коммуникантов, приводят к развитию способности оценивать личность по ее речевому проявлению (вербальный портрет), то есть как языковую (далее ЯЛ), как человека «в его способности к порождению и пониманию речи» (К.Ф. Седов). «Специфический признак образа коммуниканта в виртуальной среде – физическая непредставленность, провоцирующая проявление анонимности и возможности формирования виртуального образа, отличного от реального человека, его создавшего» [Алтухова, Лебедева, 2012, с. 110].

Если в реальных ситуациях общения мы воспринимаем партнера по коммуникации комплексно: видим его жесты, мимику, слышим интонацию, особенности произношения (то есть мультимодально), то в виртуальном пространстве восприятию доступны только особенности вербального модуса письменного общения. Мы выдвигаем тезис о том, что с развитием оперативной виртуальной коммуникации, человек говорящий «Homo loquens» уступает место человеку пишущему «Homo scribens», у которого формируется новый тип перцепции. Регулярное участие в виртуальной коммуникации усиливает

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

способность ее участников идентифицировать личность по ее письменному продукту – тексту. Это выражается в нацеленности внимания на вербально-иконический код, получающий актуализацию в виртуальной коммуникации. Иными словами, формируется способность «видеть» личность, стоящую за текстом, как собственно сегодня и происходит, когда завсегдатаи одного интернет-сообщества мгновенно определяют нового пользователя, носителя оппозиционных идей или провокатора (тролля), включающегося в интернет-коммуникацию.

Актуальность исследования определяется его вкладом в развитие теории языковой личности, в частности, вносит вклад в решение проблемы типологизации виртуальной языковой личности. Кроме того, изучение реакций адресата политического дискурса, который сегодня выступает в двойной роли – и как адресат, и как адресант, – позволяет установить скрытые механизмы, воздействующие на формирование политического сознания рядового носителя языка и способы его отражения в дискурсе. В последние десятилетия в парадигму исследований непрофессионального политического дискурса, возникающего на интернет-форумах, входит категория «третьего пространства» (third space) [Wright, 2012]. Данный термин позволяет обозначить важную для человека область социального взаимодействия, которая занимает третье место после личного (семейный круг общения) и профессионального (производственный круг общения) сегментов коммуникативного пространства [Graham и др., 2017].

В сфере институциональной коммуникации происходят аналогичные процессы. Доступность дискурса власти, виртуализация политической коммуникации благодаря ресурсам социальных сетей позволяют пользователям оценивать ЯЛ политиков, составлять их речевой портрет на основе дискурсивных практик [Голянская, Мельник, 2019]. Безусловно, невербальное поведение публичной личности (особенно личности политика) обращает на себя внимание, однако в фокус восприятия адресата попадает именно дискурс политического субъекта, его идиостиль, характерные обороты и речевые приемы, а также их прагматическая составляющая [Мухоротов, 2019; Савельева, 2015]. Именно эти параметры становятся объектом оценивания в комментариях. Иными словами, адресатом считывается типичный языковой инструментарий (лингвоперсонологический аспект), а также тональность и «перлокутивный эффект», производимый порождаемым дискурсом (прагматический аспект). В качестве примера можно привести эпизодически используемое в сети *Facebook* прозвище Бориса

Джонсона *BoJo whiff-whaff clown* (эквивалент – *БоДжо теннисный клоун*), которое появилось после его **речи** по вопросу происхождения спортивной игры в настольный теннис, одна из разновидностей которой в Англии Эпохи королевы Виктории по-английски называлась *whiff-whaff*.¹ Неоднозначно воспринимаемое вербальное поведение политика, использование им «фейковой» информации: все это отразилось в прозвище с откровенно отрицательной коннотацией. И, напротив, в комментариях к новостям на «Russia Today», читаем оценку ЯЛ В.В. Путина: *Mr What you're doing is absolutely brilliant! I totally get it. I knew you were super smart all along!* (Мистер «Что Вы делаете» абсолютно великолепен! Я полностью согласен. Я всегда знал, что вы очень умный!»²). Вместо обращения по имени и названия статуса политика автор использует вопросительную фразу, выражая комплекс эмоций – смесь удивления и уважения к лидеру международной политической сцены, способного «удивить мировую общественность»³.

Анализ интернет-комментариев к статьям политической тематики позволяет утверждать, что среди объектов, избираемых авторами для комментирования и помещаемых в фокус восприятия, а таковыми могут являться означаемое и означающее исходного текста статьи (инфоповода) и вторичных текстов (комментариев), находится и языковая личность субъектов коммуникации. Специфика текста языковой личности, рассматриваемого как «персонотекста» (Н.Д. Голев), ее речевой инструментарий становятся объектом оценивания в комментариях рядовых носителей языка. Обыденной интерпретации подвергаются как единичные высказывания коммуникантов ближнего круга – виртуальных собеседников, так и вербальное поведение социально дистанцированных коммуникантов – известных фигур, действующих на политической сцене. Кроме того, будучи единственной характеристикой виртуальной личности (материальным воплощением ее речевой маски), текст воспринимается в прагматическом аспекте, слово расценивается как действие (Дж. Остин) и становится портретом, визитной карточкой его носителя.

Теоретические предпосылки

Развитие положений теории языковой личности позволило определить, что важным компонентом человеческого бытия является

¹ The Telegraph. 2 сентября 2008. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/london-mayor-election/mayor-of-london/2666041/Boris-Johnson-in-whiff-whaff-ping-pong-row.html>

² Здесь и далее перевод наш. – И.С.

³ Russia Today. 15 января 2020. URL: <https://www.rt.com/op-ed/478381-russian-government-resignation-mishustin/>

его языковое существование. Известное изречение Ю.Н. Караулова о том, что за каждым текстом стоит языковая личность его носителя, стало аксиоматическим в гуманитарном знании, развивающемся согласно принципу антропоцентризма [Караулов, 1987]. Определение языковой личности как: 1) носителя языка, взятого со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекса психофизических свойств индивида, позволяющего ему производить и воспринимать речевые произведения; 2) совокупности особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения; 3) закрепленного преимущественно в лексической системе базового национально-культурного прототипа носителя определенного языка позволяет аспектуализировать исследование данного феномена и выделить речевую, коммуникативную и словарную ЯЛ соответственно [Костомаров, 2014, с. 200].

Однако рассмотрение речевой деятельности личности в аспекте актуализации в тексте типичных и индивидуальных свойств ее персониферы обнаруживает системные корреляции текстов разных типов с разными типами языковой личности [Голев, 2014; Мельник, 2014]. Текст, взятый как «персонотекст», дает возможность исследователю реконструировать ЯЛ его автора в гендерном, психофизиологическом, когнитивном, социальном и др. аспектах. Наблюдение за структурными характеристиками персонотекстов позволяет установить их взаимозависимость со стратегическими предпочтениями ЯЛ [Голев, Носкова, 2011; Ким, 2010; Мельник, 2014; Савельева, 2015].

Результаты реконструирования ЯЛ публичных личностей дают основания выделить внутри лингвистической персонологии политическое направление [Каменева, Федянина, 2019; Кондратьева, 2018; Чудинов, Нахимова, Никифорова, 2018]. Существование политики как одной из значимых сфер социальной жизни связывается в первую очередь с порождением дискурсов [Методология..., 2019]. Большая часть дискурсивных практик формируется устными выступлениями и письменными документами, авторами которых становятся известные политические деятели. Массовость и легитимность данных практик рождает метафору – политика совершается в лицах. Соответственно, эффект продуцируемых институтом власти дискурсов, их отражение в сознании адресата часто приобретает выраженный характер: апологетичные суждения или опротестование легитимности принимаемых решений эксплицируются в обыденных реакциях – от «разговоров на кухне» до народной журналистики.

Характеризуя виртуальный дискурс, рождающийся в интернет-комментариях, мы не можем не отметить, что сегодня «культура виртуального общения предполагает свободное речевое поведение, выстраивается в более агрессивной манере и с большим количеством нарушений коммуникативной этики» [Бец, 2013, с. 11]. Это согласуется с мнением В.И. Карасика о дискурсивном поведении личности, реализующей «свои предпочтения в том или ином стиле поведения с учетом их участия в определенном типе дискурса» [Карасик, 2007, с. 80]. Парадокс в том, что стремление освободиться от норм этикета и нарушить привычные правила коммуникации приводит к возникновению неких конвенций и для маргинальных вариантов высказываний. Речевые аномалии со временем принимают упорядоченный характер, а их системное употребление становится индикатором принадлежности к определенному сообществу. Так происходит и с дискурсивными практиками интернет-комментаторов.

Следует согласиться со словами Р.И. Павилениса, что человек – «не просто пассивный референт языковых выражений, а активный их интерпретатор, не просто носитель языка, а прежде и важнее всего – носитель определенных концептуальных систем, на основе которых он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [Павиленис, 1983, с. 259-260]. В этой связи виртуальная коммуникация является отражением обыденного варианта политического сознания общества, своеобразной «лакмусовой бумагой» степени доверия власти и друг другу, а также демонстрирует актуальные для данного типа дискурса способы речевого взаимодействия.

Очевидно, что вместе с обменом мнениями и информацией адресаты политического дискурса оказывают друг на друга определенное воздействие, реализуемое через слово собственное и оценку эффекта от слова собеседника. «<...> Всякое обыденное, и, казалось бы, нейтральное высказывание предполагает воздействие на восприятие мира, и, прямо или косвенно, регуляцию поведения адресата» [Павлова, 2013, URL].

Спектр коммуникативных стратегий, регулярно используемых личностью, формирует тип ее вербального поведения. В коммуникативно-прагматическом аспекте ЯЛ оценивается по ее способности решать коммуникативные задачи, успешно реализовывать коммуникативную интенцию [Болотнова, 2017].

В медийном дискурсе формируется выраженный тип информационно-медийной языковой личности. А.В. Болотнов определяет следующие особенности данного типа ЯЛ: готовность

к новой информации и потребность в ней; публичность в оценке новой информации; многоуровневость и мозаичность мировидения, эклектичность мировосприятия; полидискурсивность; поликодовость и интертекстуальность в медиакommunikации; индивидуализация, самодостаточность, стремление к самопрезентации; свобода выражения себя, своих оценок и ценностных установок [Болотнов, 2016a].

Как точно сформулировано К.Ф. Седовым, «структура дискурса выступает отражением (и выражением) особенностей языковой личности, и в том числе – ее коммуникативной компетенции. Исследование строения дискурса позволяет выявить своеобразие речевого поведения как конкретного носителя языка, так и идиостиля группы людей» [Седов, 2004, с. 6].

Результаты

Лингвистический анализ персоналогических особенностей текстов-комментариев на новостных порталах на русском и английском языках показывает, что ряд авторов публикуют реплики, в которых не обнаруживается оценки обсуждаемых большинством комментаторов событий и фактов. Эти комментарии – скорее реплики, аналогичные производимым в устной беседе (ср. интердиалоговая личность [Бец, 2014], онлайн-личность [Селютин, 2009], личность наблюдателя (свидетеля) [Болотнов, 2016б]). Наблюдение за векторами порождения комментариев позволяет утверждать, что не все авторы «комментов»-реплик интересуются медиановостью, изложенной в статье, многих больше привлекают мнения, представленные во вторичных текстах – в комментариях других читателей. Написать комментарий для адресатов данного типа равноценно вступлению в беседу, обмену мнениями с дистанцированным в реальном, но проксимизированным в виртуальном пространстве собеседником (с тем, кто находится в ближайшем окружении – принадлежит к данному интернет-сообществу). В фокус внимания комментатора личность помещается главным образом в двух ипостасях: ее вербальный портрет (как правило, это лексико-синтаксический уровень текстов ЯЛ) и ее вербальное поведение, включающее эффект, производимый ее высказыванием. Данные стороны ЯЛ в определенной мере сопрягаются с уровнями языковой личности, предложенными в концепции Ю.Н. Караулова [Караулов, 1987].

Продemonстрируем вышесказанное на примерах. В следующем комментарии дается оценка текста «коммуниканта ближайшего круга»:

*Человек, не осознающий, что его слова и действия неуместны или болон, или глуп. Вы из какой категории?*¹

Как видим, объектом обсуждения становится собеседник, его слова оцениваются как *неуместные*. Причем первое высказывание в тексте содержит подлежащее в третьем лице, автор намеренно выводит коммуниканта из разговора, тем самым показывая свое нежелание продолжать беседу. Из второго высказывания, содержащего обращение на *Вы*, становится понятно, что негативный текст направлен на собеседника. Автор данного комментария сформировал мнение о другом пользователе на основе его вербального проявления.

Другой пример комментария, в котором объектом становится ЯЛ партнера по коммуникации:

*Украина у нас исламская страна? Зачем вы здесь это пишете?*²

Во втором тексте собеседник переспрашивает, явно выражая удивление и непонимание цели сообщения, оставленного предыдущим комментатором. Он прямо запрашивает об этом, соблюдая, однако, этикет и «симметричную» коммуникацию. Это подтверждается и объединяющим автора с собеседником предложным дополнением у *нас*, и обращением на *вы*.

Анализ текстов комментариев на английском языке также обнаруживает оценку ЯЛ собеседника:

Resigning and getting fired does not mean the same. Look it up in the dictionary. Resigning is something done voluntarily. Anyone has the right to resign in Russia actually. This is different in the US? (Отставка и увольнение не одно и то же. Посмотри в словарь. Отставка – это то, что совершается добровольно. Вообще-то каждый в России имеет право подать в отставку. В США не так?)³

Автор реплики поясняет различия в семантике двух выражений – *resigning* и *getting fired*, – а затем советует читателю, в адрес которого направлена реплика, обратиться к словарю. Таким образом, он составляет мнение о ЯЛ объекта оценки, как не обладающего достаточным уровнем владения английским языком.

Анализ типов ЯЛ, детерминирующих порождение реплик-реакций, показывает, что их авторы не ограничиваются оценкой «социально равных» коммуникантов. Типы личностей, избираемых для

¹ Russia Today. 20 января 2020. URL: <https://russian.rt.com/world/article/708059-ssha-ustoichivost-demokratiya-ukraina>

² Russia Today. 20 января 2020. URL: <https://russian.rt.com/world/article/708059-ssha-ustoichivost-demokratiya-ukraina>

³ Russia Today. 15 января 2020. URL: <https://www.rt.com/op-ed/478381-russian-government-resignation-mishustin/>

вербализации реакции реципиента дискурса, варьируются. Расположение данных типов ЯЛ на оси, имеющей центробежный характер, таково (см. рис. 1): ближе к центру находится сам субъект текста-реакции, выполняющий автоадресацию, а крайней точкой становится фигура обсуждаемого политика, рассматриваемая в «языковой перспективе».

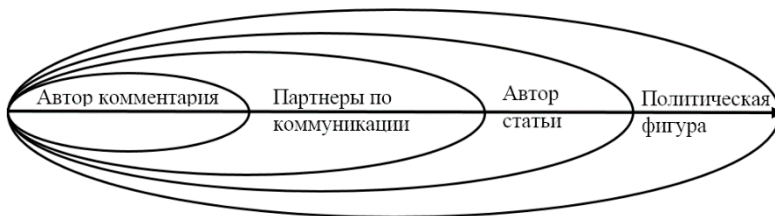

Рис. 1. Типы языковой личности, избираемые в качестве объектов при порождении текстов-комментариев.

Феномен автоадресации типичен для виртуального дискурса, он наблюдается во многих жанрах письменной интернет-коммуникации, таких как блоги, сетевые дневники и т.д. [Рабенко, 2018]. Ряд авторов комментариев оставляют реплики, реализуя коммуникативную стратегию самопрезентации. На это указывает набор речевых средств, которые сигнализируют наблюдателю о том, что автор ставит свою фигуру в центр внимания, сам является и субъектом, и объектом порождения текста. Индикаторами автоадресации в текстах-комментариях служат в первую очередь метаязыковые выражения, как, например, в следующем комментарии:

*Предсказывал в одном из комментариев, что произойдет смена Конституции, чтобы Верховный правил пожизненно, был уверен, что будет выбран путь, реализованный в Казахстане. Не ошибся.*¹

Автор фактически презентует собственную экспертную оценку, сделанную ранее, определяя свой предыдущий текст (речевой акт) как предсказание. А далее подводится итог – резюме об успешности реализованной коммуникативной задачи.

Детерминантой порождения интернет-реплик может также стать ЯЛ автора текста статьи. Это происходит в тех комментариях, где читатели оценивают мастерство журналиста. Так, в следующем тексте-реплике мы видим, что оцениваемый объект – автор комментируемого текста:

¹ Republic.ru. 16 января 2020. URL: <https://republic.ru/posts/95671>

This article was especially well written and clear. (Эта статья особенно хорошо и ясно написана).¹

Несмотря на то, что объектом в фокусе восприятия является статья, стимул для порождения данного текста – стилиевой портрет ее автора, его профессиональные навыки, которые переносятся читателем на результат творчества. Оценка ЯЛ автора в данном комментарии опосредована ее продуктом – медиатекстом.

Следующим типом ЯЛ, детерминирующим порождение интернет-реплик, становится субъект речи, наиболее дистанцированный от авторов комментариев, однако довольно часто попадающий в фокус их восприятия, – это политические риторы. Их дискурс оценивается как в прагматическом отношении, то есть адресат «считывает» скрытую манипуляцию, так и в имиджевом – то есть рядовой читатель составляет свое мнение о политических деятелях на основе их устных и письменных дискурсов. Приведем пример:

*И как обычно великие спецы типа Байдена из логова демократов выпускают байку про Трампов динамит в бочку с порохом. Эпическое конечно сравнение, прямо надрыв. Что наделал президент-недоумок. Только вот если динамит воткнуть в пороховую бочку взрывоопасность системы никак не изменится. Кто тут настоящий недоумок, становится ясно, если конечно не предположить, что Байден специально привел такое сравнение, оправдывая Трампа.*²

Из данного текста видно, что объектом обсуждения становятся ЯЛ американского политика, который с помощью своих публичных «стансов» манипулирует адресатом. К исходу данного коммуникативного акта становится причастен и сам автор, который оценивает прагматический эффект дискурса Байдена через наименование речевых актов политика конкретными названиями *выпустить байку, привести сравнение, оправдать*. Одновременно с этим мы наблюдаем аналитический подход к оцениванию ЯЛ официального лица. Метакогнитивные предикаты *становится ясно* и *предположить* сигнализируют о попытке логического осмысления политических выступлений.

Интересен также вид текстов, в которых наблюдается полифокусность восприятия. В центр внимания субъектов

¹ Russia Today. 15 января 2020. URL: <https://www.rt.com/op-ed/478381-russian-government-resignation-mishustin/>

² Republic.ru. 4 января 2020. URL: <https://republic.ru/posts/95595>

виртуального дискурса попадают сразу разные уровни ЯЛ – от авторов новостей до политических лидеров:

А тут такое происходит. Артисты, пианисты. Жалко, херурга¹ нет (некоторые комментаторы предполагают, что начальника просто неправильно поняли и притащили настоящего хирурга вместо залдостанова). Но сумел же Владимир Владимирович удивить заскучавшую публику, согласитесь!

В своей реплике автор заостряет внимание сразу на нескольких ЯЛ: коллективной, которая включает обобщенное мнение членов виртуального сообщества (*некоторые комментаторы предполагают*) и ЯЛ политического лидера (*сумел же Владимир Владимирович удивить публику*). Последний объект в фокусе автора комментария представляется как достигнувший цели – коммуникативный акт, в котором адресантом является политик, а адресатом – граждане, успешно реализован. В данном примере наиболее четко прослеживается оценка воздействия языковой личности на адресата.

В комментариях на англоязычных новостных сайтах прослеживается тот же самый феномен: полифокусность восприятия и комментирование разных типов ЯЛ:

I would have been more interested in reading about the stances each candidate took on the questions presented. I noticed that this article and the media commentators spent more time on trying to look for moments to make this more of a «brawl» than a difference of opinions and policies. (Мне было бы более интересно прочитать о позициях, которые каждый кандидат занял по представленным вопросам. Я заметил, что эта статья и комментаторы СМИ потратили больше времени на то, чтобы попытаться найти моменты, чтобы сделать это скорее «дракой», чем разницей во мнениях и политике)².

Если объектом номер один в данном интернет-тексте является ЯЛ кандидатов в президенты, то объектом номер два – представители прессы, присутствовавшие на встрече и продуцировавшие комментируемый текст. В первом случае предметом комментирования является не что иное как позиция риториков, эксплицированная в ответах на определенные вопросы представителей прессы. Во втором – поведение прессы. Автор реплики вскрывает целенаправленное формирование медиаспециалистами так называемой «повестки дня» и

---

¹ Авторские пунктуация и орфография в текстах комментариев сохранены.

² New York Times. 14 января 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/01/14/us/politics/democratic-debate-recap.html#commentsContainer>

указывает на преднамеренный выбор определенного ракурса при подаче новостей.

Заключение

Век электронно-опосредованного общения все чаще переносит языковое бытие личности в «третье пространство» коммуникации – виртуальное. Анализ продуктов виртуальной коммуникации, приобретающей массовый характер, – интернет-комментариев, в совокупности образующих непрофессиональный политический дискурс, на предмет установления объектов, выбираемых для оценки, показывает, что одной из детерминант порождения виртуального текста является языковая личность. Ранжирование типов ЯЛ, обсуждаемых в текстах-комментариях, позволяет установить характер варьирования: от ЯЛ самого субъекта виртуального текста до субъекта политического дискурса – наиболее отдаленного в социально-иерархическом отношении. Это очевидно и на примере виртуализации институциональных дискурсивных практик – политические лидеры, представители легитимной власти, напрямую общаются с гражданами через страницы в социальных сетях. Кроме того, исследование проблемы детерминанты продуцирования комментариев в сети Интернет позволяет сделать сопутствующие выводы. С нашей точки зрения, развитие внутри лингвистической персонологии текстоцентрического направления предвосхищает и в определенной мере знаменует всеобъемлющую дискурсивную практику в сети, которая на данном этапе развития общества вытесняет другие каналы коммуникации.

Литература

Алтухова Т.В., Лебедева Н.Б. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1 (49).

Болотнов А.В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: дис. ... док. филол. наук. Томск, 2016а.

Болотнов А.В. Информационно-медийная языковая личность наблюдателя (свидетеля) и ее дискурсивные практики [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2016б. № 11 (176). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-mediynaya-yazykovaya-lichnost-nablyudatelya-svidetelya-i-ee-diskursivnye-praktiki>.

Болотнова Н.С. Изучение воздействия медиадискурса публичной языковой личности на коллективного адресата (по данным экспериментов) [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2017. № 7 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-vozdeystviya-mediadiskursa-publichnoy-yazykovoy-lichnosti-na-kollektivno-go-adresata-po-dannym-eksperimentov>.

Бец М.В. Аксиологическая соотнесенность текста информационно-аналитической статьи и комментария в виртуальном пространстве Рунета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013.

Голев Н.Д., Носкова О.А. Лингвокогнитивный стиль журналиста как проявление его аргументативной логики (на примере художественно-публицистических эссе) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4.

Голев Н.Д. Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М., 2014.

Голянская В.А., Мельник Н.В. Стратегии и тактики политической манипуляции в СМИ // Филология и человек. 2019. № 3. DOI: 10.14258/filichel(2019)3-03

Каменова В.А., Федянина Л.И. Гендерный аспект эвфемизации дискурса политиков. В.В. Путин vs А. Меркель (лингвоперсонологический подход) // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78).

Карасик В.И. Дискурсивная персонология. Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 7. Воронеж, 2007.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. 1987.

Ким Л.Г. Интерпретационное поле как реализация вариативно-интерпретационного потенциала текста (на материале лингвистического эксперимента) // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1.

Кондратьева О.Н. Стратегии и тактики в дискурсе регионального политика (на материале выступлений ВРИО Губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева) // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70).

Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (1).

Мельник Н.В. Текстовое моделирование языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М., 2014.

Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 8. Дискурсы рефлексии: филологические практики в контексте исторического мышления. Минск, 2019.

Мухоротов Д.С. Об особенностях исследования языковой личности политика на современном этапе // Филология и человек. 2019. № 1. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-02

Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Павлова Н.Д. Механизмы и средства дискурсивного воздействия [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-i-sredstva-diskursivnogo-vozdeystviya>.

Рабенко Т.Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте: автореф. дис. ... док. филол. наук. Кемерово, 2018.

Савельева И.В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев). Кемерово, 2015.

Савельева И.В. Манипулятивность в обыденном политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-4 (64).

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.

Селюгин А.А. Коммуникативная толерантность в виртуальном пространстве: на примере анализа текстов социальных сайтов: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009.

Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров [Электронный ресурс] //

Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskaya-lingvopoliticheskaya-personologiya-issledovanie-diskursa-politicheskikh-liderov>.

Graham T., Jackson D., Broersma M. The Personal in the Political on Twitter: Towards a Typology of Politicians' Personalized Tweeting Behaviours. 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-61708-4_8

Wright S. From «Third Place» to «Third Space»: Everyday Political Talk in Non-Political Online. Spaces Javnost – The Public. 2012.

References

Altuhoва Т.В., Лебедева Н.В. *Virtual'noe obschenie: novyj `etap razvitiya pis'mennoj kommunikacii* [Virtual Communication: a New Stage in the Development of Written Communication]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo State University Bulletin]. 2012. No. 1 (49).

Bolotnov A.V. *Informacionno-medijnoj yazykovoj lichnosti: kommunikativno-kognitivnye aspekty issledovaniya* [Idiostyle of Information and Media Language Personality: Communicative and Cognitive Aspects of Research]. Doc. of Philol. Diss. Tomsk, 2016a.

Bolotnov A.V. *Informacionno-medijnaya yazykovaya lichnost' nablyudatelya (svidetelya) i ee diskursivnye praktiki* [Information and Media Language Personality of the Observer (Witness) and Its Discursive Practices]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2016b. No. 11 (176). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-medijnaya-yazykovaya-lichnost-nablyudatelya-svidetelya-i-ee-diskursivnye-praktiki>.

Bolotnova N.S. *Izuchenie vozdeystviya mediadiskursa publichnoj yazykovoj lichnosti na kollektivnogo adresata (po dannym `eksperimentov)* [Study of the Impact of a Public Language Personality's Media Discourse on a Collective Recipient (based on experimental data)]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2017. No. 7 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-vozdeystviya-mediadiskursa-publichnoj-yazykovoy-lichnosti-na-kollektivnogo-adresata-po-dannym-eksperimentov>.

Bec M.V. *Aksiologicheskaya sootnesennost' teksta informacionno-analiticheskoy stat'i i kommentariya v virtual'nom prostranstve Runeta* [Axiological Correlation of the Text of an Information-analytical Article and a Comment in the Virtual Space of Runet]. Abstack of Philol. Cand. Diss. Kemerovo, 2013.

Golev N.D., Noskova O.A. *Lingvokognitivnyj stil' zhurnalista kak proyavlenie ego argumentativnoj logiki (na primere hudozhestvenno-publicisticheskikh `esse)* [Linguocognitive Style of a Journalist as a Manifestation of His Argumentative Logic (on the example of feature articles)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberia Philology Journal]. 2011. No. 4.

Golev N.D. *Mental'no-psihologicheskie aspekty tipologii yazykovoj lichnosti (k probleme vzaimootnosheniya yazykovogo i personnogo prostranstva)* [Mental and Psychological Aspects of the Typology of Language Personality (on the problem of the relationship between language and personal space)] *Yazykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language Personality: Modeling, Typology, Portraiture. Siberian Linguistic Personology]. Moscow, 2014.

Golyanskaya V.A., Mel'nik N.V. *Strategii i taktiki politicheskoy manipulyacii v SMI* [Strategies and tactics of political manipulation in Media]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 3. DOI: 10.14258/filichel(2019)3-03

Kameneva V.A., Fedyanina L.I. *Gendernyj aspekt `evfemizacii diskursa politikov. V.V. Putin vs A. Merkel' (lingvopersonologicheskij podhod)* [Gender Aspect of Euphemization

of Politicians' Discourse. V.V. Putin vs A. Merkel (linguopersonological approach)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2019. No. 6 (78).

Karasik V.I. *Diskursivnaya personologiya* [Personology of Discourse]. *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda* [Language, Communication and Social Environment]. Voronezh, 2007. Iss. 7.

Karaulov Yu.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, 1987.

Kim L.G. *Interpretacionnoe pole kak realizaciya variativno-interpretacionnogo potenciala teksta (na materiale lingvisticheskogo `eksperimenta)* [Interpretation Field as a Realization of the Variative-interpretative Potential of a Text (based on the material of a linguistic experiment)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberia Philology Journal]. 2010. No. 1.

Kondrat'eva O.N. *Strategii i taktiki v diskurse regional'nogo politika (na materiale vystuplenij VRIO Gubernatora Kemerovskoj oblasti Sergeya Cibileva)* [Strategies and Tactics in the Discourse of a Regional Politician (based on the speeches of the acting Governor of the Kemerovo region Sergey Tsivilev)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2018. No. 4 (70).

Kostomarov P.I. *Antropocentrizm kak vazhnejšij priznak sovremennoj lingvistiki* [Anthropocentrism as the Most Important Feature of Modern Linguistics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo State University Bulletin]. 2014. No. 2 (1).

Mel'nik N.V. *Tekstovoe modelirovanie yazykovoj lichnosti* [Textual construction of a language personality]. *Yazykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language Personality: Modeling, Typology, Portraiture. Siberian Linguistic Personology]. Moscow, 2014.

Metodologiya issledovanij politicheskogo diskursa: aktual'nye problemy sodержatel'nogo analiza obščestvenno-politicheskikh tekstov [Methodology of Political Discourse Research: Actual Problems of Content Analysis of Socio-political Texts]. Iss. 8. *Diskursy refleksii: filologicheskie praktiki v kontekste istoricheskogo myshleniya* [Discourses of Reflection: Philological Practices in the Context of Historical Thinking]. Minsk, 2019.

Muhorotov D.S. *Ob osobennostyah issledovaniya yazykovoj lichnosti politika na sovremennom `etape* [On the Features of the Study of the Language Personality of a Politician at the Present Stage]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 1. DOI: 10.14258/filichel(2019)1-02

Pavilenis R.I. *Problema smysla: sovremennij logiko-filosofskij analiz yazyka* [The Problem of Meaning: Modern Logical and Philosophical Analysis of Language]. Moscow, 1983.

Pavlova N.D. *Mehanizmy i sredstva diskursivnogo vozdeystviya* [Mechanisms and Means of Discursive Influence]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kostroma State University Bulletin]. 2013. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-i-sredstva-diskursivnogo-vozdeystviya>.

Rabenko T.G. *Zhanry estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi v variantologicheskom aspekte* [Genres of Natural Written Russian Speech in the Variantological Aspect]. Abstract of Philol. Doc. Diss. Kemerovo, 2018.

Savel'eva I.V. *Variativnost' strategij tekstovopriyatiya i tekstoporozhdeniya: lingvopersonologicheskij aspekt (na materiale tekstov politicheskikh internet-kommentarijev)* [Variability of Text Perception and Text Generation Strategies: Linguistic and Personological Aspect (based on the texts of political Internet comments)]. Kemerovo, 2015.

Savel'eva I.V. *Manipulyativnost' v obydennom politicheskom diskurse* [Manipulativeness in Everyday Political Discourse]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo State University Bulletin]. 2015. No. 4-4 (64).

Sedov K.F. *Diskurs i lichnost': `evolyuciya kommunikativnoj kompetencii* [Discourse and Personality: the Evolution of Communicative Competence]. Moscow, 2004.

Selyutin A. A. *Kommunikativnaya tolerantnost' v virtual'nom prostranstve : na primere analiza tekstov social'nyh sajtov* [Communicative Tolerance in the Virtual Space: on the Example of Analysis of Texts of Social Sites]. Cand. of Philol. Diss. Chelyabinsk, 2009.

Chudinov A.P., Nahimova E.A., Nikiforova M.V. *Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie diskursa politicheskikh liderov* [Russian Linguopolitical Personology: a Study of the Discourse of Political Leaders]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Bulletin. Theory of language. Semiotics. Semantics]. 2018. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-lingvopoliticheskaya-personologiya-issledovanie-diskursa-politicheskikh-liderov>.

Graham T., Jackson D., Broersma M. *The Personal in the Political on Twitter: Towards a Typology of Politicians' Personalized Tweeting Behaviours*. 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-61708-4_8

Wright S. From «Third Place» to «Third Space»: Everyday Political Talk in Non-Political Online. *Spaces Javnost - The Public*. 2012.

Л. ГОРАЛИК. ТЕКСТ БУДУЩЕГО (СТРУКТУРНЫЕ И ЖАНРОРЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ)

Е.В. Соколова

Ключевые слова: текст, жанр, речевой жанр, ситуация, сюжет, концепт.

Keywords: text, genre, speech genre, situation, plot, concept.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-04

Среди новых явлений в литературе XXI века выделяются малые прозаические формы, разрушающие традиционные представления о рассказе. Одним из ярких образцов такого литературного явления можно признать сборник прозаических миниатюр Линор Горалик «Короче:». Название данного сборника указывает на то, что сама писательница делает сознательную установку на эксперимент: сравнительная степень наречия предполагает сопоставление как с предшествующей литературной традицией, так и с рассказами современных писателей. Однако не удовлетвовавшись этим, Л. Горалик иногда (в различных изданиях и на разных Интернет-ресурсах по-разному) снабжает название книги подзаголовком «42 (или 59, или 113) довольно коротких рассказов» или «очень короткая проза» (Горалик, 2008)¹. Различия в расширенном наименовании книги не позволяют точно определить, является ли сам автор создателем данных комментариев или же это дополнение представляет собой своего рода аннотацию, добавленную к сборнику уже менеджерами от литературы с целью лучшего информирования читателей о содержании книги. Как бы то ни было, подобные дополнения актуализируют важный для самого автора смысл, и этот смысл заключается не только в сравнении собственных произведений с усредненным объемом рассказа. Часто звучащее в новостных передачах выражение «Коротко о главном» также находит свое отражение в названии сборника Л. Горалик, подразумевая реплику «А я скажу еще короче». Кроме того, соотнесение заголовка книги писательницы с новостным анонсом выявляет ценностную установку Л. Горалик: предметом изображения / размышления в ее рассказах стали знаковые события / явления / процессы современной действительности. Помимо

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст из списка источников Горалик Линор. Короче: очень короткая проза. М., 2008

этого название «Короче:» таит в себе еще один смысл: в разговорной речи это выражение подводит итог неким пространным размышлениям, предваряет вывод из всего вышесказанного, привлекая к нему внимание слушателя / собеседника: «Кóротко говоря, в зн. вводн. словосоч. Вкратце, не вдаваясь в подробности. Корóче говоря, в зн. вводн. словосоч. Подводя итог, заключая сказанное» [Кузнецов, 1998, с. 459]. Как мы видим, использование данного наречия в современном русском языке дает возможность Л. Горалик совместить в названии своего сборника оба смысла. Таким образом, можно сказать, что в данном издании мы имеем дело с выводами, к которым приходит автор, наблюдая окружающую ее действительность.

Миниатюры Линор Горалик сохраняют в себе все признаки жанра рассказа, даже если сам текст включает в себя одно-два предложения, однако подают их весьма своеобразным образом. «Рассказ - малая форма эпического рода литературы; небольшое по объему прозаическое произведение... рассказ имеет сюжет и конфликт...» [Литература и язык, 2006, с. 765]. Что же делает даже самые короткие миниатюры Линор Горалик рассказом и не позволяет в этом усомниться?

Приведем в пример одно из подобных произведений: «– *Первый раз, – сказала она, – мы с ним поссорились, когда ехали к моей маме в больницу*» (Горалик, 2008, с. 5). Конфликт присутствует (между героиней и героем). За счет чего же выстраивается здесь сюжет? За счет указания на действие героев (поссорились), его повторяемость (первый раз) и указания на момент речи, отстоящий по времени от момента совершения героями указанного выше действия (то, что в грамматической системе многих европейских языков реализуется с помощью прошедшего и давно прошедшего времени, например, Perfect и Plusquamperfect в немецком языке). Принадлежность к жанру рассказа (а не афоризму, как у Козьмы Пруtkова, не лирическому произведению, как одностигшия Натальи Резник) усиливает наличие у такого маленького произведения заглавия «Без повода», которое указывает как на причину ссоры (или ссор?), так и на мотив, побуждающий к порождению высказывания героиней, точнее, на отсутствие какой бы то ни было необходимости как в том, так и в другом. Сюжет оказывается свернут почти до состояния исходного концепта, лежащего в основе любого текста.

В.В. Красных называет концептом текста его глубинный смысл, его свернутую смысловую структуру, являющуюся реализацией интенций автора. Но концепт – это не только отправная точка порождения текста, это и конечная цель его осознания [Красных, 2001,

с. 212]. «Порождение концепта происходит в предметно-изобразительном коде», концепт текста «может иметь бесконечное число вербальных выражений – собственно текстов. Концепт хранится в долговременной памяти и может быть оттуда восстановлен, при этом «реконструкция» не всегда полностью совпадает с оригиналом. Таким образом, концепт текста, будучи воплощением интенции, служит «отправной точкой» для порождения текста, является целью при восприятии последнего, хранится в памяти <...> в виде максимально свернутой структуры, некоего мыслительного сгустка, и может быть «повторно» развернут в абсолютно новый текст в диалоге» [Цапина, 2008, с. 120-121]. С этим и играет Линор Горалик.

В основе каждого из входящих в сборник «Короче:» произведений всегда лежит ситуация, меняется лишь степень подробности ее описания. «Под ситуацией обычно понимается фрагмент объективной действительности, отраженный в сознании говорящего и представленный набором характерных для него составляющих. Различаются ситуация в мире и ситуация в сознании говорящего. Термин ситуация употребляется как в применении к самому фрагменту действительности, так и к соответствующему концепту» [Плешакова, 1998, с. 17]. Ситуация как фрагмент действительности является «референтом для языкового выражения с пропозитивным значением, аналогично тому, как объект служит референтом языкового выражения с предметным значением» [Русский язык. Энциклопедия, 1997, с. 479]. В качестве основных элементов ситуации можно выделить вовлеченных в нее участников, их характеристики, взаимоотношения, время и место, в которые наличествует определенное положение вещей. «В художественном тексте фиксируется не реальная ситуация, а моделируемая художественно в соответствии с эстетической концепцией автора. Отражаются фрагменты художественного мира, образно воплощенного в тексте. Элементы воплощенной в художественном высказывании ситуации в сознании воспринимающего текст субъекта коррелируют как с единицами образного строя (микрообразами, образами целых ситуаций), так и единицами понятийно-концептуального уровня» [Жеребило, 2011, с. 56-57]. Модель ситуации была разработана Т. Ван Дейком, который рассматривал ситуацию в качестве основного способа репрезентации знаний. Его ситуационная модель построена на личных знаниях носителей языка и обобщает их индивидуальный опыт, включая как сферу мыслей, намерений, интенций, так и сферу чувств. Для интерпретации ситуаций используются схемы, состоящие из ограниченного числа категорий. Конкретным содержанием эти

схемы заполняются в коммуникативных актах. Участник коммуникации понимает текст только в том случае, когда ему ясна ситуация, именно поэтому модели ситуаций являются основой для интерпретации текстов [Т. ван Дейк, 1989].

Однако Линор Горалик всяческим образом обедняет структуру ситуации, затрудняет читателю ее восстановление, заставляя обращаться к подбору типовых моделей ситуаций, напоминающих ту, которая непосредственно описывается автором. Так, в рассказе «Без повода» мы сталкиваемся фактически с двумя усеченными ситуациями: сам текст рассказа представляет собой реплику одного из участников диалога, содержание же этой реплики вводит нас внутрь еще одной ситуации (ситуации № 2), конфликтной, никак содержательно не связанной с ситуацией № 1. В ситуации № 1 мы не можем ничего узнать о собеседнике / собеседнице говорящей, о месте и времени, когда происходит разговор, то есть из основных элементов ситуационной модели нам дается только один, и то в неполном составе – не участники, а один участник – участница, о которой мы знаем только одно – ее пол. В ситуации № 2 нам известно больше: мы узнаем о достаточно близких отношениях говорящей с неким мужчиной, статус которого, впрочем, остается неопределенным (муж? друг?); о болезни матери героини; о разрушении гармонии в отношениях женщины и мужчины (причем не ясно, сохранились ли эти отношения, пусть даже в совершенно испорченном виде, или же героиня рассказывает о начале череды ссор, приведшей к окончательному разрыву). По сравнению с ситуацией № 1, обычных ситуативных опор в распоряжении читателя оказывается больше: есть участники ситуации, есть указание на время (правда, через «событие»: «когда ехали к моей маме в больницу») и место (любое транспортное средство, исключая летательные аппараты), а заключение о взаимоотношениях участников ситуации можно сделать на основании переданной в высказывании информации: если поссорились только в первый раз, значит, отношения до этого были очень хорошие, а после первой ссоры уже никогда не смогли восстановиться (ведь «первый раз» предполагает последующие) и теперь их следует признать плохими или же вообще прекратившимися (произошел окончательный разрыв). По замыслу писательницы, все недоговоренности должен снять сам читатель, домысливая / дописывая недостающее. Можно сказать, что при такой подаче содержания художественного произведения его эксплицитно выраженная часть сама может рассматриваться как фрейм ситуации. Опускаются вариативные (с точки зрения автора текста) элементы, и этим подчеркивается их

принципиальная неважность (= вариативность), и каждый читатель, исходя из своего жизненного опыта, восстанавливает их сам и по своему вкусу. Понимание становится менее важным, чем интерпретация; резко уменьшено количество знаков, имеющих законченный и однозначный смысл, и обращение к накопленному читателем личному опыту, культурному контексту, другим текстам происходит практически одновременно с прочтением рассказов Горалик. Процесс интерпретации действительно становится частью процесса понимания, и почти главной его частью [Бахтин, 1979, с. 361]. Текст у Л. Горалик больше чем когда-либо рождается на пересечении двух творческих усилий – автора и читателя, и если осознанное, вдумчивое чтение всегда приравнивалось к сотворчеству продуцента и реципиента, то у Линор Горалик такое сотворчество оказывается единственным способом проникновения в смысл произведения.

Рассказов из одной – двух фраз в сборнике Линор Горалик всего четыре («Без повода», «Слепая зона», «Панадол», «Мирное время»), но и в других своих произведениях, вошедших в «Короче:», писательница всячески следит за тем, чтобы смысл происходящего / произошедшего не доставался читателю легко. Даже если известны имена героев, могут быть однозначно идентифицированы место и время действия, то характеристики действующих лиц, особенности их взаимоотношений с окружающими людьми и миром остаются неопределенными, часто – до последнего (в буквальном смысле слова) предложения в тексте. Эта концовка может полностью изменить видение ситуации, а следовательно, смысл рассказа, и прояснить наконец суть происходящего. Так, рассказы «Каждый божий день», «Почти», «Тенорок», «Плохая девочка» входят в число тех произведений Л. Горалик, которые на первый взгляд больше всего приближаются к традиционной прозе: в них присутствует развитие действия; последовательность этих действий, выстраивающих хотя бы обрывок сюжета в обычном его виде; в первых двух рассказах герои названы по именам. Неожиданная концовка здесь больше всего напоминает новеллистический пуант, и такие миниатюры Горалик можно рассматривать как маленькие новеллы.

Иногда концовка оказывается двусмысленной и допускает два или даже более вариантов понимания смысла произведения, как, например, в рассказе «Опаздываем», где ответ «его» на «ее» вопрос можно воспринимать или как правдивый (тогда автор подчеркивает абсолютное одиночество героев в мире и их ответственность за свою изоляцию: высокомерное, невнимательное, пренебрежительное

отношение к окружающим), или как лживый (тогда он заставляет пересмотреть суть изображаемой ситуации и предположить, что лишена приятного ей общения только женщина, а мужчина ведет двойную жизнь). Возможность диаметрально противоположного прочтения текста специально заложена и в рассказе «Ты плачешь?», поскольку имена и жертвы, и преступницы не названы и принципиально невозможно выяснить, что же на самом деле произошло.

Такой минимализм в изложении происходящего предоставляет максимальную свободу читателю и делает его, по всей видимости, полноправным соавтором читаемого текста. Однако кажущуюся мало чем ограниченной свободой реципиента в значительной степени ограничивает название, предпосланное каждой миниатюре: оно задает правильный вектор восприятия текста. Эта функция названия ярко проявляется, например, в рассказе «Чтобы и вправду было так». Без заголовка этот рассказ мог бы быть воспринят как изложение реально произошедших событий и чудесного спасения героя или, по крайней мере, вызвать значительные затруднения в интерпретации, поскольку его финал содержит фантастическую информацию. Заглавие же сразу нацеливает на восприятие текста как некоей фантазии, а элементы описываемой ситуации восстанавливаются по разбросанным в тексте деталям.

Название может не только задавать направление интерпретации текста, но и называть причины произошедшего (например, заголовок «Слепая зона» объясняет, почему была сбита машиной дорогая герою женщина), а может проливать свет на мотивы поступков героев (как в рассказе «Панадол») или помогать раскрытию авторской точки зрения на происходящее (как в рассказе «Мирное время», обличающий посыл которого оставался бы совершенно не ясен при отсутствии названия). Можно сказать, что в прозаических миниатюрах Линор Горалик название более чем когда-либо воспринимается как органическая часть текста, без которой смысл произведения не может быть полным.

Вышеперечисленные особенности прозы Л. Горалик обуславливают и своеобразие структуры ее текстов. С точки зрения теории речевых жанров, текст представляет собой определенный речевой жанр или набор речевых жанров. Понятие «речевой жанр» (далее – РЖ) в научный обиход ввел М.М. Бахтин, выделявший первичные и вторичные РЖ [Бахтин, 1986]. Первичные РЖ – жанры простые и бытуют, как правило, в сфере устной речи, вторичные РЖ – жанры сложные (составные, комплексные [Федосюк, 1997]) и принадлежат преимущественно письменной речи. При вхождении в

состав вторичного РЖ первичные РЖ теряют непосредственную связь с реальностью и образуют новые диалогические отношения, будучи уже фактом литературы, а не реальной коммуникации.

В настоящее время теория РЖ напрямую связана с теорией речевых актов (далее – РА), высказанной Дж. Сёрлем [Сёрль, 1986] и др. С точки зрения Т.В. Шмелевой, «учение о речевом жанре» обращено «к сфере текстов» «как результатов действий», в то время как «теория речевых актов» апеллирует «к сфере действий» как таковой [Шмелева, 1995, с. 59]. РЖ считают более крупной единицей, чем РА (А. Вежбицка [Вежбицка, 1985], В.В. Дементьев [Дементьев, 1997], О.Б. Сиротинина [Сиротинина, 1999], М.Ю. Федосюк [Федосюк, 1997]). Кроме того, РЖ, в отличие от РА, присуща диалогичность [Кожина, 1999], а не только воздействие на адресата. Т.В. Шмелева определяет РЖ как «особую модель высказывания» и указывает на необходимость его рассмотрения с двух точек зрения: «исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях» [Шмелева, 1997, с. 89]. Исследовательница выделяет семь конститутивных признаков РЖ: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного содержания, языковое воплощение РЖ (содержание информации и языковые средства выражения информации) [Шмелева, 1997, с. 88-98]. Этот перечень конститутивных признаков РЖ был дополнен Ф.Л. Косицкой, включившей в модель РЖ его принадлежность к функциональному стилю, особенности состава РА и их комбинации внутри РЖ и наличие / отсутствие использования в РЖ невербальных средств [Косицкая, 2005, с. 71].

Единой типологии РЖ на данный момент нет, но в качестве основных типов РЖ обычно называют, кроме первичных и вторичных, простых и сложных РЖ, жанров устной и письменной речи, еще и жанры информативные и фатические, а также жанры официального и неофициального общения, тематически обусловленные и свободные и т.д.

Мы будем придерживаться понимания первичного РЖ Т.В. Шмелевой как особой модели высказывания, диктующей в зависимости от своих основных характеристик выбор соответствующих языковых средств и способов их организации внутри более крупной единицы – вторичного (и часто одновременно с этим сложного) РЖ. В связи с этим особый интерес представляют рассказы Л. Горалик, состоящие из одного высказывания вкупе с заголовком («Без повода», «Слепая зона», «Панадол», «Мирное время»). «Основные текстовые категории и признаки» проявляются только в

коммуникации [Панченко, 2007, с. 46]. Если рассматривать текст в свете теории коммуникации, то он оказывается высказыванием, обращенным автором-адресантом читателю-адресату. В случае с Линор Горалик ситуация интересна тем, что данное высказывание может представлять собой отдельный РЖ, например, в рассказе «Панадол». Перед нами полипропозициональное предложение (*«Тогда он пошел в спальню и перецеловал все ее платья, одно за другим, но это тоже не помогло»* (Горалик, 2008, с. 27)), представляющее собой в соответствии со своей первичной иллокутивной установкой (передать читателю информацию о происходящем / произошедшем) информативный речевой жанр «сообщение» (сообщение о событии). Однако данный РЖ воплощен не в качестве реплики в условиях непосредственного общения, а является «телом» художественного текста, то есть сменил сферу своего функционирования и был подвергнут определенной обработке (то есть стал вторичным) с целью донесения до читателя авторской концепции происходящего, и в его задачу оказалось включено не только информирование кого-либо о чем-либо, но и передача авторской концепции мира через отдельный его фрагмент. В результате должен был измениться лингвистический портрет РЖ «сообщение». Во-первых, обратим внимание на то, что перед нами, по мысли автора, обрывок более протяженного текста, только протяжен он не в текстовом пространстве, а в пространстве реальности: автор показывает нам какой-то момент из непрерывного континуума действий. На это указывает препозиция наречия времени (*«тогда»*) и использование в последнем простом предложении наречия *«тоже»* в значении «равным образом, в равной мере» [Кузнецов, 1998, с. 1327]. Эта добавочная информация не нужна для реализации РЖ «сообщение о событии» как такового, ее включение обусловлено взглядом автора на ситуацию: важно указать на неоднократные попытки героя как-то облегчить свое горе, суть которого намеренно не ясна (смерть жены / подруги? ее уход, судя по всему, резкий, даже без вещей?). В остальном перед нами, как и предполагает данный РЖ, стилистически нейтральная фиксация действий субъекта и фиксация их результата (в данном случае – его отсутствие).

Однако возникает вопрос: с каким количеством речевых жанров мы имеем дело в данном коротком рассказе? Мы уже упоминали о том, что в малой прозе Горалик чрезвычайно возрастает роль названия, настолько, что оно может рассматриваться как одно из высказываний в составе текста, как самостоятельный РЖ. В данном рассказе слово «панадол» является информативным РЖ, цель которого сообщить читателю информацию о том, что действия героя, изображенные в

прозаической миниатюре, являются лекарством от боли, а средством донесения этого смысла до реципиента является метафора.

Склонность к информативным РЖ у Л. Горалик оказывается следствием той позиции, которую занимает автор относительно изображаемого: это взгляд со стороны, предполагающий предельную объективацию при передаче событий. Право автора на выражение своего отношения к изображаемому реализуется, в частности, с помощью названия, дополняющего содержание основного сообщения. Таким образом, в рассказ входит авторская оценка, входит завуалированно, намекая на совмещение в названии на самом деле двух РЖ – информативного и оценочного. В реальной коммуникации рассмотрение данного высказывания в качестве оценочного РЖ [Вольф, 1985, с. 163] возможно, скорее всего, в реактивной реплике (*Тогда он пошел в спальню и перецеловал все ее платья, одно за другим, но это тоже не помогло. – Панадол.*), а не иницилирующей, в роли которой (при коммуникативном анализе данного текста) выступает заглавие. Таким образом, можно говорить о своеобразном переворачивании реальной коммуникативной ситуации в прозаических миниатюрах Горалик и о возможной (и связанной с этим) сменой речежанровой принадлежности высказываний.

В сборнике Горалик есть миниатюры с более сложной структурой, когда в коммуникацию «автор – читатель» включен обрывок коммуникации героя / героини с неизвестным лицом. Обычно в данном случае текст рассказа представлен одной репликой коммуниканта, например: *«Иногда, – сказала она, – мне становится скучно есть просто так, и тогда я иду в ресторан с какой-нибудь эдакой кухней»* (Горалик, 2008, с. 37). Высказывание героини представляет собой смешение информативного РЖ «сообщение» («сообщение о событии» [Казакова, 2007, с. 42], в данном случае, повторяющемся) и оценочного РЖ (*скучно, эдакий*). Точка зрения автора полностью исключена из пространства этого текста, и авторский замысел (как и смысл рассказа) не ясен без названия – «Мирное время». Столкновение названия и основного текста создает смысловой контрапункт, в сознании читателя развертывающийся в полноценное сообщение. Форма названия опять позволяет говорить о соединении информативного и оценочного РЖ. Кроме того, в данном случае становится более явным тот факт, что названия у Линор Горалик часто представляют собой усеченные высказывания, в данном случае фразу «Такое возможно только в мирное время» или «Вот что значит «мирное время». Здесь, вероятно, мы имеем дело со своеобразной номинализацией (хотя существительное и не является

отглагольным), и она усиливает воздействие автора на читателя [Хлыстова, 2014, с. 16].

По сравнению с миниатюрами, в которых представлена речь автора, а не героя, становится заметно, как изменяется стилистическая принадлежность речевых средств в репликах говорящего: нарочито нейтральный, лишенный каких бы то ни было эмоций стиль речи автора сменяется разговорной, даже просторечной лексикой («эдакий») и эмоционально-оценочной («скучно»). Но это продиктовано не столько контаминацией двух РЖ, сколько авторской установкой на резкое разграничение своей и чужой точек зрения. Вероятно, определяющим в выборе языковых средств в коротких рассказах Л. Горалик оказывается все-таки не речежанровая специфика высказываний, а авторская концепция как образов героев и повествователя, так и изображаемой картины мира.

Еще ярче данная особенность проявляется в рассказах, где доминирует чужая точка зрения, например, в рассказе «Тенорок». В его основе также лежит информативный РЖ «сообщение о событии». Но в несобственно-прямую речь, составляющую ткань данного рассказа, включено так много оценок окружающей действительности, людей, ситуации, что целесообразно говорить о влиянии на структуру данного текст оценочного РЖ «похвала», независимо (правда, весьма своеобразно) проявившемся отдельно в восторженной реплике героя-ребенка: «Аааааааааа!!!». Точка зрения автора-повествователя присутствует в рассказе постоянно, ярче всего проявляясь в вводных словах, выборе наречий («пьяно»), не соответствующих кругозору ребенка, и конечно, в излюбленных для выражения авторской точки зрения тропах – в данном случае в метафорическом сравнении («как отравленная игла зависти и обиды»). В рассказ включены и реплики мамы героя, представляющие собой этикетный РЖ «извинение» («Ради бога, простите!») и эмоционально-оценочные РЖ «порицание»/«выговор» («Миша, как не стыдно, <...>») и «удивление» («как ты туда вылез?!») (Горалик, 2008, с. 6). Эти три РЖ не подвергаются трансформации в соответствии с задачами автора: они представляют собой стандартные способы выражения вышеприведенных интенций, принятые в современном обществе в условиях неформальной ситуации и передающие стандартные реакции взрослого на скандальное, с его точки зрения, поведение ребенка. Значит, для создания типизированных вербальных реакций коммуникантов Л. Горалик использует готовые РЖ, создавая комбинированные структуры для выражения авторской точки зрения на происходящее.

Таким образом, Линор Горалик использует типовое языковое наполнение РЖ для имитации реального общения и включает оценку внутрь информативных РЖ для создания авторской картины мира. Добавление оценочной составляющей превращает изображаемую ситуацию в значимое событие: «<...> событие обычно выступает как оценочный концепт. Люди называют событием лишь нечто значительное, важное, глобальное из того, что случилось с ними, с их близкими, с известными людьми, или то, что каким-то другим образом их затрагивает. События ... имеют пространственные и временные координаты; они имеют причины и следствия, являются объектами восприятия и оценки» [Плешакова, 1998, с. 18]. Через описание и осмысление конкретных ситуаций Линор Горалик создает событийную картину мира, и эта картина не закончена и, вероятно, по мысли автора, не может быть закончена, косвенным признаком чего являются разные варианты сборника рассказов «Короче:», включающие в себя от 49 до 113 коротких рассказов. Перед нами разворачивается известный, наверное, со времен появления американских хиппи концепт – не имеющая ни начала, ни конца, непрерывно развивающаяся линия жизни (ср. роман хиппи, написанный на рулонах туалетной бумаги¹). В сборнике рассказов Линор Горалик присутствует та же идея, но реализованная лингвистическими и композиционными средствами. И кажется, в выборе своей авангардной формы рассказов и даже названия сборника Линор Горалик не одинока. Создается впечатление, что так называемая короткая проза представляет собой мейнстримное направление в современной литературе. Сборники с подобным названием или подзаголовком выходили у Сергея Щекина², Евгения Степанова³ и многих других. Перечень имен может быть продолжен: недаром еще в 2000-м году в Москве вышел сборник, включивший в свой состав прозаические миниатюры 150 современных писателей⁴. Даже те авторы, которые, по их собственному признанию, всегда тяготели к большим эпическим формам, поддаются общей тенденции и издают собрания коротких рассказов⁵. Значит, мы имеем дело с тем способом отражения и осмысления действительности, который большое количество современных писателей считает предпочтительным, и особенности малой прозы Линор Горалик могут дать представление о процессах, протекающих на пространстве современной малой прозы в целом. Правда, чтобы выделиться на фоне однотипных названий и

---

¹ Керуак Джек. В дороге. СПб., 2011

² Щекин С. Короткая проза. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2003/07/06-101>

³ Степанов Е. Очень короткая проза // Крещатик. 2013 № 2(60).

⁴ Очень короткие тексты. В сторону антологии. М., 2000.

⁵ Щекина Г. Улица гобеленов. М.- Берлин, 2015.

текстов, писательнице приходится сделать заявку на еще более ярко выраженную краткость – «Короче:», еще короче...

Литература

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979
- Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып.16
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985
- ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989
- Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1
- Жеребило Т.В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста. Назрань, 2011.
- Кожина М.Н. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999.
- Косицкая Ф.Л. Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межязыковой контрастивности (на материале французских и русских каталогов моды). Томск, 2005.
- Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. М., 1998.
- Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М., 2006.
- Панченко Н.В. От единиц текста к единицам композиции // Филология и человек. 2007. № 1.
- Плешакова А.В. Исследование фреймов «происшествие» на материале русских и английских текстов жанра «информационное сообщение». Саратов, 1998.
- Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
- Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
- Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5.
- Хлыстова А.В. Психолингвистический анализ суггестивной образности художественного текста // Филология и человек. 2014. № 3.
- Цапина Е.А. Прагматическая схематика обозначения речевых тактик в диалогической речи // Армия и общество. М., 2008. Вып. 3.
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.
- Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Collegium. Киев, 1995.

Список источников

- Горалик Линор. Короче: очень короткая проза. М., 2008

References

- Bakhtin M.M. *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of Speech Genres] Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and Critical Articles]. Moscow, 1986.
- Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, 1979.
- Vezhbitska A. *Rechevye akty* [Speech Acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. 1985. Iss. 16.
- Vol'f E.M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, 1985.
- Van Dijk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Moscow, 1989.
- Dement'ev V.V. *Izuchenie rechevykh zhanrov: obzor rabot v sovremennoy rusistike* [The Study of Speech Genres: A Review of Works in Modern Russian Studies]. *Voprosy yazykoznaviya* [Questions of Linguistics]. 1997. No. 1.
- Zherebilo T.V. *Terminy i ponyatiya: Metody issledovaniya i analiza teksta* [Terms and Concepts: Methods of Text Research and Analysis]. Nazran, 2011.
- Kozhina M.N. *Nekotorye aspekty izucheniya rechevykh zhanrov v nekhudozhestvennykh tekstakh* [Some Aspects of the Study of Speech Genres in Non-fiction Texts]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotyping and Creativity in the Text]. Perm, 1999.
- Kositskaya F.L. *Pis'menno-rechevye zhanry reklamnogo diskursa mody v aspekte mezhyazykovoy kontrastivnosti (na materiale frantsuzskikh i russkikh katalogov mody)* [Written-speech Genres of Fashion Advertising Discourse in the Aspect of Interlingual Contrastivity (based on the material of French and Russian fashion catalogs)]. Tomsk, 2005.
- Krasnykh V.V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow, 2001
- Kuznetsov S.A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1998.
- Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Literature and Language. Modern Illustrated Encyclopedia]. Moscow, 2006.
- Panchenko N.V. *Ot edinit teksta k edinitam kompozitsii* [From the Text Units to the Units of the Composition]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2007. No. 1.
- Pleshakova A.V. *Issledovanie freymov «proisshestvie» na materiale russkikh i angliyskikh tekstov zhanra «informatsionnoe soobshchenie»* [Research of the «Incident» Frames Based on Russian and English Texts of the «Information Message» Genre]. Saratov, 1998.
- Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, 1997.
- Searle. J.R. *Chto takoe rechevoy akt?* [What is a Speech act?]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow, 1986. Iss. 17.
- Sirotnina O.B. *Nekotorye razmysleniya po povodu terminov «rechevoy zhanr» i « ritoricheskii zhanr»* [Some Reflections on the Terms «Speech Genre» and «Rhetorical Genre»]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, 1999. Iss. 2.
- Fedosyuk M.Yu. *Issledovanie sredstv rechevogo vozdeystviya i teoriya zhanrov rechi* [Research of Means of Speech Influence and Theory of Speech Genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, 1997.
- Fedosyuk M.Yu. *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unresolved Issues in the Theory of Speech Genres]. *Voprosy yazykoznaviya* [Questions of Linguistics]. 1997. No. 5.
- Khlystova A.V. *Psikholingvisticheskiy analiz suggestivnoy obraznosti khudozhestvennogo teksta* [Psycholinguistic Analysis of the Suggestive Imagery of a Literary Text]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2014. No. 3.

Tsapina E.A. *Pragmatischeckaya skhematika oboznacheniya rechevykh taktik v dialogicheskoy rechi* [Pragmatic Schematics of Speech Tactics Designation in Dialogic Speech]. *Armiya i obshchestvo* [Army and Society]. 2008. Iss. 3.

Shmeleva T.V. *Model' rechevogo zhanra* [Model of the Speech Genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, 1997.

Shmeleva T.V. *Rechevoy zhanr: opyt obshchefilologicheskogo osmysleniya* [Speech Genre: Experience of General Philological Comprehension]. *Collegium* [College]. Kiev, 1995.

List of sources

Goralik Linor. *Koroche: ochen' korotkaya proza* [In Short: Very Short Prose]. Moscow, 2008.

КОПИРАЙТИНГ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ РЕЧЕВЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ

*А.В. Глаголева, Ю.Н. Земская,
И.Ю. Качесова, Е.А. Кузнецова*

Ключевые слова: текст, дискурс, субъект коммуникации, моделирование, копирайтинг.

Keywords: text, discourse, subject of communication, modeling, copywriting.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-05

Введение

В современном гуманитарном знании в последнее время сложилась тенденция к объединению и взаимному проникновению филологической и коммуникативной парадигм. Формируется филологическая теория коммуникации, предполагающая новый взгляд на базовые гуманитарные категории: филология не только изменяет понимание статусов субъекта коммуникации, текста и дискурса, но и дает новый взгляд на связь этих категорий. «В филологических науках складываются новые направления коммуникативного спектра: коммуникативная лингвистика, коммуникативное литературоведение, коммуникативная модель риторики, коммуникативная теория текста и др.» [Чувакин, 2014, с. 15–29]. Связь филологической и коммуникативной парадигм происходит в фокусе осмысления принципов и механизмов деятельности человека по осуществлению воздействующего (управляющего) эффекта. Основные вопросы антропоцентрической и функциональной парадигм: какова сущность субъекта коммуникации? каким образом можно определить статус субъекта коммуникации? какова роль текста? зачем субъект коммуникации организует коммуникативную деятельность? какой результат предполагает? и подобные – все это позволяет рассмотреть филологическую теорию коммуникации в контексте управления речевыми коммуникациями. Так, например, Е.А. Яковлева [Яковлева, 1998, с. 16] выделяет функцию управления в качестве базовой функции при описании риторических механизмов порождения речи; или см. точку зрения И.Ю. Качесовой: «Управленческой задачей Ритора является построение и реализация эффективной речемыслительной деятельности. Риторика, в сущности, в своей основе решает

важнейшую методологическую проблему теории коммуникации – проблему управления деятельностью людей при помощи коммуникативных механизмов» [Качесова, 2018, с. 466]. Формирование филологической теории коммуникации не в последнюю очередь связывают с существованием Алтайской филологической школы, научные наблюдения которой системно апробированы на разнообразном текстовом материале в диссертационных исследованиях, монографиях, научных статьях и учебных пособиях. В частности, можно назвать серию сборников научных статей «Человек. Коммуникация. Текст» (1997–2008), ежегодник «Филолого-коммуникативные исследования» (2014, 2015, 2016, 2017); статьи в научном журнале «Филология и человек» (см., например, работы: [Чернышова, 2015; Качесова, Клинк, 2017; и др.]).

В данной статье предпринята попытка описания текстопорождающей деятельности субъектов с точки зрения филологической теории коммуникации. Целью статьи является определение механизма, моделирующего управление деятельностью субъектов коммуникации. В качестве частного случая такого рода деятельности выбран копирайтинг.

Исследователи указывают на существование проблемы теоретического описания копирайтинга. Так, например, утверждается, что есть проблемы описания границ понятия. Одни исследователи дают общий взгляд на этот процесс, определяя его технологичность: «Спичрайтинг и копирайтинг являются ведущими технологиями в сфере интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК). Любая коммуникация предполагает обмен информацией, чаще всего она предстает в форме текста, изучением создания которого традиционно занимается филология. В настоящее время сложилась следующая ситуация: современные авторы, пишущие на темы спичрайтинга и копирайтинга, – это либо ученые-филологи, находящиеся преимущественно в академической среде, либо специалисты-практики, работающие в коммуникационной отрасли. Первым часто недостает практического опыта, вторым – теоретического обобщения имеющегося опыта, поэтому многие учебные пособия и сборники рекомендаций имеют аналогичные характеристики» [Земская, Кузнецова, 2014, с. 137]. Другие авторы соотносят копирайтинг только со сферой его функционирования: так, например, выделяют копирайтинг в рекламе, веб-копирайтинг, копирайтинг в public relations, написание продающих текстов и т.д. Ю.Н. Земская и Е.А. Кузнецова, описывая риторическую базу функционирования спичрайтинга и копирайтинга, устанавливают практическую

ориентированность этих процессов и определяют принцип эффективности коммуникации в качестве базового для подобного рода деятельности. При этом устанавливается сущность процессов спичрайтинга и копирайтинга как связующего звена между субъектом коммуникации (спичрайтером или копирайтером), порожаемым текстом и дискурсом: «В этом контексте включение копирайтинга и спичрайтинга в число ведущих технологий интегрированных маркетинговых коммуникаций – пример широкого понимания текста как инструмента коммуникации, осознание его «производственных» возможностей и «точка входа» филологических компетенций в актуальные рыночные процессы» [Земская, Кузнецова, 2014, с. 142]. В качестве базовых признаков спичрайтинга и копирайтинга выделяются, во-первых, способность формировать цепочку тексто-дискурсивных преобразований («телеологически это деятельность, сопровождающая формирование и приращение публичного капитала базисного субъекта PR» [Земская, Кузнецова, 2014, с. 142]); во-вторых, технологичность спичрайтинга, которая основывается на модели говорящий – текст – слушающий; в-третьих, устанавливается риторическая сущность деятельности по порождению текстов. Следовательно, принцип эффективной коммуникации, лежащий в основе выделения процесса копирайтинга, позволяет описать копирайтинг с позиции управления речевыми коммуникациями и включить это явление в фокус исследования филологической теории коммуникации.

Субъект коммуникации, текст и дискурс с точки зрения управления речевыми коммуникациями

Идея управления речевыми коммуникациями формирует новое, филолого-коммуникативное наполнение связей категорий субъекта коммуникации, текста и дискурса. Традиционная диада «Говорящий – Слушающий» (или «Ритор – Аудитория»), попадая в контекст управления речевыми коммуникациями, начинает трансформироваться. В диаде «Говорящий – Слушающий» акцент делается на линейности вектора движения в процессе воздействия: говорящий передает информацию слушающему, затем слушающий совершает ответный акт по формированию обратной реакции. Филологическая теория коммуникации изменяет статус субъекта коммуникации: «С позиций филологии человек в коммуникации может быть охарактеризован по нескольким основаниям. Это – диалогичность как фундаментальный принцип коммуникативной деятельности; деятельность по порождению, пониманию, интерпретации смысла; готовность (способность) управлять

коммуникацией» [Чачесова, Чувакин, 2014, с. 137]. Другими словами, человек в коммуникации выступает во всем богатстве своих коммуникативных свойств и характеристик, которые актуализируются только тогда, когда он осуществляет воздействие и когда происходит взаимодействие субъектов коммуникации друг на друга. Только совместная деятельность говорящего и слушающего обеспечивает работу программы управления, и в недрах этого совместного сосуществования рождается новый (коммуникативно обусловленный) субъект коммуникации. «Категория субъекта коммуникации в аспекте управления ценна следующими характеристиками: во-первых, речь идет о взаимной корреляции деятельности субъектов коммуникации; во-вторых, акцент сдвинут с результата деятельности на процесс; в-третьих, каждый из субъектов обеспечивает равную включенность в передачу, порождение и освоение смыслов сообщения; в-четвертых, воздействие осуществляется в широком социокультурном контексте (поэтому используются средства не только вербального кода, но и других семиотических систем)» [Кошей, Чувакин, 2006, с. 8].

Подобным образом изменения коснулись категорий текста и дискурса. Применительно к тексту можно говорить о двух проблемах: во-первых, это определение его места в кругу других категорий филолого-коммуникативной парадигмы, во-вторых, уяснение его статуса.

Статус текста как категории определяется сопряжением коммуникативных деятельностей говорящего и слушающего. На уровне текста происходит сопряжение двух персуазивных программ: деятельность говорящего по управлению деятельностью слушающего находит свое отражение в функционировании механизма порождения текста (копирайтинга). В результате действия этого механизма актуализируется программа управления на уровне картины мира слушающего: процесс текстопорождения имеет своей внутренней формой процессы понимания и интерпретации. Заложенная говорящим программа деятельности соединяется с программой усмотрения смыслов. Аудитория из пассивного субъекта преобразуется в субъект, имеющий равные с говорящим коммуникативные права. Это деятельность по порождению смыслов (на уровне картины мира говорящего) и деятельность по поводу извлечения смыслов, их уяснения, интерпретации (на уровне картины мира слушающего). Текст становится «узлом пересечения» двух персуазивных программ. Именно в текстовой позиции происходит взаимная корректировка персуазивных программ, осуществляется достижение коммуникативной гармонии. Свертывание и

развертывание смыслов, содержащихся в персуазивных программах, осуществляется на уровне функционирования текста. Текст становится деятельностным образованием, имеющим статус активного начала.

Интересно **место текста** в парадигме филологической теории коммуникации. Можно говорить о двух способах определения места текста внутри филолого-коммуникативной парадигмы.

Первый способ связан с выяснением позиции текста в цепочке преобразований «говорящий – текст – слушающий». В этом смысле природа текста амбивалентна: с одной стороны, текст выступает как закрепленный результат коммуникативной деятельности: он имеет форму, закреплен во времени и пространстве. С другой стороны, очевидна и диалогическая, деятельностная природа текста: если мы говорим о совмещении персуазивных программ, то текст сопрягает в себе два вида деятельности. Следовательно, с позиций филологической теории коммуникации текст может одновременно существовать и как результат коммуникативной деятельности, и как ее процесс, и как инструмент этой деятельности.

Второй способ определения места текста в кругу филолого-коммуникативных категорий связан с проблемой осмысления связи субъекта коммуникации и дискурса. Текст занимает промежуточное положение в цепочке человек – дискурс, становится своеобразным медиатором: «Текст выступает посредником между дискурсом и аудиторией, включенной в дискурс. С одной стороны, текст воспроизводит сигналы, заданные и определенные дискурсом, с другой стороны, данные сигналы появляются не произвольно. Их селекцию осуществляет аудитория. Характеристики аудитории как обязательного и регулярного компонента дискурса задают появление текста с особыми свойствами, обращенными именно к данной аудитории. Таким образом, текст является промежуточным этапом в деятельности аудитории по исследованию смыслов дискурса» [Чачесова, 2013, с. 40].

Способы взаимодействия текста и дискурса: филолого-коммуникативный взгляд

Филологическая теория коммуникации предполагает, что функция управления реализуется через трансляцию фрагментов картины мира одного субъекта коммуникации в картину мира другого. И этот процесс, во-первых, взаимонаправлен, а во-вторых, осуществляется в зависимости от дискурсивных обстоятельств, которые формируют управление речевыми коммуникациями. На уровне текста осуществляется своего рода приспособление фрагментов из разных картин мира и организация единого семантического

пространства. В данном процессе дискурс проявляет себя как феномен, из которого порождаются текстовые смыслы, а текст, в свою очередь, встраиваясь в процесс взаимной трансляции смыслов, актуализирует затекстовое дискурсивное содержание. Для описания процессов взаимодействия текста и дискурса в филологической теории коммуникации используются термины первичный текст (первичный дискурс) и вторичный текст (вторичный дискурс). Термины «первичность / вторичность» используются для линейного описания цепочки тексто-дискурсивной трансформаций. Предполагается, что дискурс, положивший начало процессу порождения текста, является первичным дискурсом. Дискурс, появившийся в результате порождения смыслов, считается дискурсом вторичным, моделируемым, так как этот дискурс существует только на уровне процессов понимания и интерпретации, которые осуществляются в картине мира субъекта коммуникации.

Свертывание и развертывание как процессы, формирующие внутреннюю форму копирайтинга

Выделяются следующие способы взаимодействия текста и дискурса: свертывание и развертывание. «Свертывание как способ тексто-дискурсивного взаимодействия функционирует в тех ситуациях, когда моменту появления текста предшествует какой-то предварительный контекст. Ситуация такого типа сформировалась задолго до момента, описываемого в тексте, она шире, нежели представленный дискурсивный фрагмент. Назовем данный способ моделирования **свертыванием первичного дискурса** в дискурсивный текстовый фрагмент, так как в тексте воспроизводится фрагмент аргументативной ситуации, которая отражает содержание более крупного дискурса. Под дискурсивным текстовым фрагментом будем понимать фрагмент аргументативного дискурса, воспроизведенного в тексте. Дискурсивные фрагменты в тексте определяются полнотой и законченностью содержания описываемой аргументативной ситуации» [Качесова, 2013, с. 56].

При таком типе моделирования свертыванию подвергаются и структура дискурса, и его содержание. В тексто-дискурсивных трансформациях реализуется бытийственная ситуация, так как данный способ моделирования отражает существующее в ситуации положение дел, фиксирует способ управления со-бытием участников аргументации.

Покажем на примере анализа текста, каким образом происходит актуализация взаимодействия текста и дискурса и формируется механизм управления. Анализируемый текст представляет собой

результат процесса копирайтинга, это жанр PR-коммуникации, листовка (в тексте листовки сохранены авторские орфография, пунктуация, стилистика).

Уважаемые жильцы нашего дома!

На днях администрация ТСЖ инициировала заочное голосование по поводу установки антенн сотовой связи на крыше нашего здания. Отдельные жильцы могут занять отрицательную позицию. Но давайте будем реалистами.

Технический процесс никто не отменял. Если вы расскажете в какой-нибудь деревне, что проголосовали против высокоскоростной связи 4G, то они просто не поймут зачем.

Если вы ездите на автобусе, то это не значит, что трамваи не нужны.

Пусть лучше антенны светят от нас в воздух, чем нам в окна.

Уровень волн вблизи телефона во время разговора гораздо выше, чем прямо под передающей антенной. Потому что энергия волн от нее распределяется в горизонтальной плоскости и направлена в сторону.

Если базовая станция рядом, то телефон испускает меньшую энергию и суммарный уровень волн возле потребителя меньше.

НашСанПин самый санпинистый в мире. Причем Роспотребнадзор дает свое заключение только после замеров суммарного излучения вокруг подключенной базовой станции. Оно является обязательным.

Уже гены перебирают как счетные палочки, нервы шивают и прочие чудеса, а вред радиоволн так и не смогли обнаружить.

Дальность действия станции порядка 500 метров. Телевышка же охватывает весь город и не только. И никто под ней не чихает.

Диапазон излучения радиоволн сотовой связи порядка 3 ГГц находится между аппаратом для УВЧ-терапии (0,03 ГГц) и тепловым излучением (свыше 300 ГГц). К радиоактивному излучению (свыше 30 млн. ГГц) такие антенны не имеют никакого отношения. Даже солнечная радиация (свыше 300 тыс. ГГц) намного опаснее.

Платим не мы, а нам!

В тексте фиксируется нерешенная коммуникативная проблема: правление Товарищества собственников жильцов хочет поставить на крыше дома антенну сотовой связи, жильцы против установки. По поводу данной проблемной ситуации проводились собрания, на которых жильцы высказали в ультимативной форме позицию несогласия. Аргументы членов Правления ТСЖ о коммерческой выгоде такого предложения (собственник антенны предлагает платить

арендную плату за установку антенны на крыше дома) не нашли поддержки.

Механизм осуществления деятельности субъектов коммуникации актуализирует себя через жанр листовки. Первичный дискурс, на основе которого формируется ситуация противостояния, можно определить как дискурс информационный. Выделяем два субъекта: говорящим является Правление ТСЖ, позицию слушающего занимают жильцы дома. Дискурс организуется основным типом деятельности говорящего – информированием жильцов ТСЖ о выгоде размещения на крыше их дома антенны. Но функционирование первичного информационного дискурса, отражающего предтекстовую информацию, ограничивается первым абзацем листовки. Дискурс информирования свернулся до размеров одного абзаца. Данный тип тексто-дискурсивного взаимодействия определим как свертывание первичного дискурса. Первичный дискурс формирует предтекстовую информацию. Сигналом бытия предтекстового дискурса служат фразы: *«на днях администрация ТСЖ инициировала заочное голосование»*, *«установка антенны на крыше нашего здания»*, *«отдельные жильцы могут занять отрицательную позицию»*. Далее текст листовки отражает ситуацию сложившегося и разворачивающегося противостояния. Это дает право фиксировать трансформацию первичного дискурса в другие дискурсивные образования. Формируется **развертывание дискурса** как способ моделирования. Данное развертывание осуществляется как моделирование вторичного дискурса на основе текста: «Развертывание как процесс моделирования связан с выстраиванием в тексте нескольких моделей воспроизведения: с одной стороны, текст описывает аргументативную ситуацию, отражающую реальный аргументативный дискурс, с другой стороны, текст, исходя из имеющихся в нем сигналов вторичного воспроизведения, моделирует вторичный виртуальный дискурс, но при этом аргументативная ситуация не описывается. Моделирование вторичной аргументативной ситуации происходит при столкновении текста с сознанием читателя» [Качесова, 2013, с. 68].

В тексте листовки содержатся сигналы наличия следующих видов дискурса: аргументативного (в его манипулятивной разновидности), социально-ритуального (в виде дискурса наставления), информационного (в образовательной разновидности), экспрессивного (дискурс иронии и комического). Так, например, сигналом появления аргументативного дискурса будет фраза *«давайте будем реалистами»*, что предполагает призыв

(аргументацию) к реальному восприятию ситуации, но в то же время дает формирование оценочно-экспрессивной семантики: использование формы глагола в будущем времени в сочетании с призывом к совместности действия формирует оппозицию МЫ (правление ТСЖ) реалисты, а ВЫ (жильцы дома) нереалисты (= идеалисты). Далее текст листовки предлагает программу действия для жильцов дома. По своей сущности, это программа переключения субъекта коммуникации из одного дискурсивного состояния в другое: в виде десяти аргументов предлагаются десять шагов программы дискурсивной трансформации, пройдя которую, субъект коммуникации должен принять позицию Правления ТСЖ. Разберем пошагово данную программу:

Первый шаг (*«Технический прогресс никто не отменял. Если вы расскажете в какой-нибудь деревне, что проголосовали против высокоскоростной связи 4G, то они просто не поймут зачем»*) включает жильцов дома в семантическую оппозицию прогресс / отсутствие прогресса. Выделяется компонент «деревня, жители которой лишены благ цивилизации». При этом деревня маркируется через атрибутив *«какая-нибудь»*, который имеет основное лексическое значение «любая» и переносное значение «малозначительная». В результате соединения данных семантик формируется общее значение дискурсивного компонента: «даже жители любой незначительной деревни хотят быть приобщенными к прогрессу». Соответственно, формируется аргументативное суждение в форме косвенной оценки: «если жители любой незначительной деревни понимают важность технического прогресса, то жители городского дома тем более должны осознавать это».

Второй шаг (*«Если вы ездите на автобусе, то это не значит, что трамваи не нужны»*) использует неправомерную аналогию: используемое суждение («существование автобусов не исключает существование трамваев») неправомерным образом соотносится с аналогией «существование антенны на крыше так же естественно, как и существование прогресса».

Третий шаг (*«пусть лучшие антенны светят от нас в воздух, чем нам в окна»*) связан с появлением оценочного компонента «лучше от нас, чем нам». Данный оценочный компонент не связан с какой-либо конкретной семантикой: не совсем понятно, что значит «светят от нас в воздух». Но на уровне грамматического противопоставления формируется семантика оппозиции лучше / хуже. Семантика «лучше» в данном контексте соотносится с семантикой лексемы «антенна», а

сравнительный союз «чем» семантически не соединяется с каким-либо аргументом.

Четвертый шаг (*«уровень волн вблизи телефона во время разговора гораздо выше, чем прямо под передающей антенной. Потому что энергия волн от нее распределяется в горизонтальной плоскости и направлена в сторону»*) излагает факты. Аргумент связан, с одной стороны, с научным дискурсом (часть информационного дискурса), в котором факт – это часть объективной картины мира, а с другой стороны, использование фактов – это прием речевого воздействия (сфера аргументирующего дискурса).

Пятый шаг, на первый взгляд, формируется таким же образом, как и четвертый: в факте соединяются научный (информационный) и воздействующий (аргументативный) дискурсы: *«Если базовая станция рядом, то телефон испускает меньшую энергию и суммарный уровень волн возле потребителя меньше. Парадокс!»*. Но в данной части текста есть включение экспрессивного дискурса: использование синтаксической связи «если – то» соединяется с парцелированной конструкцией *«Парадокс!»*. Причем семантика парцелляции как экспрессивной синтаксической конструкции соединяется с восклицательной интонацией и семантикой лексемы *«парадокс»* (парадокс = странное, нетипичное мнение, суждение, которое не совпадает с общепринятыми мнениями, иногда это противоречие здравому смыслу). Происходит усиление значения факта, формируется оценочное суждение.

Шестой шаг усиливает экспрессивное значение. Абзац начинается иронично-оценочным суждением *«наш СанПин самый санпинистый в мире»*. Затем вводится факт (*«причем Роспотребнадзор дает свое заключение только после замеров суммарного излучения вокруг подключенной базовой станции»*), этот факт помещается в оценочную рамку, которая начинается лексемой *«причем»* (с грамматическим значением уступки), а заканчивается фразой *«оно – заключение Роспотребнадзора – является обязательным»*. Происходит развитие модальной семантики: уступка преобразуется в обязательность. Таким образом формируется усиление семантики экспрессивности: факт из допустимого становится обязательным и оформляется в кольцевую композицию экспрессивности.

Седьмой шаг приводит абсолютно оценочно-экспрессивное суждение: *«Уж гены перебирают как счетные палочки, нервы шивают и прочие чудеса, а вред радиоволн так и не смогли обнаружить»*. Информационный дискурс практически подвергается редукции, от него только остается след в виде суждения *«вред*

радиоволн не смогли обнаружить». Основным дискурсом становится экспрессивный: используются и неправомерные аналогии (*«гены перебирают, нервы шивают, а вред не смогли обнаружить»*), и метафоры с экспрессивным значением (*«гены перебирают как счетные палочки»*), и экспрессивная лексика (*«чудеса»*).

Восьмой шаг (*«Дальность действия станции порядка 500 метров. Телевышка же охватывает весь город и не только. И никто под ней не чихает»*) поддерживает баланс экспрессивного и информативного дискурсов. Факт (*«Дальность действия станции порядка 500 метров», «телевышка охватывает весь город»*) соединяется с экспрессивной оценкой (*«никто под телевышкой не чихает»*).

Девятый шаг возвращает слушающего к фактической информации, формирующей информативный дискурс (*«Диапазон излучения радиоволн сотовой связи порядка 3 ГГц находится между аппаратом для УВЧ-терапии (0,03 ГГц) и тепловым излучением (свыше 300 ГГц). К радиоактивному излучению (свыше 30 млн. ГГц) такие антенны не имеют никакого отношения. Даже солнечная радиация (свыше 300 тыс. ГГц) намного опаснее»*).

Десятый шаг (*«платим не мы, а нам»*) формирует, с одной стороны, информативный дискурс, так как фиксируется факт (действительно, владелец антенны предлагает деньги), а с другой стороны, это явный сигнал экспрессивного дискурса (наличие восклицательной интонации). Кроме информативности и экспрессивности последний шаг содержит также признаки аргументативного дискурса. Фраза – *«платим не мы, а нам»* – это сильный аргумент, имеющий манипулятивные корни (предложение денег достаточно заманчиво).

Итак, можно проследить динамику трансформаций дискурсивных семантик: в начале предлагалась семантика информативного вида, затем происходит усиление экспрессивно-оценочного компонента, которое достигает кульминации на 7 и 8 шагах, после этого опять подключается семантика информативности. Все заканчивается соединением трех видов дискурсивных семантик: информативности, экспрессивности и аргументативности. Но в тексте также есть сигналы социально-ролевого дискурса. Эти сигналы проявляют себя в оппозиции «мы/вы». Предтекстовый контекст, реализованный в первичном дискурсе, демонстрирует устойчивую оппозицию: через компонент ВЫ (= ОНИ) описывается позиция жильцов дома (слушающий): *«вы расскажете, вы ездите», «отдельные жильцы»*. Субъектом

говорящим выступает Правление ТСЖ. Позиция Правления формируется через компонент МЫ (= администрация ТСЖ). В ходе развертывания текста происходит редукция оппозиции «мы / вы». Уже третий шаг программы избегает употребления личных местоимений. Информация передается внесубъектно. Местоимение МЫ появляется в конце листовки, это десятый шаг («*платим не мы, а нам*»). Можно говорить об объединении субъектных позиций. Говорящий и слушающий как отдельные субъекты коммуникации перестают существовать, появляется обобщенный субъект, который отстаивает интересы всех жителей дома. Таким образом разворачивается программа управления деятельностью субъекта коммуникации. Десятый шаг становится венцом этой программы, формируя через соединение четырех видов дискурсивных семантик призыв к действию. Листовка как жанр копирайтинга сформировала программу управления. Механизм копирайтинга позволил запустить дискурсивно-текстовые преобразования и реализовать трансформацию первичного информационного дискурса в дискурс управления речевыми коммуникациями.

Заключение

Копирайтинг – это сложный коммуникативный феномен. В зависимости от взгляда исследователя можно выделять его инструментальную сущность, описывать риторическую природу, настаивать на особом статусе в парадигме интегрированных маркетинговых коммуникаций. Обсуждение места и статуса коммуникативно-речевых образований всегда оставляет простор для размышлений, всегда будет нерешенной проблемой как филологии, так и коммуникативных наук.

В данной статье предлагается один из фокусов рассмотрения копирайтинга: описание его с позиции управления речевыми коммуникациями. Копирайтинг является одной из форм, которые формируют пространство управления. Данная статья описывает механизм моделирования деятельности субъектов коммуникации в аспекте текстово-дискурсивных преобразований. В качестве методологической базы изучения выбирается филологическая теория коммуникации. В результате проведенного исследования устанавливается, что конституирующим началом текстово-дискурсивных преобразований является субъект коммуникации. Этот субъект коммуникации выступает не в качестве говорящего и слушающего. Моделирование цепочки преобразований субъект – текст – дискурс запускается позицией обобщенного субъекта коммуникации, причем устанавливается, что текстово-дискурсивные

преобразования возможны только на уровне совмещения картин мира говорящего и слушающего. Копирайтинг становится частью механизма управления, в котором действуют внутренние процессы свертывания и развертывания дискурсивного содержания.

Литература

- Земская Ю.Н., Кузнецова Е.А. Спичрайтинг и копирайтинг: филология на службе у интегрированных маркетинговых коммуникаций // Филология и человек. 2014. № 4.
- Качесова И.Ю. Коммуникативно-риторическая модель русского аргументативного дискурса. Барнаул, 2013.
- Качесова И.Ю. Аргументативные основы риторики // Риторика. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/6562>.
- Качесова И.Ю., Клинк Е.И. Управленческая риторика как профессиональная риторическая сфера филолога // Филолого-коммуникативные исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/4324>.
- Качесова И.Ю., Чувакин А.А. Человек в коммуникации // Филология и коммуникативные науки. М., 2014.
- Кощей Л.А., Чувакин А.А. Homo Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. 2006. № 1.
- Чернышова Т.В. Характер междискурсного взаимодействия в медиатекстах, тематически связанных с профессиональными типами речи (на материале интервью) // Филолого-коммуникативные исследования. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/3408>
- Чувакин А.А. Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней // Филология и коммуникативные науки. М., 2014.
- Яковлева Е.А. Риторика как теория мыслеречевой деятельности (в применении к анализу художественных текстов, урботекстов и актуальных номинаций): автореф. дис. ... док. филол. наук. Уфа, 1998.

References

- Zemskaya Yu.N., Kuznetsova E.A. *Spichrayting i kopirayting: filologiya na sluzhbe integrirovannykh marketingovykh kommunikatsiy* [Speechwriting and Copywriting: Philology at the Service of Integrated Marketing Communications]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2014. No. 4.
- Kachesova I.Yu. *Kommunikativno-ritoricheskaya model' russkogo argumentativnogo diskursa* [Communicative-rhetorical Model of Russian Argumentative Discourse]. Barnaul, 2013.
- Kachesova I.Yu. *Argumentativnye osnovy ritoriki* [The Argumentative Basis of Rhetoric]. *Ritorika* [Rhetoric]. URL: <https://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/6562>.
- Kachesova I.Yu., Klink E.I. *Upravlencheskaya ritorika kak professional'naya ritoricheskaya sfera filologa* [Management Rhetoric as a Professional Rhetorical Field of Philologist]. *Filologo-kommunikativnye issledovaniya* [Philological and Communicative research]. URL: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/4324>.
- Kachesova I.Yu., Chuvakin A.A. *Chelovek v kommunikatsii* [Man in Communication]. *Filologiya i kommunikativnye nauki* [Philology and Communication Sciences]. Moscow, 2014.
- Koshchey L.A., Chuvakin A.A. *Homo Loquens kak iskhodnaya real'nost' i ob'ekt filologii: k postanovke problemy* [Homo Loquens as an Initial Reality and an Object of Philology: Towards a Problem Statement]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2006. No. 1.

Chernyshova T.V. *Kharakter mezhdiskursnogo vzaimodeystviya v mediatekstakh, tematicheski svyazannykh s professional'nymi tipami rechi (na materiale interv'yuu)* [The Nature of Inter-discourse Interaction in Media Texts Thematically Related to Professional Types of Speech (based on interviews)]. *Filologo-kommunikativnye issledovaniya* [Philological and Communicative Research]. URL: <http://elibrary.asu.ru/xmlui/handle/asu/3408>.

Chuvakin A.A. *Filologiya i kommunikativnye nauki vo vstrechnom dvizhenii: ot Bakhtina do nashikh dney* [Philology and Communication Sciences in the Oncoming Movement: from Bakhtin to the Present Day]. *Filologiya i kommunikativnye nauki* [Philology and Communication Sciences]. Moscow, 2014.

Yakovleva E.A. *Ritorikakateoriyamyslerecheydeyatelnosti (v primenenii k analizukhudozhestvennykh tekstov, urbotekstov i aktual'nykh nominatsiy). (Dissertatsiyadoktorafilologicheskikh nauk)* [Rhetoric as a Theory of Thought and Speech Activity (as applied to the analysis of literary texts, urban texts and current nominations)]. Abstract of Philol. Doct. Diss. Ufa, 1998.

**ПЕРЕВОД РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»
НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ:
ПЕРЕДАЧА НАЗВАНИЯ, ЭПИГРАФОВ
И ХАРАКТЕРА СТАВРОГИНА**

М.М. Тагиева

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», эпиграф, Ставрогин, характер, перевод, идея, оригинал, содержание.

Keywords: Dostoevsky, *The Devils*, epigraph, Stavrogin, character, translate, idea, original, content.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-06

Произведение Достоевского «Бесы» впервые публиковалось по частям в 1871-1872 годы в журнале «Русский вестник», а полностью в 1873 году в виде книги. Периодически запрещавшийся на родине писателя, роман «Бесы» переводился на многие языки мира. Для сравнения нужно отметить, что роман был переведен на немецкий еще в 1888 году, а на азербайджанский только в 2011 году. Автором перевода является профессор Мамед Коджаев. Оценивший в критической литературе «Бесы» как роман характеров и идей, М. Коджаев подходит к роману с чувствительностью достоевсковеда и переводит его на азербайджанский, тем самым внося в национальное литературоведение драгоценный вклад. Всемирно известные немецкие ученые Ф. Ницше и З. Фрейд серьезно задумывались о главном герое «Бесов» Николае Ставрогине, идея Кириллова оказала влияние на французского писателя и философа А. Камю, Петр Верховенский и его соратники исследовались итальянским режиссером Л. Висконти. В связи с этим возникает вопрос: какие достоинства «Бесов» исследовали, изучили и освоили азербайджанские ученые, исследователи, литературоведы и обычные читатели? До появления перевода к этому роману имела доступ только русскоязычная интеллигенция, и об этом произведении была написана одна кандидатская диссертация («Идеи и характеры в романе Ф.М. Достоевского “Бесы”») К.А. Умудовой, отдельная глава в монографии («Характеры и идеи Ф.М. Достоевского») М.К. Коджаева и несколько научных статей на русском языке.

Передача художественного текста Достоевского с русского на азербайджанский язык обязывает переводчика соблюдать определенные условия. Для переводчика, обратившегося к творчеству

писателя, абсолютного и совершенного знания двух языков недостаточно. Главное – быть исследователем Достоевского, знать его творчество всесторонне, так как, не владея идейным содержанием произведения, не зная характеров, их внутренний мир, душевные мучения и т.д. начинать перевод было бы бесполезной затеей.

На какие существенные моменты необходимо обратить внимание при переводе произведений Достоевского, в том числе и романа «Бесы»? На каких тонкостях нужно сконцентрировать внимание, чтобы звучание перевода являлось адекватным оригиналу? Когда перевод можно считать адекватным? Основная задача, стоящая перед переводчиком, – комплексный подход к переводимому тексту; помимо этого необходимо всестороннее и близкое знание культуры двух народов. Как звучит роман «Бесы» в переводе М. Коджаева, имеющий все вышеперечисленные качества? В поисках ответов на эти вопросы приступим к исследованию текста романа на азербайджанском языке.

Перевод самого названия романа, его спорная вариативность могла быть затруднительным моментом для М. Коджаева. В азербайджанском литературном пространстве различные исследователи по-разному преподносят слово «бесы». Одни переводят как «бесы», другие – как «дьяволы», некоторые – «черти», а четвертые – «шайтаны», хотя нужно помнить и о том, что «беснование» – это ключевое слово, затрагивающее всех героев произведения. Но Коджаев переводит название романа как «Шайтаны». Существует несколько причин. Первая из них – это словарное значение слова «бес». В русско-азербайджанском словаре академика А.А. Оруджева в статье «бес» [Русско-азербайджанский словарь, 1990-1991, с. 72] первым значением слова указано «шайтан». Вторая причина заключается в том, что до перевода М. Коджаева название романа в таком варианте представлялось в разных опубликованных в азербайджанской прессе статьях и в учебнике академика Мамеда Джафара. А с другой стороны, азербайджанские читатели и азербайджанское литературоведение уже приняли произведение под этим заголовком. Поэтому и М. Коджаев сохранил его в своем переводе.

Многозначность перевода названия романа открывает спектр длительным спорам и рассуждениям о значении наиболее подходящего слова. Но достаточно напомнить эпизод из романа: диалог Ставрогина с Тихоном о Боге и Бесе. Когда Ставрогин признается Тихону в ужасном преступлении, в насилии против ребенка, он говорит о ночных видениях, сообщает, что его посещает Бес. Хотя в романе говорится о многих бесах (о революционных бесах, атеистических и

материалистических бесах либерального Запада), центральное место занимает «зло», находящееся в глубине человеческой души.

Роман «Бесы» начинается эпитафией, взятым из восьмой главы Евангелия от Луки. Интересен тот факт, что роман, начинающийся этими словами, ими и заканчивается. Адекватная передача эпитафии, несущего в себе идейную нагрузку романа, – одно из важных условий при переводе с одного языка на другой. В конце произведения Софья Матвеевна, продающая религиозные книги, читает Степану Трофимовичу «то же самое место» из Евангелия. А Степан Трофимович в жару и бреде раскрывает значение эпитафии: *«видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! <...> Но великая мысль и великая воля осенят его свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... и я, может быть, первый во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых» <...> и будут все глядеть с изумлением...»* (Достоевский, 1974, с. 499)¹. Найдем этот отрывок в переведенном тексте: *«bilirsinizmi, bu, eyniylə bizim Rusiya kimidir. Bu şeytanlar, xəstədən çıxıb donuzun canına doluşan şeytanlar... Bütün bunlar bizim böyük və əziz xəstəmizdə, bizim Rusiyamızda əsrlərdən bəri, əsrlərdən bəri yığışmış olan xəstəliklər, üfunətlər, çirkablardır; bütün şeytanlar və şeytan balalarıdır! ... Amma onu yuxarıdan böyük fikir və böyük iradə qoruyur, elə həmin o cinli dəlini qoruduğu kimi və bütün bu şeytanlar, çirkablar, üst qatda iltihablaşmış bu iyəncliklər çıxacaq... və özləri donuzların canına doluşmaq istəyəcəklər. Bəlkə də, artıq doluşublar! Və biz, biz və onlar, Petruşa da... bəlkə də birinci olaraq mən başda olmaqla... biz – aqlını itirmişlər və cinlilər qayadan dənizə atılacaq və hamımız boğulacağıq; elə belə də olmalıdır, çünki bizim yalnız buna gücümüz çatar. Amma xəstə sağalacaq və “İsanın ayaqları altında oturacaq”... elə hey təbəssümlə baxacaq...»* (Dostoyevski, 2011, с. 642).

Цитата полностью и адекватно переведена на азербайджанский язык, если не учитывать последнее придаточное предложение: «и

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

будут все глядеть с изумлением». В данном примере слово «изумление» прозвучало на азербайджанском, как «улыбка», смотреть с изумлением и смотреть с улыбкой – это разные понятия. Уместным было бы затронуть еще один момент. Учитывая, что цитата – часть устной речи, необходимо обращать внимание на эмоциональность и порядок слов, присущие живой устной речи. Отметим, что из восьми союзов «и» в переводе сохранились только три, повторы («все эти», «вся», «вся эта») сокращены, обобщены и, таким образом, устная речь как бы подчинилась нормам письменной речи. Следующий пример, похожий на предыдущий. В эпиграфе произведения читаем: *«И вышли жители смотреть случившееся и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись»* (Достоевский, 1974, с. 5). Для сравнения обратимся к тексту на азербайджанском языке: *«Sakinlər baş verənləri görmək üçün yola çıxdılar, İsanın yanına gələrək, şeytanların tərktədiyi adamı Onun ayaqları altında geyincəkli, ağı başında oturan gördülər, dəhşətə gəldilər»* (Dostoyevski, 2011, с. 15). Переводчику не удалось сохранить повествовательность, а собственное имя (Иисус) заменено на местоимение (его). Такие стилистические недочеты, конечно, не могут повлиять на содержание переводимого текста, но это является вмешательством в стиль писателя. Следует отметить, что при переводе было упущено из виду дополнительное значение слово «жители».

Насколько бы удивительно это не звучало, Достоевский выбрал для романа «Бесы» два эпиграфа. Выше был проанализирован второй из них. А первый эпиграф взят из второго и шестого четверостишия одноименного стихотворения А.С. Пушкина. В стихотворении, начинающемся с описания путешественников, сбившихся с пути в штормовую ночь, поэт рассказывает о причине такого восстания природы, что разрывает и его сердце на части. Почему же Достоевский обратился именно к Пушкину и его стиху «Бесы»? Достоевский, высоко ценивший творчество Пушкина, назвавший его колыбелью и вершиной русской литературы, во время создания «Бесов» сначала хотел сделать главным героем Степана Трофимовича, всю первую часть из трех существующих посвятил ему, а затем, передумав, сделал главным героем Ставрогина. Представитель молодого поколения Степан Трофимович – как путешественник, мечущийся в разные стороны, попавший в метель, паникующий от испуга, сбившийся с пути, не знающий, в каком направлении идти. Но, несмотря на это, он пытается вести за собой целое молодое поколение, всю молодежь романа. Достоевский, цитируя Пушкина, изображает ситуацию так: *«Сбились мы. Что делать нам! / В поле бес нас водит, видно, / Да*

кружит по сторонам) (Достоевский, 1974, с. 5). Постараемся внести ясность: с первых страниц произведения писатель хотел сконцентрировать внимание читателя на действии. Перевод глаголов «сбились», «водит», «видно», «кружит» на азербайджанский язык прозвучал адекватно и удачно. При чтении данных глаголов в парах (сбились – водит, видно – кружит) можно раскрыть суть характера Степана Трофимовича, а также всего произведения. На азербайджанском языке эпитафия звучит так: «*Yolu azmışıq biz nə edək? / Görünür, çöldə bizi şeytan gəzdirir / Və hər tərəfə fırladır*» (Dostoyevski, 2011, с. 15). «При переводе эпитафии притягивает внимание момент использования слова “водит” (“gəzdirir”). Дело в том, что, хотя главный герой романа Ставрогин, а “главный учитель”, не понимающий своей главной роли беса, не зная куда вести и других, зовущий их за собой – это Степан Трофимович» [Umudova, 2016, с. 249]. Именно в слове «водит» есть оттенок значения «попросту», «от нечего делать», «бесмысленно», «туда-сюда» и т.д. Это представление переводчик сумел сохранить и воссоздать на переводимом языке. Еще одна, на первый взгляд кажущаяся незначительной, деталь – восклицание пушкинского человека, сбившегося с пути («*Сбились мы. Что делать нам!*»). В переведенном тексте Достоевского эта фраза находит отражение в форме возмущения («*Yolu azmışıq biz nə edək?*»), что характеризует вмешательство в интонационную эмоциональную окраску оригинала.

Степан Трофимович как представитель целого молодого поколения в романе ведет за собой Ставрогина, Петра, Лизу и др. «Бесь», как уже было сказано выше, это роман характеров, здесь каждый образ обладает неповторимым, своеобразным, в то же время закодированным и по этой причине таинственным характером. Каждый характер, мастерски созданный Достоевским, добавляет новое значение идейному содержанию произведения. «Начиная с 60-х годов XIX века Достоевский создает живые образы героев-идеологов, характеризует их как с нравственной, так и с идеологической стороны» [Тагъева, 2020, с. 74]. На примере характера главного героя, в душе которого наряду с западными ценностями и жизненной философией живут также русские национальные ценности и религиозно-нравственные принципы, постараемся исследовать качество перевода всего произведения, тем самым создать общее представление о тексте романа на азербайджанском языке, о мастерстве его переводчика и т.д.

В лице Ставрогина Достоевский создал трагедию сильной личности, оторванной от народной почвы, потерявшей свои нравственные ценности и представления о добре и зле. М. Коджаев,

прежде чем переводить текст романа «Бесы», исследовал всю галерею образов и характеров и отнес Ставрогина к категории «лишних людей» [Коджаев, 2007, с. 237]. С этой мыслью сталкиваемся и у других исследователей, например, Г.И. Егоренкова пишет: «Ставрогин последний из цепи “лишних людей”, дальше типа Ставрогина уже ничего не может быть. Дворянство, по мысли Достоевского, исчерпало себя, породив в этом типе свою кульминацию и свой финал» [Егоренкова, 1978, с. 487].

Писатель создает неповторимый образ, перед глазами читателя герой оживает во всей красе. Повествователь представляет его так: *«Это был очень красивый молодой человек, лет двадцати пяти, и, признаюсь, поразил меня <...> это был самый изящный джентльмен из всех, которых мне когда-нибудь приходилось видеть, чрезвычайно хорошо одетый, державший себя так, как мог держать себя только господин, привыкший к самому утонченному благообразию. Не я один был удивлен: удивлялся весь город»* (Достоевский, 1974, с. 37). Сравнивая приведенные примеры на двух языках по предложениям, видим, что сохранен синтаксис, лексика, стиль писателя, и поэтому эпизод первого знакомства со Ставрогиным передан полноценно: *«Bu, çox gözəl cavan bir oğlan idi, iyirmi beş yaş olardı, etiraf edir ki, o məni heyran etdi... o, indiyədək gördüyüm centlimenlər içərisində ən gözəli idi; çox qəşəng geyinmişdi, özünü nəcib, xoş görkəmə vərdiş etmiş cənablar kimi aparırdı. Təəccüblənən təkcə mən olmadım: bütün şəhər heyrətində idi»* (Dostoyevski, 2011, 52). Выражения «очень красивый молодой человек», «самый изящный джентльмен» были первыми оценками Ставрогина, полученными со стороны общества. Портрет этого героя в изображении хроникера приводится далее: *«Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, – казалось бы, писанный красавец, в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску; впрочем, многое говорили, между прочим, и о чрезвычайной телесной его силе»* (Достоевский, 1974, с. 37). На азербайджанском данная цитата выглядит так: *«Məni bir də onun sifəti heyrətə gətirmişdi: saçları çox qara idi, açıq-rəngli gözləri isə sakit və aydın görünürdü, sifətinin rəngi çox incə və ağ idi, yanaqlarının allığı çox parlaq və təmiz idi, dişləri sadəf, dodaqları kəhrəba kimi, – gözəl şəkllə bənzəyirdi, lakin eyni zamanda da, sanki, mənfur idi. Deyirdilər ki, onun sifəti maskanı xatırladır; amma çox şey deyirdilər, bununla yanaşı onun fiziki qüvvəsi barədə də çox danışdılar»* (Dostoyevski, 2011, с. 53). Портрет Ставрогина оставляет

двойственное впечатление: с одной стороны, природные данные – красота и сила, с другой – какая-то искусственная искаженность, отвратительность и духовная деформированность. Достоевский передает неподражаемую красоту. Но в этой красоте есть и противоречивость: черные волосы и светлые глаза; белое, румяное лицо, жемчужные зубы и отвратительное лицо, напоминающее маску. Противоречивая красота Ставрогина путем верного подбора цветовой гаммы оживает в представлении читателя как в переведенном тексте, так и в оригинале. Адекватные эпитеты М.Коджаева «жемчужные» и «коралловые» подчеркивают внешнюю привлекательность героя, и их можно считать достоверной находкой переводчика. «Теоретики перевода утверждают, что переводчик должен выбрать для передачи существенные, характерные элементы национально-культурной специфики оригинала, не забывая, как творец о собственных национально-характерных чертах, без которых не мыслима жизнь перевода в новой среде» [Новрузов, 1990, с. 12]. Очень интересны определения, характеризующие портрет: с одной стороны, «писанный красавец», а с другой – «отвратителен» – что это означает? Портрет Ставрогина, как и его характер, носит двойственное значение, его внешней красоте противопоставляется внутренняя порочность, что в переводе находит свое четкое изображение.

Из вышеприведенных цитат становится ясно, что Ставрогин не только красивый, но и физически сильный человек. Ключевое место в раскрытии характера этой сильной личности занимает сцена пощечины, полученной от Шатова, можно сказать, на глазах у всех в имени, когда он вернулся домой из Швейцарии. Найдем этот эпизод в оригинальном тексте: *«Едва только он выпрямился после того, как-то позорно качнулся на бок, чуть не на целую половину роста, от полученной пощечины, и не затих еще, казалось в комнате подлый, как мокрый какой-то звук от удара кулака по лицу, как тотчас же он схватил Шатова обеими руками за плечи; но тотчас же, в тот же почти миг, отдернул свои обе руки назад и скрестил их у себя за спиной. Он молча смотрел на Шатова и бледнел как рубашка. Но странно, взор его как бы погасал. Через десять секунд глаза его смотрели холодно и – я убежден, что не лгу, – спокойно. Только бледен был он ужасно»* (Достоевский, 1974, с. 166). Повествователь сравнивает лицо Ставрогина в тот момент с лицом человека, который держит в руках закаленное железо. А. Волынский называет его «умственным гипнотиком» [Волынский, Флексир, 1906, с. 359], Л. Гроссман – «голым мозгом» [Гроссман, 1926, с. 34], а С. Аскольдов характеризует его как «кантовский интеллигибельный характер»

[Аскольдов, 1924, с. 22]. Как видно из приведенного выше отрывка, Достоевский тончайшим образом представляет и внутренний, и внешний мир человека. В тексте Коджаева, как и в оригинале, находит свое отражение восторжествование холодного ума и железной воли над чувствительной природой и страстью мщения, происходит доминирование рассудка над чувством. «Рассудок – это единственный демон Ставрогина. Рассудок заполнил и заколдовал его душу, его живые инстинкты и нравственные возможности» [Коджаев, 2007, с. 240]. В тексте перевода ясно слышен резонанс звука пощечины, разносящийся по комнате: *«O aldiği zərbədən son-ra biabırçı şəkildə boyunun, az qala, yarısı qədər yana səndirlədi, sonra təzəcə özünü düzəltmişdi ki və sifətə dəyən yumruq zərbəsinin alçaq, nəmli səsi, deyəsən, otaqda hələ kəsilməmişdi ki, o, ikiəlli Şatovun çiyindənən yapışdı; amma elə o dəqiqə, az qala, elə həmin an hər iki əlini geri çəkdi və əllərini öz arxasında çarpazladı. O susur, Şatova baxır və get-gedə rəngi ağarırdı. Qəribədir ki, onun baxışları, sanki, sönmürdü. On saniyədən sonra artıq göz-ləri soyuq və – əminəm ki, yalan demirəm – sakit nəzərlərlə baxırdı. Ancaq rəngi olduqca qaçmışdı»* (Dostoyevski, 2011, с. 211-212). «Спокойный, холодный» («soyuq, sakit») взгляд Ставрогина говорит о его гневе. Но переводчик почему-то переводит «пощечину» как «удар».

Вернувшийся из зарубежья Ставрогин не прежний, это возвращение – начало какого-то нового этапа. Достоевский опять словами повествователя притягивает внимание к изменению черт лица: *«Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его красавцем, но лицо его действительно «походило на маску», как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества. Теперь же, – теперь же, не знаю почему, он с первого же взгляда показался мне решительным, неоспоримым красавцем, так что уже никак нельзя было сказать, что лицо его походит на маску. Не оттого ли, что он стал чуть-чуть бледнее, чем прежде, и, кажется, несколько похудел? Или, может быть, какая-нибудь новая мысль светилась теперь в его взгляде»* (Достоевский, 1974, с. 145). Писатель с тонкостью отмечает произошедшее изменение; так как на лице героя уже нет «маски», он смотрится еще красивее. Как справился с этой задачей переводчик? *«Amma bir şey məni heyratə gətirdi: əvvəllər onu qəşəng kişi adlandırsalar da, onun sifəti, həqiqətən də, cəmiyyətimizin bəzi diliaci xanımlarının dediyi kimi, “maskaya oxşayırdı”. İndi isə, indi isə, bilmirəm nədən, o, elə ilk baxışdanca mənə gözəl kişi kimi göründü; artıq onun sifətinin maskaya oxşadığını da heç cür söyləmək olmazdı. Bəlkə də ona görə ki, rəngi əvvəlkindən solğun idi və deyəsən, bir az da arıqlamışdı; ya da ola bilsin ki, indi onun baxışlarında yeni bir fikrin şərtləri vardı?!»* (Dostoyevski, 2011,

с. 188). Встречающиеся с самого начала до конца цитаты слова «но», «не знаю почему», «не оттого ли», «кажется» сохранены в переводе как они есть. Эти вспомогательные части речи, с первого взгляда кажущиеся незначительными, на самом деле шаг за шагом приближают читателя к пониманию настоящего состояния Ставрогина: «новая мысль светилась теперь в его взгляде?» Достоевский в этой части романа не показывает весь процесс изменения героя, завершая мысль вопросительным знаком, старается заставить читателя задуматься. М. Коджаев же, зная суть характера, к вопросительному знаку добавляет восклицательный.

Тонкости характера Ставрогина также находят свое отражение в общении с женщинами. Отношение к Ставрогину таких женщин, как Лиза, Дарья освещает его личность с разных сторон. Будучи представителем высшего общества, Лиза никогда не смогла бы понять Ставрогина, по этой же причине и не могла бы простить. Приведем цитату из сцены их последнего свидания: *«у меня тогда, еще с самой Швейцарии, укрепилась мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое, и... и в то же время такое, что ставит вас в ужасно смешном виде. Берегитесь мне открывать, если правда: я вас засмею. Я буду хохотать над вами всю вашу жизнь... Ай, вы опять бледнеете?»* (Достоевский, 1974, с. 401). Николай хочет признаться в мучившей его сцене самоубийства Матрешки, но Лиза не дает ему такой возможности. Обратимся к азербайджанскому тексту: *«onda, hələ İsvəçrədə olarkən düşünürdüm ki, qəlbinizdə nəşə dəhşətli, çirkin və qanlı bir şey vardı və... eyni zamanda elə bir şey ki, o, sizi olduqca gülünc vəziyyətə qoyur. Əgər bu doğrudursa, onu mənə açmaqdan çəkinin: sizə rişxənd edəcəm. Ömrünüz boyu sizə güləcəm... Ah, yenə də rənginiz qadır?»* (Dostoyevski, 2011, с. 515-516). М. Коджаев сумел сохранить неполные, высокомерные мысли Лизы, не нарушив эмоциональность речи. Из безукоризненного азербайджанского текста также понятно, что Лиза для него – это светский уровень сознания и личности. Лизе, в том числе и всему светскому обществу, недостает сострадания, способности смотреть на чужие грехи как на свои собственные. Лизе не нужен грешный и преступный Ставрогин, и у него остается единственная надежда – Даша.

Дарья, в отличие от Лизы, – женщина, сумевшая вернуть Ставрогина на национальную почву, понять его, простить все его грехи. Именно поэтому в ответ на ее слова *«не хочу быть вашей милосердной сестричкой»* Николай пишет письмо, заявляет, что уедет из России и зовет ее в «сиделки». Из этого письма становится ясным отношение Николая к родине, Богу, самой Дарье: *«В России я ничем не*

связан – в ней мне все так же чужое, как и везде. Правда, я в ней более, чем в другом месте, не любил жить; но даже и в ней ничего не мог возненавидеть!» (Достоевский, 1974, с. 513-514). На азербайджанском языке: «*Rusiyada heç nə ilə bağlı deyilmə – burada hər şey, hər yerdə olduğu kimi, yaddır. Doğrudur, Rusiyada yaşamağı digər yerlərdən daha çox sevməmişəm; amma burada da heç nəyə nifrət edə bilməmişəm!*» (Dostoyevski, с. 661-662). Сравнивая оригинал и перевод, приходим к выводу, что и в переводе предложения лаконичны и соответствуют оригиналу. Переводчик наверняка знает, что эти мысли многократно повторялись в уме и, отшлифовываясь, давно сформировались. Далее Ставрогин пишет: «*Друг милый, создание нежное и великодушное, которое я угадал! <...> Ваш брат говорил мне, что тот, кто теряет связи со своею землей, тот теряет и богов своих, то есть все свои цели. Обо всем можно спорить бесконечно, но из меня вылилось одно отрицание, без всякого великодушия и безо всякой силы. Даже отрицания не вылилось. Все всегда мелко и вяло*» (Достоевский, 1974, с. 514) («*Əziz dost, tanıya bildiyim incə və alicənab məxluq! <...> Qardaşınız mənə deyirdi ki, kim ki öz torpağı ilə əlaqəni itirir, o, özünün Allahlarını da, yəni öz məqsədlərini də itirir. Hər şey barədə mübahisə etmək olar, amma məndə heç bir alicənablıq və heç bir qüvvə olmadan təkə ə inkar özünü biruzə vermişdir. Hətta inkar da olmamışdı. Hər şey həmişə cılız və sönükdür*» (Dostoyevski, 2011, 662-663)). В приведенном отрывке переводчик вмешивается в стиль Достоевского, в некоторой мере приближая стиль речи героя к литературным нормам. Слово «тот» в начале придаточных предложений заменяется синонимичными вариантами («кто», «он»).

Открытое признание Ставрогина – это самая сильная часть произведения, его смысловой финал. Это признание, вошедшее в главу «У Тихона», создает возможность целиком проанализировать трагедию Ставрогина, и как узловая точка адекватно помещается в переводимом тексте. Эта часть, очень редко входившая в русские издания, не была включена даже в тридцатитомное собрание сочинений писателя, и произведение осталось как бы незаконченным. М. Коджаев, исследователь творчества Достоевского, добавляет эту главу в текст романа на азербайджанском языке и, таким образом, возвращает произведению начальный облик, то есть форму, задуманную Достоевским, в результате роман заканчивается эмоциональным финалом.

Глава «У Тихона» настолько важна для раскрытия идеи произведения и характера Ставрогина, что ее в отдельности можно превратить в тему нового исследования. Рассмотрим несколько

примеров из вышеупомянутой главы. Ставрогин признается отцу Тихону в своем самом тяжком преступлении – в соблазнении Матрешки. Объясняя свои поступки, он пишет: *«Всякое чрезвычайно позорное, без меры унижительное, подлое, главное, смешное положение, в каковых мне случалось бывать в моей жизни, всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неимоверное наслаждение. Точно так же и в минуту преступлений, и в минуты опасности жизни... Не подлость я любил (тут рассудок мой бывал совершенно цел), но упоение мне нравилось от мучительного сознания низости»* (Достоевский, 1974, с. 14). Эти рассуждения на азербайджанском языке звучат следующим образом: *«Həyatım boyu düşdüyüm son dərəcə biabırçı, olduqca alçaldıcı, əclaf və əsasən də, gülməli vəziyyətlər daim məndə hədsiz qəzəblə yanaşı, olmazın nəşə duyğusu oyadırdı. Eyniyə də cinayət anlarında və ya həyatım üçün təhlükəli anlarda. Əgər nəyisə oğurlasaydım, oğurluq edən anda əclaflığımın son dərəcəsindən nəşə hissi duyurdum. Mən əclaflığı sevmirdim (burada idrakım tamamilə yerində olurdu), amma alçaqlığın əzablı dərkindən irəli gələn nəşə xoşuma gəlirdi»* (Dostoyevski, 2011, с. 677). Из слов героя становится ясным, что его жажда к преступлению или грязным проступкам, пусть даже в такой ужасной форме, происходит из желания понять человеческие чувства. Переводчик совершенно адекватно выразил желание Ставрогина вернуться в «живую жизнь». Не может быть иной мысли, чем «упоение мне нравилось от мучительного сознания низости», точно объясняющей характер Ставрогина, что четко прозвучало в переводе на азербайджанский язык.

После прочтения признания отец Тихон говорит Ставрогину: *«Некрасивость убьет <...> Есть преступления поистине некрасивые. В преступлениях, каковы бы они ни были, чем более крови, чем более ужаса, тем они внушительнее, так сказать, картиннее; но есть преступления стыдные, позорные, мимо всякого ужаса, так сказать, даже слишком уж не изящные»* (Достоевский, 1974, с. 27). В переведенном тексте читаем: *«Eybəcərlik öldürəcəkdir <...> Elə cinayətlər var ki, onlar, həqiqətən də, eybəcərdir. Cinayətdə, onun necəliyindən aslı olmayaraq, nə qədər çox qan, nə qədər böyük dəhşət olarsa, o, o qədər də təsirli, necə deyərlər, gözəldir; amma ayıblı, biabırçı, heç bir dəhşəti olmayan, necə deyərlər, hətta həddən çox eybəcər cinayətlər də var...»* (Dostoyevski, 2011, с. 697). Нейтральные слова богослужителя «некрасивость», «не изящные» переведены как «уродство», потому что именно это ключевое слово подчеркивает основную идейную линию произведения. М. Коджаев намеренно стучит краски, эмоционально напрягая читателя. Для переводчика соблазнение Матрешки – это не

простой проступок, не обычный акт преступления, это – уродство, от которого нет обратной пути к спасению.

Вышеперечисленные цитаты были изображением тех мук, которые перенес Ставрогин, вспоминая историю с Матрешей. «Достоевский, живший среди убийств на каторге и часто сталкивающийся с гибелью людей, хотел предупредить человечество об опасностях пренебрежительного отношения к смерти» [Масолова, 2017, с. 7]. С целью забыть событие, мучившее его душу – оскорбление Матрешы, доведение ее до самоубийства – или же чтобы наказать самого себя, Ставрогин совершает новый проступок – женится на больной, юродивой Марье Лебядкиной по прозвищу Хромоножка. Интересно высказывание самого Ставрогина об этом событии: *«В это же время, но вовсе не почему-нибудь, пришла мне идея искалечить как-нибудь жизнь, но только как можно противнее. Я уже год назад помышлял застрелиться; представилось нечто получше. Раз, смотря на хромую Марью Тимофеевну Лебядкину, прислуживавшую отчасти в углах, тогда еще не помешанную, но просто восторженную идиотку, без ума влюбленную в меня втайне, я решил вдруг на ней жениться. Мысль о браке Ставрогина с таким последним существом шевелила мои нервы. Безобразнее нельзя было вообразить ничего»* (Достоевский, 1974, с. 20). М. Коджаев перевел эту часть с тонкостью исследователя-достоевсковеда: *«Elə bu vaxt, elə həmin səbəbdən də beynimə belə bir ideya gəldi ki, öz həyatımı nəşə mümkün qədər iyrənc şəkildə sındırım. Artıq bir ildir ki, özümü öldürmək fikrinə düşmüşdüm; əlimə bundan da yaxşı fürsət düşdü. Bir dəfə buralarda qismən qulluqçuluq edən, onda hələ aqlını itirməmiş, amma sadəcə coşğun idiot, üstəlik də, gizlində mənə vurulmuş olan (bu barədə bizimkilər öyrənib bilmişdilər) çolaq Marya Timofeyevna Lebyadkinaya baxaraq birdən-birə qərara gəldim ki, onunla evlənim. Stavroginin bu cür əskik məxluqla nikahı əsəblərimi tərpədir. Bundan eybəcər bir şey təsəvvürə gətirmək olmazdı»* (Dostoyevski, 2011, с. 687). Вникая в суть этих мыслей Достоевского, переведенных на азербайджанский язык, читатель становится очевидцем процесса раздвоения Ставрогина, его переживаний. Как один из ключевых моментов эта часть в переводе звучит удачно и громко. Ставрогин, чтобы *«искалечить... жизнь, но только как можно противнее»*, оценивает то, что *«представилось нечто получше»*. Действительно, *«безобразнее нельзя было вообразить ничего»*. В результате употребления переводчиком нужных слов в нужных ситуациях создается очень глубокая и ужасная гармония значения и содержания.

Таким образом, М. Коджаев в своем переводе не только смог сохранить сцены, раскрывающие характер Ставрогина, его внутренние

мучения, душевные переживания, но и озвучил их достоверно на азербайджанском языке. Переводить адекватно характер героя, занимающего главное место в идейном содержании романа «Бесы», – это значит презентовать произведение азербайджанскому читателю в правильной форме и верном содержании.

В целом, М. Коджаев, на наш взгляд, справился с этой трудной и ответственной задачей, и его первый перевод романа «Бесы» послужит основой для последующих переводов произведения. Работа М. Коджаева должна быть оценена как источник, сближающий два соседних народа, пропагандирующий творчество великого Достоевского в Азербайджане.

Литература

- Аскольдов С., Алексеев С.А. Психология характеров у Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. М.– Л., 1924. Сб. 2.
Волынский А.Л., Флексер А.Л. Достоевский. Спб., 1906.
Гроссман Л.П., Полонский В.П. Спор о Бакунине и Достоевском. Л., 1926.
Егоренкова Г.И. Проблема общественной психологии в романе Достоевского «Бесы». Трагедия Николая Ставрогина // Известия АН СССР. М., 1978. Вып. 6. Т. 37.
Коджаев М.К. Характеры и идеи Ф.М.Достоевского. Баку, 2007.
Масолова Е.А. Мотив смерти-воскресения в «Преступлении и наказании» Достоевского и в «Воскресении» Толстого // Филология и человек. 2017. № 3.
Новрузов Р.М. Художественный перевод и проблема взаимодействия, взаимообогащения литератур. Баку, 1990.
Русско-азербайджанский словарь: в 3-х тт. Баку, 1990-1991.
Tağıyeva M.M. Fyodor Dostoyevski yaradıcılığının Azərbaycanca tədqiqi tarixi. Bakı, 2020.
Umudova K. F.M. Dostoyevskinin “Şeytanlar” romanının Azərbaycan dilinə tərcüməsinin semantik-üslubi problemləri // Elm və mədəniyyət zirvəsi. Bakı. 2016.

Список источников

- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти тт. Л., 1981. Т. X.
Dostoyevski F.M. Seçilmiş əsərləri. Şeytanlar. III cild. Bakı, 2011.

References

- Askol'dov S., Alekseyev S.A. *Psichologija harakterov u Dostoyevskogo* [Psychology of Characters in Dostoevsky] *F.M. Dostoyevsky. Stat'i i materialy* [F.M. Dostoevsky. Articles and Materials]. 1924. Comp. 2.
Volynskij A.L., Flekser A.L. *Dostoyevskij* [Dostoevsky]. St. Petersburg, 1906.
Grossman L.P., Polonskiy V.P. *Spor o Bakunine i Dostoyevskom* [Disput about Bakunin and Dostoevsky]. Leningrad, 1926.
Egorenkova G.I. *Problema obshhestvennoj psihologii v romane Dostoyevskogo "Besy"*. *Tragediya Nikolaja Stavrogina* [The problem of Social Psychology in Dostoyevsky's Novel

The Devils. The Tragedy of Nikolays Stavrogin]. Izvestiya AN SSSR. [News of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, 1978. Iss. 6. Vol. 37.

Kodzhaev M.K. *Harakteri i idei Dostoevskogo* [Characters and Ideas of Dostoyevsky]. Baku, 2007.

Masolova E.A. *Motiv smerti-voskreseniya v «Prestuplenii i nakazanii» Dostoevskogo i v «Voskresenii» Tolstogo* [The Motive for Death and Resurrection in the *Crime and Punishment* of Dostoevsky and in the *Resurrection* of Tolstoy]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. № 3.

Novruzov R.M. *Hudozhestvennyj perevod i problema vzaimodejstviya, vzaimoobogashheniya literatur* [Literary Translation and the Problem of Interaction, Mutual Enrichment of Literature]. Baku, 1999.

Russko-azerbajdzhanskij slovar' [Russian-Azerbaijani Dictionary]. In 3 vols. Baku, 1990-1991.

Taghiyeva M.M. *Fyodor Dostoyevski yaradıcılığının Azərbaycanca tədqiqi tarixi*. Bakı, 2020.

Umudova K.A. *F.M. Dostoyevskinin "Şaytanlar" romanının Azərbaycan dilinə tərcüməsinin semantik-üslubi problemləri* [Semantik-style Problems of F.M. Dostoevsky's Translation of *The Devils* into Azerbaijani]. *Elm və mənəviyyat zirvəsi* [Pinnacle of Science and Morality]. Baku, 2016.

List of sources

Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]. In 30 vols. Leningrad, 1974. Vol. X.

Dostoevsky F.M. *Sechilmish eserleri. Shaytanlar*. III vol. Bakı, 2011.

АМЕБЕЙНАЯ КОМПОЗИЦИЯ В ПОЭЗИИ И.В. СЕВЕРЯНИНА

С.С. Фолимонов

Ключевые слова: И.В. Северянин, амебейная композиция, строфика, ирония, авторская позиция, индивидуальный стиль.

Keywords: I.V. Severyanin, alternate literary composition (parallelism), stanzaic prosody, irony, the author's position, individual style.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-07

К анализу строфической композиции как в общетеоретическом плане, так и в контексте литературного течения или творчества конкретного поэта ученые обращаются регулярно. Научный интерес вызывает классическое наследие [Орлицкий, 2015; Ковалев, 2017; Двойнишникова, 2018], современная поэзия [Орлицкий, 2011; Абдокова, 2015; Пантелеева, 2019], а также устное народное творчество [Унарокова, 2012; Семьянинов, 2016; Дампилова, 2017]. При этом методологическая стратегия подобного рода исследований, как правило, фокусирует внимание на структурном и статистическом аспектах. Такое положение, очевидно, связано с тем, что данная проблема в первом приближении видится чисто теоретической, решаемой в масштабе литературной эпохи, глобального стиля, направления. Однако структурно-статистический подход, при всей своей продуктивности, не способен охватить полного спектра художественно значимых компонентов стихотворного текста. В частности, «значения и смысла слова в зависимости от самой стиховой конструкции» [Тынянов, 2002, с. 30]. Кроме того, вне поля зрения исследователя остаются вопросы об эстетическом потенциале строфической формы, особенностях ее реализации в отдельно взятом лирическом произведении, о ее влиянии на индивидуальный поэтический стиль.

Будучи важнейшей составляющей идиостиля поэта, строфика открывает автора «изнутри», позволяет увидеть важнейшие сегменты лирического потока сознания, реализующие стратегию творца, его не всегда осознаваемые напрямую (в отличие от таких хрестоматийных атрибутов поэтики, как тропы и фигуры речи, образ лирического героя и прочее) приемы воздействия на чувства читателя. Особенно важной обозначенная проблематика становится в том случае, когда сам поэт отводит ей ведущую роль, экспериментирует со строфическими

формами, изобретает новые варианты, пытается теоретически осмыслить накопленный опыт. К числу художников слова, в чьей творческой лаборатории строфика выходит на первый план, по праву относится И.В. Северянин – виртуозный мастер стихотворного языка, по произведениям которого можно изучать историю мировой строфической поэзии.

Северяниноведение традиционно характеризуется тщательным анализом поэтического языка, функциональных особенностей отдельных жанров [Алпеева, 2011; Огородникова, 2016]. Однако в работах последних лет все чаще ставится проблема композиционного анализа (преимущественно рассматриваются твердые стихотворные формы: триолет, рондо, сонет и др.) [Бублик, 2016; Кошелев, 2017].

В ранее опубликованном исследовании мы уже затрагивали один из самых объемных аспектов северянинской строфики – анафорическую композицию и ее роль в реализации конкретных художественных задач [Фолимонов, 2008]. Целью настоящей работы стал анализ функциональных особенностей редко встречающейся в современной поэзии строфической формы – *амебейной композиции*. Выбор именно этой композиционной формы строфы не случаен, так как его детальное рассмотрение позволяет ответить на некоторые вопросы, связанные с диалогизмом (явным и скрытым) и театрализацией лирического содержания, – важнейшими стилевыми чертами, определяющими поэтический облик творца.

На пристрастие поэта к разнообразным строфическим формам и композиционным схемам вскользь обращали внимание многие критики, собравшие по поэтическому цеху, литературоведы. Одним из первых это сделал В.Я. Брюсов, отметивший в критическом портрете, что И.В. Северянин – «художник, которому открылись тайны стиха» [Брюсов, 1975а, с. 451]. Н.С. Гумилев указывал на «богатство его ритмов <...> устойчивость композиции» [Гумилев, 2006, с. 160]. Эстонский исследователь В. Адамс, друживший с поэтом в последние годы его жизни, вспоминал: «Мы знаем Северянина <...> как искусного версификатора, сумевшего вложить в свои субъективистские “поэзы” большую напевность и легкость» [Адамс, 1977, с. 328].

Вместе с тем «напевность и легкость» «искусного версификатора» никто не попытался соотнести с поэтическими ресурсами самой композиции, так же как никто не установил прямой зависимости выбора строфических формул от потребностей зарождавшегося в начале XX века нового сценического искусства. Идея его заключалась в том, что художественное слово должно было

воздействовать на адресата не только в традиционной письменной, но и в устной форме. Автор становился исполнителем собственных стихов на эстраде, а в обществе играл роль созданного им лирического героя. На связь этого культурно-психологического феномена с творческой судьбой «короля поэтов» указывает литературовед В.А. Кошелев [Кошелев, 1988, с. 13]. А Э.Н. Зиновьева, размышляя о синтезе искусств как авторском способе изображения и преобразования действительности, пишет, что «особая манера исполнения (нараспев) и новый способ общения с публикой во многом повлияли на стих» основоположника эгофутуризма [Зиновьева, 2019, с. 10].

Современники свидетельствуют о подчеркнуто актерском исполнении И.В. Северянина, рассчитанном на «живую» публику. Так, А.М. Арго, воспроизводя по памяти впечатления от поэтических концертов 1910-х годов, особо выделил момент, когда поэт, подготовив слушателей эффектным появлением на сцене, «приступал к скандированию своих распевно-цезурованных стрóf» [Арго, 1965, с. 92]. Усилению сценического эффекта способствовало сближение поэтического начала с музыкальным. Эту особенность как характерную черту северянинского стиля отмечает В.Я. Брюсов: «Игорь Северянин свои стихи не читает, а поет...» [Брюсов, 1975а, с. 450]. Принципиальное значение собственного исполнения осознавал и сам основатель эгофутуризма: «*Позовите меня, – я прочту вам себя, / Я прочту вам себя, как никто не прочтет. / <...> Кто не слышал меня, тот меня не постиг...*» (Северянин, 1995а, с. 10-11)¹. Музыкальность И.В. Северянин ощущал неотъемлемой частью данного ему поэтического таланта. «*Я – композитор: в моих стихах / Чаруйные ритмы*», – восклицает он в одном из стихотворений (Северянин, 1995а, с. 328). Музыкально-драматические ресурсы северянинской лирики почувствовали и высоко оценили многие профессиональные композиторы и исполнители. Среди них особое место принадлежит А.Н. Вертинскому, сумевшему ярко и самобытно раскрыть сложный, противоречивый художественный мир большого русского поэта-экспериментатора.

Создание театрализованного лирического текста, соединяющего в себе диалог, свойственный драме, и богатую интонационную палитру, выражающуюся в разного рода параллелях и вариациях, несмотря на кажущуюся внешнюю простоту (иногда примитивность), на самом деле очень сложная в творческом отношении задача, и решить ее под

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты И. Северянина из списка источников, приведенного в конце статьи.

силу далеко не каждому даже и большому поэту. Богатые возможности, позволяющие это осуществить, заложены в амебейной композиции, зародившейся в лоне народной поэзии и построенной на творческом преломлении принципа диалогизма, вербализующегося в системе повторов, наделенных особой семантической нагрузкой. А.Н. Веселовский замечает: «Такого рода тавтология <...>, распределяясь по равномерным ритмическим строкам <...> действовала музыкально. К исключительно музыкальному ритмическому впечатлению спустились, на известной степени разложения, и формулы психологического параллелизма...» [Веселовский, 1989, с. 108].

Суть амебейной композиции заключается в использовании принципа смыслового и синтаксического параллелизма и на практике включает в себя синонимические вариации в параллельных стихах, психологический параллелизм, развивающийся в последовательное двойственное членение, а также параллелизм вопросов и ответов в лирическом диалоге. «Композиционное движение при амебейном построении, – пишет В.М. Жирмунский, – как бы распространяется двумя последовательными волнами, создает два анафорических ряда, почленно параллельных друг другу...» [Жирмунский, 1921, с. 38].

По принципу амебейной композиции построено одно из первых стихотворений И.В. Северянина «Звезда и дева», написанное еще в восьмилетнем возрасте (Северянин, 1995б, с. 394). Сам автор в очерке «Образцовые основы» весьма строго подходит к его оценке, хотя и отмечает, что создано оно «с соблюдением всех “лучших” традиций поэтического произведения» (Северянин, 1996, с. 82). Однако, рассматривая стихотворение в контексте всего северянинского творчества, нельзя не заметить: написанное по наитию природного и воспитанного впечатлениями детства поэтического вкуса, стихотворение «Звезда и дева» – явление знаковое. Юный поэт не слепо копирует устно-поэтический образец, он настраивает лиру при помощи самого верного камертона, подыскивая ноты, созвучные природе своего дарования. Немалую роль в обращении к подобной тематике и художественным средствам для ее воплощения, безусловно, сыграла русская литературная традиция, утвержденная и прославленная поэтическими именами А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, и представляющая собой в стилистическом отношении сплав идей романтизма с устно-поэтической эстетикой. Накопленный ею национальный образно-символический комплекс стал настолько привычен для читательского

слуха, что воспринимается как цельный, нечленимый опознавательный знак, обеспечивающий эмоциональный настрой на восприятие представленного автором лирического сюжета.

В анализируемом стихотворении поэтическая индивидуальность И.В. Северянина проявляется в традиционном материале посредством соединения романтических и народно-поэтических представлений о теме «звезда и дева». В арсенале народной поэзии для наименования образа девушки или молодой женщины чаще всего использовались две лексических единицы: *девица* и *красная девица*. Слово «дева», восходящее к религиозно-христианской символике, несет на себе отпечаток книжной культуры. Кроме того, «дева» – узнаваемый романтический образ (ср. стихотворения А.С. Пушкина «Дева», «Буря», «О дева-роза, я в оковах...» и др.). Любопытно, что в самом тексте «Звезды и девы» слово «дева» И.В. Северяниным не использовано. Весь текст последовательно ориентирован на фольклорную образность, компоненты которой органично раскрываются в привычной для них ритмической стихии развернутого по всем правилам психологического параллелизма. «Фольклорность» подчеркивается и еще одним фактом. В последнем стихе ритмовое движение начинается «с татакта», благодаря введению дополнительного слога (союза «и»), выдвинувшего на первое место слабую долю. В результате последняя строчка, занимающая сильную интонационно-смысловую позицию, выбилась из общей системы и дала возможность придать стихотворению в целом более живой, импровизированный вид. Налицо явный стилистический контраст двух самых сильных позиций текста. Его, конечно, можно было бы объяснить неопытностью юного автора. Однако причина видится более глубокой, концептуально значимой. Очевидно, здесь впервые на интуитивном уровне столкнулись два основополагающих начала северянинской эстетики: по-детски непосредственное восприятие мира (созвучное народной культуре) и стремление к поэтическому декору, подстраивающему произведение под вкусы публики. Не случайно, перечисляя поэтические традиции, использованные в «Звезде и деве», поэт иронично называет их «лучшими» (ирония маркирована кавычками) (Северянин, 1996, с. 82). Немаловажным представляется и его замечание о размере: ««общепринятый и гармоничный» <...> для слуха обывателя» (Северянин, 1996, с. 82). Таким образом, избитый, с точки зрения книжной поэзии, прием строфической композиции обретает новое художественное дыхание, становится важной чертой идиостиля поэта.

К различным типам амебейного построения И.В. Северянин обращается в разные периоды творчества, обнаруживая в них неожиданные возможности для решения сложных эстетических задач. Одним из таких типов является амебейный параллелизм в форме синонимической вариации. Ярким примером названной строфической формулы может служить стихотворение «Поэза оттенков» (Северянин, 1995б, с. 221). В его основу положен принцип антитетичности, где элементами антитезы выступают как полные (нежный / суровый, душа / бездушие), так и контекстуальные (белый / лиловый, золотой / медный, весна / старуха, вешнее / бывшее) антонимы. Динамичная антонимическая игра имеет тенденцию к постепенному усложнению, углублению (от внешнего, визуального – к внутреннему, духовному, сокровенному). При этом антитетичность не создает общего эффекта противопоставленности, контрастной разобщенности. Напротив, создаваемое антонимическими парами смысловое поле воплощает идею единства всего сущего, неизменной, бесконечно повторяющейся взаимоотраженности бесчисленных элементов мира внешнего и внутреннего. Парадоксален, на первый взгляд, финал стихотворения, который в контексте сложившихся стереотипных представлений о северянинской эстетике воспринимается как ловкий «ассоциативный кульбит» постоянно стремящегося к оригинальности автора. Но на самом деле итог развития поэтической мысли вполне закономерен: умение видеть и различать оттенки – это путь к мудрости, к обретению гармонии через понимание и приятие амбивалентной природы материи и духа. Поэтому прозвучавшая под занавес максима «*Душа – в бездушие твоём*» (Северянин, 1995б, с. 221) есть результат кропотливой внутренней работы лирического героя над преодолением своего «эго», способность с высоты обретенного миропонимания взглянуть на человека глазами подлинной любви.

Амебейный параллелизм, в свою очередь, поддерживает смысловое движение на ритмико-композиционном уровне. Синонимическая вариативность создает эффектный зрительный образ перевернутого изображения, подобного оптическому явлению, возникающему в камере-обскуре: «*Есть в белых ночах лиловость, / Лиловость в белых ночах*» (Северянин, 1995б, с. 221). Прием стыка на микрокомпозиционном уровне (лиловость / лиловость; суровость / суровость; бледность / бледность) позволяет интонационно выделить рифмующиеся слова, имитируя эхо или звучание скрытого хора (изначально амебейная композиция предполагала наличие хора, отвечающего на вопросы или вторящего солисту). Однако строфический рисунок меняется в середине стихотворения.

Формальный прием стыка ослабляется в третьем и четвертом стихах второй строфы (медность / медь) и совсем исчезает в третьей строфе по мере усиления степени абстрагирования от конкретных чувственно воспринимаемых образов. Примечательно, что третий и четвертый стихи последней строфы не только не спаяны лексическим повтором, но как бы намеренно разъединены употреблением полных антонимов (единственный случай столь резкого контраста в стихотворении). Изменение строфического алгоритма, к которому автор начал готовить читателя постепенно, позволило максимально усилить в финальной части смысловую и интонационную роль слова «душа», не прибегая к привычному повтору, своей предсказуемостью снижающему остроту восприятия к концу произведения.

Амебейная композиция, построенная на синонимических вариациях, создающих эффект однократного или многократного эха, используется в «Хабанере II» (Северянин, 1995а, с. 334). Это один из примеров северянинской лирики, по которым о поэте судят как о певце гедонизма, богемной распушенности, «салонного эротизма и чуждого жизни эстетизма» [Брюсов, 1975б, с. 467]. Между тем поэтическая мысль автора открывается лишь при внимательном рассмотрении особенностей интерпретации темы, стилистической палитры текста.

Тема «вино и женщины» имеет давнюю книжную традицию. Она активно разрабатывалась и в западной, и в восточной культуре, предлагая читателю земную модель «райской жизни» здесь и сейчас, и нашла воплощение в крылатом латинизме «Carpe flare, carpe diem». Однако в представлении высокообразованного носителя интеллектуальных и духовных ценностей европейской цивилизации, требовательно относящегося к качеству прецедентных текстов, данная тема являлась поэтическим штампом, образчиком пошлости, примитивности. Автор, взявшийся за разработку столь неоднозначной в эстетическом аспекте проблемы, не мог не учитывать в художественной стратегии уязвимости будущего творения. Важным стратегическим приемом, позволившим преодолеть рамки заезженного шаблона, стала маска «ироника», «царственного паяца», скрывшего от мира истинное «я» за «струнной изгородью лиры». Осмысление «Хабанеры II» через призму болезненно иронизирующего над читателем и самим собой лирического героя дает возможность учесть те детали контекста, что в противном случае остаются за пределами читательского зрения.

Ключами контекстуализации (Дж. Гамперц) выступают иностилевые элементы, побуждающие переоценить, переосмыслить первое впечатление от стихотворения. К ним прежде всего относятся

шаржированные метонимия и метафора: «*Вонзите штопор в упругость пробки...*»; «*И ждите, ждите любви раската!*» (Северянин, 1995а, с. 334). Оказавшись в более сильной смысловой позиции, слово «упругость», благодаря суффиксу с абстрактным значением свойства, снижает весомость вещного, чувственного мира (а он здесь выступает главным действующим лицом!), делая его более абстрактным, опереточно-условным, и намечает подспудное развитие второй темы – иронического осуждения пошлого мещанского мировоззрения. Метафора «раскат любви», подготовленная двукратным повторением глагола «ждите», уже более открыто указывает на ироническую тональность. Двусмысленность созданного образа окончательно разрушает приторно-пафосный тон первой части произведения, поскольку остается неясным, какого *раската любви* призывает ждать лирический герой: звука от очередной откупоренной бутылки или грома среди ясного неба (иных предвестников надвигающейся грозы не называется). В заключительных стихах третьей строфы имплицированная до того интенция поэта формулируется открыто. «Царственный паяц» сбрасывает маску, и из-за *раскрашенных в цвета заката мыслей* вдруг выступает неприглядная правда жизни обывателя: «*А к поцелуям финал причисли, –/И будет счастье в удобном смысле!..*» (Северянин, 1995а, с. 334).

В ритмико-синтаксическом отношении стихотворение своеобразно имитирует основные каноны заявленного жанра. Двусложное чередование безударных и ударных слогов с иницированной пиррихией цезурой посередине стиха напоминает о синкопированном ритме хабанеры. Синонимические повторы, обеспечивающие последовательное развитие амебейного параллелизма, также ассоциативно соотносятся с обязательным дублированием ритмического рисунка зажигающего кубинского танца.

Композиционные повторы в «Хабанере II» используются И.В. Северяниным специфично, в строгом соответствии с конкретным художественным заданием. В первой строфе компоненты параллели несимметричны (второй компонент охватывает три последующих стиха). Во-первых, это происходит за счет вариативного повторения целого стиха, где преимущественно меняются интонация и темп, замедляющийся при помощи частицы «да», вводящей дополнительную паузу. Во-вторых, вариативный повтор, став элементом сложносочиненного предложения и утратив восклицательную интонацию, играет роль пролога для введения важной микротемы «любви-страсти», логически завершающей формирование устойчивого поэтического ассоциативного ряда: *вино – женщины – страсть*. Во

втором четверостишии строфическая формула в целом дублируется, однако степень синонимической вариативности значительно возрастает: «*И созерцайте цвета заката... / Раскрасьте мысли в цвета заката...*» (Северянин, 1995а, с. 334). Использование большого количества глаголов повелительного наклонения (созерцайте, раскрасьте, ждите) повышает динамику лирического действия. Третья строфа не содержит синтаксической и смысловой параллели. Она воспринимается как продолжение и разрастание возникшего в предыдущей строфе композиционного импульса. Этому впечатлению способствуют сохраняющиеся здесь глаголы повелительного наклонения (ловите, теряйте, исчисли, причисли), отсылающие к уже развернутой ранее строфической схеме, а также смысловая переключка с началом стихотворения, формирующая своего рода композиционное кольцо: «*И взоры женицин не будут робки!*» – «*И будет счастье в удобном смысле!*» (Северянин, 1995а, с. 334). Вместе с тем, для авторского замысла, безусловно, важно, чтобы последнее четверостишие стояло особняком. Даже рифма здесь становится подчеркнуто тривиальной, безликой (мысли / смысле; исчисли / причисли). Описанный ход поэтической стратегии следует рассматривать в качестве маркера, позволяющего определить приоритет истинного смысла над мнимым, понять подлинный замысел автора.

Интересные художественные возможности открывает перед поэтом такой вид амебейной композиции, как параллелизм вопросов и ответов (антифонический параллелизм). Он широко применяется в народной и книжной песенной лирике у разных народов. Его строфическая формула, по определению В.М. Жирмунского, заключается в том, что «элементы диалога распределяются по соответствующим местам строфы или группы строф, объединяясь в параллельные ритмико-синтаксические ряды, с более или менее отчетливыми анафорическими повторениями» [Жирмунский, 1921, с. 41]. Такого рода диалог мы находим в стихотворении И.В. Северянина «Любопытство Эклерезиты» (Северянин, 1995б, с. 320). Он последовательно проведен через все произведение и позволяет реализовать тему, не используя ремарок и слов автора. Вся необходимая информация содержится непосредственно в репликах лирических героинь – матери и дочери. Так, для обозначения художественного пространства поэт дважды вводит в разговор название вымышленной страны Миррэлии, представляющей собой поэтическое воплощение сокровенной мечты. Посредством этих упоминаний формулируются две концептуально важные символическо-смысловые характеристики: «... *Миррэлия / Не видна никому*» и

«Кроме звезд и Миррэлии / Ничего в мире нет!» (Северянин, 1995б, с. 320). Использование антифонического параллелизма в чистом виде позволило поэту добиться особого эффекта: разговор матери и дочери происходит как будто бы в бездонном пространстве горнего мира, где уже не имеют значения многие земные категории, утрачивают смысл человеческие суетные желания. При помощи этого приема И.В. Северянин показывает стремление матери сохранить чистоту детского мировосприятия, защитить его от жестоких законов жизни. Тема войны в такой оторванной от реальности интерпретации приобретает иное качество. Война превращается в символ земной человеческой жизни, наполненной страданиями, борьбой за существование, ненавистью. В противоположность ей Миррэлия дарит гармонию и забвение, позволяет никогда не взрослеть, оставаться наивным и непосредственным. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие ярких эмоциональных всплесков, закономерно ожидаемых в доверительном общении ребенка и взрослого. Эмоциональная партитура разговора минорно-однообразна. Это связано не только и не столько с философским характером беседы, сколько с интуитивным осознанием поэтом утопичности мира мечты, неумолимо ведущего его обитателей к полному одиночеству: *«– Ну а кто окружает нас? / Кто ближайший сосед? / – Кроме звезд и Миррэлии / Никого в мире нет!»* (Северянин, 1995б, с. 320).

Оригинальное применение антифонического параллелизма мы можем наблюдать в стихотворении *«Поэза о знатной даме»* (Северянин, 1995в, с. 62). В нем элементы диалога распределяются между солирующим лирическим героем и воображаемым хором, чей ответ в неизменной форме выполняет функцию рефрена. Принцип диалогизма в таких случаях условен, однако он дает возможность активно работать с публикой в процессе живого исполнения и повысить экспрессивность текста при помощи разнообразных интонаций, что, как известно, является одной из главных потенций рефрена. Повторяющийся стих ассоциативно актуализирует известное публике того времени название рассказа А.П. Чехова. Но прямого культурного диалога с чеховским текстом мы у И.В. Северянина не найдем. Скорее всего, целью автора было использование ставшего расхожим символа, прирастающего в результате многочисленных интерпретаций новыми коннотациями. В данном случае «дама с собачкой» олицетворяет пошлость мещанского мира, просвечивающую сквозь покровы внешнего лоска.

Использование рефрена (ответа) в качестве второго элемента параллели значительно расширяет функциональные возможности

первого элемента (вопроса), охватывающего по три стиха в каждой строфе и маркирующегося анафорическим повтором «кто это». В результате лирический герой-солист не только вопрошает, он дает развернутую характеристику главной героине, представляя читателю целую серию зарисовок из ее повседневной жизни, мастерски использует художественные детали: желтый плюшевый сак, смело смеющаяся поэтесса, реакция на возможных соперниц и др.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что И.В. Северянин в своей художественной практике открыл новые творческие резервы использования амебейной композиции, подчинив ее реализации установки на усиление изобразительности, интонационного богатства и театрализации лирических произведений. Детальный анализ строфической композиции конкретных стихотворений дает возможность увидеть скрытые интенции автора, более объективно интерпретировать и оценить созданный им поэтический мир.

Литература

Абдокова М.Б. Энциклопедия ностальгических переживаний поэтессы черкесского зарубежья зейн Кандур // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2015. № 4.

Адамс В. Утопия Игоря Северянина // Adams Valmar. Vene Kirjandus mu arm. Tallinn, 1977.

Аллеева Л.В. Атрибутивные глагольные формы в лирике Игоря Северянина // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 15.

Бублик Е.В. Роль ритмико-синтаксических вариаций в реализации синергетического потенциала триолета // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.

Дампилова Л.С. Особенности стихосложения в русскоязычной бурятской поэзии // Новый филологический вестник. 2017. № 2.

Двойнишникова М.П. Визуально-графические особенности лирики Г.Р. Державина // Новый филологический вестник. 2018. № 3.

Жирмунский В. Композиция лирических стихотворений. СПб., 1921.

Зиновьева Э.Н. Игорь-Северянин: эксперименты в области синтеза искусств // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2019. № 1.

Ковалев П.А. К. Прутков-стихотворец // Вестник Брянского государственного университета 2017. № 3.

Кошелев В.А. «Медальоны» Игоря-Северянина: сонет как жанр литературной критики // «Согреет всех мое бессмертье ...»: личность и творчество Игоря Северянина в культурном контексте XIX–XXI вв. Череповец, 2017.

Кошелев В.А. Поэт с открытой душой // Северянин И.В. Стихотворения. М., 1988.

Огородникова Е.А. Жанр элегии в сборнике Игоря Северянина «Громокипящий кубок» // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 6.

Орлицкий Ю.Б. К изучению строфики Мандельштама // Новый филологический вестник. 2015. № 1.

Орлицкий Ю.Б. Возвращение к строфике: новая дисциплина русского стиха (1990–2000-е гг.) // Филологический класс. 2011. № 25.

Пантелеева В.Г. Удмуртская поэзия рубежа XX–XXI вв.: жанрово-стилевые и образные модификации // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4. № 1.

Семьянинов Я.В. Типология тамбовских частушек (на примере записей в Рассказовском районе) // *Манускрипт*. 2016. № 12.

Тьянянов Ю.Н. Литературная эволюция. М., 2002.

Унарокова Р.Б. Зэфэусэ (поэтические прения) в фольклоре адыгов // *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2012. № 1.

Фолимонов С.С. Анафорическая композиция в лирической поэзии И.В. Северянина // *Поэтика художественного текста: в 2-х тт.* Борисоглебск, 2008. Т. 2.

Список источников

Арго А.М. Своими глазами: книга воспоминаний. М., 1965.

Брюсов В.Я. а) Собрание сочинений: в 7-и тт. М., 1975. Т. 6.

Брюсов В.Я. б) Собрание сочинений: в 7-и тт. М., 1975. Т. 7.

Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10-и тт. М., 2006. Т. 7.

Северянин И. а) Сочинения: в 5-и тт. СПб., 1995. Т. 1.

Северянин И. б) Сочинения: в 5-и тт. СПб., 1995. Т. 2.

Северянин И. в) Сочинения: в 5-и тт. СПб., 1995. Т. 3.

Северянин И. Сочинения: в 5-и тт. СПб., 1996. Т. 5.

References

Abdokova M.B. *Entsiklopediya nostal'gicheskikh perezhivaniy poetessy cherkesskogo zarubezh'ya zeyn Kandur* [Encyclopedia of Nostalgic Feelings of Circassian Abroad Poetess Zein Kandur]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region* [University News. North-Caucasian Region]. 2015. No. 4.

Adams V. *Utopiya Igorya Severyanina* [Utopia of Igor Severyanin]. Adams Valmar. *Vene Kirjandus Mu Arm*. Tallinn, 1977.

Alpeeva L.V. *Atributivnye glagol'nye formy v lirike Igorya Severyanina* [Attributive Verbal Forms in the Lyrics by Igor Severyanin]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2011. No. 15.

Bublik E.V. *Rol' ritmiko-sintaksicheskikh variatsiy v realizatsii sinergeticheskogo potentsiala trioleta* [The Role of the Rhythmic and Syntactical Variations in Realization of Triolet Synergetic Potential]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanities and Law Studies]. 2016. No. 1.

Veselovskiy A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, 1989.

Dampilova L.S. *Osobennosti stikhoslozheniya v russkoyazychnoy buryatskoy poezii* [The Features of Versification in the Russian Language Buryat Poetry]. *Novyy filologicheskyy vestnik* [The New Philological Bulletin]. 2017. No. 2.

Dvoynishnikova M.P. *Vizual'no-graficheskie osobennosti liriki G.R. Derzhavina* [Visual-Graphic Features of the G.R. Derzhavin's Lyrics]. *Novyy filologicheskyy vestnik* [The New Philological Bulletin]. 2018. No. 3.

Zhirmunskiy V. *Kompozitsiya liricheskikh stikhotvoreniy* [The Composition of Lyrical Poems]. St. Petersburg, 1921.

Zinov'eva E.N. *Igor'-Severyanin: eksperimenty v oblasti sinteza iskusstv* [Igor-Severyanin: Experiments in the Field of Synthesis of Arts]. *Vestnik Ul'yanovskogo*

gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of Ul'yanovsk State University of Technical]. 2019. No. 1.

Kovalev P.A. K. *Prutkov-stikhotvoret*s [K. Prutkov-versemaker]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Bryansk State University]. 2017. No. 3.

Koshelev V.A. «Medal'ony» *Igorya-Severyanina: sonet kak zhanr literaturnoy kritiki* [«Medalions» by Igor Severyanin: Sonnet as a Genre of Literary Criticism]. «*Sogreet vsekh moe bessmert'e ...*»: *lichnost' i tvorchestvo Igorya Severyanina v kul'turnom kontekste XIX–XXI vv.* [«My Immortality Will Warm Everyone ...»: the Personality and Work of Igor Severyanin in the Cultural Context of the 19th – 21th Centuries]. Cherepovets, 2017.

Koshelev V.A. *Poet s otkrytoy dushoy* [Poet with an Open Mind]. Severyanin I.V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, 1988.

Ogorodnikova E.A. *Zhanr elegii v sbornike Igorya Severyanina «Gromokipyashchiy kubok»* [Genre of Elegy in Igor Severyanin's Poetic Collection «The Cup of Thunder»]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. 2016. Vol. 22. No. 6.

Orlitskiy Yu.B. *K izucheniyu strofiki Mandel'shtama* [On Mandelstam's Stanzas]. *Novyy filologicheskyy vestnik* [The New Philological Bulletin]. 2015. No. 1.

Orlitskiy Yu.B. *Vozvrashchenie k strofike: novaya distsiplina russkogo stikha (1990–2000-e gg.)* [The Return to the Strophic form: a New Discipline in Russian Poetry (the 1990–2000s)]. *Filologicheskyy klass* [Philological Class]. 2011. No. 25.

Panteleeva V.G. *Udmurtskaya poeziya rubezha XX–XXI vv.: zhanrovo-stilevye i obraznye modifikatsii* [Udmurt Poetry of the Late 20th and Early 21st Century: Transformation of Genres, Styles, and Images]. *Studia Litterarum*. 2019. Vol. 4. No. 1.

Sem'yaninov Ya.V. *Tipologiya tambovskikh chastushek (na primere zapisey v Rasskazovskom rayone)* [Typology of Tambov Chastushka (by the Example of Records in Rasskazovo District)]. *Manuskript*. 2016. No. 12.

Tynyanov Yu.N. *Literaturnaya evolyutsiya* [Literary Evolution]. Moscow, 2002.

Unarokova R.B. *Zefeuse (poeticheskie preniya) v fol'klоре adygov* [Zefeuse (Poetic Debate) in the Adyge Folklore]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Adygeya State University]. 2012. No. 1.

Folimonov S.S. *Anaforicheskaya kompozitsiya v liricheskoy poezii I.V. Severyanina* [Anaphoric Composition in Lyric Poetry by I.V. Severyanin]. *Poetika khudozhestvennogo teksta*. [The Poetics of the Artistic Text] In 2 vols. Borisoglebsk, 2008. Vol. 2.

List of sources

Argo A.M. *Svoimi glazami: kniga vospominaniy* [With My Own eyes: a Book of Memories]. Moscow, 1965.

Bryusov V.Ya. a) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. In 7 vols. Moscow, 1975. Vol. 6.

Bryusov V.Ya. b) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. In 7 vols. Moscow, 1975. Vol. 7.

Gumilev N.S. *Polnoe sobranie sochineni*: [Complete works]. In 10 vols. Moscow, 2006. Vol. 7.

Severyanin I. a) *Sochineniya* [Works]. In 5 vols. St. Petersburg, 1995. Vol. 1.

Severyanin I. b) *Sochineniya* [Works]. In 5 vols. St. Petersburg, 1995. Vol. 2.

Severyanin I. v) *Sochineniya* [Works]. In 5 vols. St. Petersburg, 1995. Vol. 3.

Severyanin I. *Sochineniya* [Works]. In 5 vols. St. Petersburg, 1996. Vol. 5.

**«Я НЕ УЧАСТВУЮ, НЕ СУЩЕСТВУЮ В МИРЕ...»: ДИАЛОГ
С СИМВОЛИЗМОМ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМОМ
В СТИХОТВОРЕНИИ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО
«СНОВА В ВЕНКЕ ИЗ ВОСКА»**

А.В. Загуменнов, Г.М. Маматов

Ключевые слова: Б. Поплавский, символизм, экзистенциализм, мотив, образ, литература русского зарубежья.

Keywords: B. Poplavsky, symbolism, existentialism, motif, image, literature of Russian compatriots abroad.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-08

Введение

Д.В. Токарев, рассматривая опубликованную посмертно книгу стихов Б. Поплавского «Снежный час» (Париж, 1936 год), отмечал уход поэта от основной дионисийской концепции раннего творчества: «В “Снежном часе” Поплавский довольно далеко ушел от того понимания поэзии, которое изложил в небольшом тексте 1928 года (Заметки о поэзии // Стихотворение-II. Париж, 1928), в котором отдал предпочтение дионисийскому, динамическому началу <...>. Ощущение от стихов “Снежного часа” другое – художник, манипулирующий “разноцветными жидкостями”, уступил в нем место скульптору, работающему с двумя цветами – черным и белым» [Токарев, 2011]. Изменения, фиксируемые исследователем, связаны с философскими и религиозными поисками поэта «парижской ноты». Если в его ранней поэтике очевидны и следы ницшеанской идеи о «духе музыки» [Кочеткова, 2010], и влияние эстетики сюрреализма и дадаизма [Лапаева, 2004, с. 284-290], то в «Снежном часе», образце «позднего творчества Поплавского», с одной стороны, отображено влияние символистских концепций Д.С. Мережковского, Вяч. Иванова, А.А. Блока, с другой – усилена связь с экзистенциализмом («латинское ex-sisto – «выступаю» – родственно греческому ek-stasis – «выход из себя» [Мамардашвили, 2014, с. 247]), занимавшим важное место в 1920-1930-х годах в европейской культуре. Специфика последнего из названных направлений заключалась в том, что оно реализовало себя «через форму, которой пользуется литература» [Мамардашвили, 2014, с. 256].

Многие исследователи описывали преломление черт символизма в произведениях Б. Поплавского [Менегальдо, 2007], [Кочеткова, 2010], [Токарев, 2011], [Компарелли, 2015], [Тырышкина, Маматов

2018], но наше внимание сосредоточено на позиции, согласно которой в его творчестве скрещиваются черты символизма и экзистенциализма [Жердева, 1999], [Кругликова, 2006, с. 19-24], [Шакирова, 2010, с. 195-198]. В свете указанных трудов возникает вопрос о дистрибуции двух течений в поздних произведениях поэта «парижской ноты».

Наиболее полно описывает экзистенциализм в лирике и эстетике Поплавского А.Д. Кругликова, выявляя у него особенность трактовки экзистенции как сочетания «интенционального внутреннего процесса» и «хейдеггеровской идеи кенозиса, смирения, истощения, ничтожения субъектом самого себя в условия “страшного бытия”» [Кругликова, 2006, с. 19-20]. Эта конфигурация порождает особое понимание «я» у Поплавского как формулу «“я” + Другой» [Кругликова, 2006, с. 20]. Однако, как отмечает исследователь, структурным элементом в данной ситуации является мистическое шестое чувство, что позволяет выделить экзистенциализм Поплавского как метафизический: «“Другой” выступает как сверхличная составляющая его» [Кругликова, 2006, с. 20]. А.Д. Кругликова приходит к следующему выводу: «Лирическое “я” Поплавского раскрывается через следующие психофизические комплексы: “подпольного человека”; двойника (инварианты “Ты” / “Другой”); психофизиологический комплекс “детства”» [Кругликова, 2006, с. 20]. Каждый «комплекс» исследователь подробно описывает в своей статье на примере стихотворений из книги «Снежный час».

М.Р. Шакирова отмечает, что в прозаическом творчестве «монпарнасса» экзистенциальные черты проявляются в образе особого героя, отрешенного от действительности: «писатель создал образ “героя своего времени”, современного ему человека, отрешенного от внешнего мира, живущего в собственном микрокосме, пытающегося в одиночку определить свои позиции перед Богом, страшно одинокого и боящегося себе в этом признаться» [Шакирова, 2010, с. 196]. Исследователь отмечает, что Поплавский «не смог избежать» влияния С. Кьеркегора, Ж.П. Сартра, Н.А. Бердяева. На примере Васеньки, героя романа «Аполлон Безобразов», Шакирова показывает реализацию двух стадий экзистенциального становления героя: эстетическую, когда он «плыл по течению жизни», пока это течение не вынесло его к “скале” – Аполлону Безобразову», и этическую, когда герой отказывается от окружающей жизни и замыкается в своей сфере, «в абстрагированности от всех и вся» [Шакирова, 2010, с. 196]. Это понимание экзистенциального героя в прозе Поплавского встраивается и в философские мотивы в его лирике. Заметим, что диалогия «Домой с небес» и «Аполлон Безобразов», ставшая предметом исследования

Шакировой, была написана в промежутки с 1926 по 1935 год. В это же самое время создается финальная книга стихов «Снежный час». Стихотворения, составляющие ее, писались в период с 1931 по 1934 год, что позволяет говорить о ее «родстве» с романами и даже допустить ее в качестве «поэтической прелюдии» к ним.

Отметим, что оба исследователя [Кругликова, 2006; Шакирова, 2010] в своих замечаниях «типологически» едины: «подпольный человек» и «герой своего времени» – один и тот же лирический субъект в состоянии ek-stasis'a. Примечателен и выбранный ими материал исследования — позднее творчество Поплавского 1930-х годов («Снежный час» и дилогия). Данные наблюдения позволяют сделать предположение о приоритетности экзистенциального учения именно в этот период в творчестве «монпарнасца». Тем не менее, это не значит, что в 1930-х годах поэт окончательно «порывает» с символизмом. В текущей плоскости рассуждения возникает вопрос: какая именно тенденция или какое из двух вышеназванных направлений оказывается приоритетным? Ответ на него предполагал бы монографическое исследование, а потому, в силу объема, мы вынуждены остановиться на анализе одного стихотворения из книги «Снежный час» – «Снова в венке из воска», в котором синтезированы черты обоих течений.

*В казарме день встает. Меж голыми стенами
Труба поет, фальшивя на снегу.
Восходит солнца призрак за домами,
А может быть, я больше не могу?*

*Зачем вставать? Я думать не умею.
Встречать друзей? О чем нам говорить?
Среди теней поломанных скамеек
Еще фонарь оставленный горит.*

*До вечера шары стучат в трактире.
Смотрю на них, часы назад идут.
Я не участвую, не существую в мире,
Живу в кафе, как пьяницы живут.*

*Темнеет день. Зажегся газ над сквером.
Часы стоят. Не трогайте меня.
Над лицеистом, ищущим Венеру,
Темнеет, голубея, призрак дня.*

*Я опоздал, я слышу: кто-то, где-то
Меня зовет. Но победивши страх,
Под фонарем вечернюю газету
Душа читает в мокрых башмаках.
(Поплавский, 2009, с. 270)¹.*

В «общих чертах» стихотворение состоит из трех частей. Первая (1-2 строфы) – прелюдия, внутренний мир героя, описание которого маркировано риторическими вопросами (*А может быть, я больше не могу? Зачем вставать? Встречать друзей? О чем нам говорить?*) и своеобразно обрамлено предложениями, описывающими приметы внешнего мира. Вторая часть (3 и 4 строфы) включает тему времени и борьбы с ним (образ часов и мотив порога, то есть лиминального состояния мира и его изменения от динамики к статике, от дня к вечеру, от жизни к смерти); третья (финальная 5 строфа) циклизует стихотворение. Лирический сюжет вновь возвращается к душевному состоянию героя. В финале вновь появляется образ фонаря из второй строфы, однако им здесь ознаменован абсолютный уход из сферы внешнего мира в сферу собственного я, что подчеркивает описание «антропоморфной души»: *«Под фонарем вечернюю газету / Душа читает в мокрых башмаках»*.

Детальный анализ начинается с названия финальной книги Бориса Поплавского «Снежный час», где возникает тема времени, которая не является случайной в свете историко-литературного контекста. Для представителей символизма преломление или преодоление некоторой хронологической последовательности знаменовало победу над обыденной реальностью и постижение особых запредельных пространств («Символизм как миропонимание» А. Белого, «О современном состоянии русского символизма» А. Блока). Для экзистенциализма подобное также характерно с тем лишь отличием, что персонаж преодолевает устойчивый и привычный континуум, оказываясь в «пограничной ситуации». И в первом, и во втором случае речь идет либо о запредельном пространстве для обыденного состояния, либо о рефлексии над границами возможного бытия героя.

В названии книги указание на время осуществляется посредством атрибутивного словосочетания, отсылающего к родо-видовому соотношению по ассоциации: время года с определенными климатическими изменениями, и часть дня как конкретная единица

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников: Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений: в 3-х тт. М., 2009. Т. 1; Т.3.

измерения, входящая в «состав» первого из перечисленных компонентов. Лексема «снежный» в своем словарном значении не содержит темпоральных характеристик, что эксплицируется максимально близким к периоду жизни поэта изданием «Толкового словаря русского языка» (1940) под редакцией Д.Н. Ушакова. Тем не менее, ассоциативное сходство, выступающее как фундамент заголовка-метафоры, коренится «в закреплении» разновидности атмосферных осадков за сравнительно устойчивым периодом в году, «сезоном», но такое «прямое» соотношение возможно (со стороны читателя) в том случае, если читатель – житель территорий умеренного, субарктического или субантарктического климатических поясов.

Темпорально-тематический узел между первой и второй частями стихотворения

В названии анализируемого произведения (Снова в венке из воска) подчеркивается цикличность, повторяемость, то есть некоторое состояние уже имело место в прошлом. Как минимум, до этого текста было опубликовано стихотворение «В венке из воска» (1924), входящее в книгу «Флаги» (1931).

В первой строке анализируемого нами произведения тема времени получает развитие: «*В казарме день встает. Меж голыми стенами*». Примечательно именно описание пространственно-временной структуры, связанной с городским локусом. Включение в этот образный ряд слов «казарма» и «стены» подчеркивает его ограниченность и вводит мотив неволи. Эта строка задает основную линию – темпоральную, по которой будет развиваться лирический сюжет. Подчеркнем, что в первых двух стихах уже обыгрывается название книги «Снежный час». Утро воспринимается лирическим героем аудиально и осязаемо: «*Труба поет, фальшивя на снегу*». «Фальшивое пение» трубы подчеркивает, с одной стороны, крайне напряженное состояние лирического субъекта, а с другой, влетается в восприятие мира города, как ограниченного, ломающего героя. Заметим, что образ этого музыкального инструмента встречается и в других «утренних» текстах Поплавского, где он также имеет отрицательные значения («Утром город труба разбудила» (1923), «Розы Грааля» (1929)).

При этом Е.О. Болтовский отмечает: «В мифологеме зимы у Поплавского актуализируется сема чистоты, невинности. Во многом это связано с мифологией белого цвета. Снег ассоциируется с опускающимся небом, которое, в свою очередь, выражает христианские добродетели: жалость, надежду, смирение» [Болтовский,

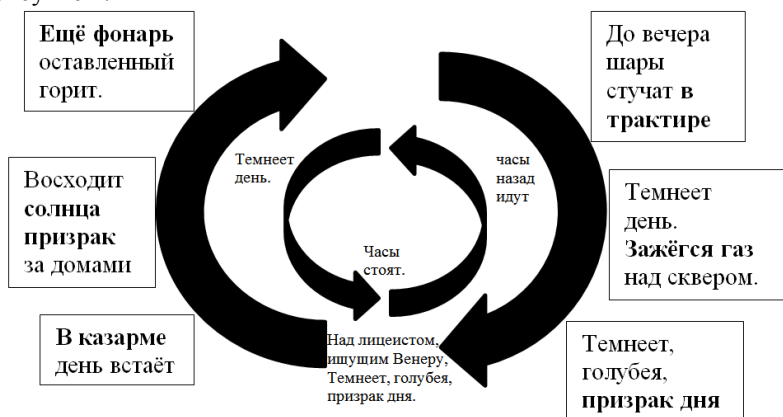
2012, с. 95]. Очевидно, что в анализируемом нами стихотворении невозможно согласиться с предложенным суждением. Зима символизирует статику, в которой погибают явления природы и времена, что очевидно в третьем стихе *«Восходит солнца призрак за домами»* (восход-рассвет как отрезок дня), где возникает трагический для «Снежного часа» мотив смерти солнца, присутствующий и в других произведениях книги (*«Город тихо шумит. Осень смотрится в белое небо»* (1931), *«Всматриваясь в гибель летних дней»* (1931)). Утро в стихотворении воспринимается негативно, ведь пробуждение несет герою лишь фальшь и холод.

Другим важным моментом является соотношение верха и низа, строящееся на одинаковом восприятии: низ, представленный как казарма, не дает герою внутренней свободы, но и верх воспринимается им как пространство мертвое, лишенное света и тепла. Каждый из «полюсов» оказывается функционально несостоятельным. А ведь именно небесный мир, важный для символистов, оказывался обителью чаемого духовного идеала Солнца или Прекрасной Дамы. Заметим, что данная образность восходит к блоковской *«Незнакомке»* (1907): *«Призрак солнца»* Поплавского явно перекликается со стихом *«Бесмысленно крутится диск»*; а *«казармы»* и *«стены»* со *«скукой загородных дач»*, *«канавой»* и *«шлагбаумами»* у младосимволиста. Важно и то, что в образе Венеры (третий стих четвертой строфы) обыгрывается и снижается возвышенный образ Прекрасной Дамы: имя римской богини красоты оксюморонно соотносится с проституткой, что также перекликается с блоковской *«Незнакомкой»*. Но если в образе блоковской героини еще можно говорить о трансцендентном прекрасном начале (*«Иль это только снится мне?»*), то у Поплавского это сделать нельзя. И герой Блока, и герой Поплавского находят спасение в общем, главном в миниатюрах локусах *«ресторана»* (*«Незнакомка»*) – *«трактира-кафе»* (*«Снова в венке из воска»*).

Отметим, что пространственно-временная структура во всем последующем стихотворении строится на обратной градации: от света (*«призрак солнца»*) к тьме (*«призрак дня»*), освященной лишь фонарем, от дня к ночи. По сути, природное время у Поплавского воспринимается как некий поток, течение. Мы даже можем выстроить темпоральную цепочку: восход солнца – день – вечер – наступление ночи как смерть дня. Конечно, подобное движение времени обусловлено самим ходом суточного цикла от рассвета до заката, но в стихотворении дело обстоит сложнее, поскольку возникает пограничная ситуация, характерная для философии экзистенциализма.

Схематически разбор строф 1-4 в темпоральном аспекте дан на рисунке 1.

Рис. 1. Схема двух темпоральных направлений с пересечением в пограничной ситуации сумерек

Помимо «естественного» хода времени в стихотворении присутствует «рукотворный», который ознаменован образом часов в третьей и четвертой строфах: «Часы назад идут» – «Часы стоят» (о специфике семиотики часов в советской культуре этого же периода в работе [Куляпин, Скубач, 2007]). Тем самым произведение включает два темпоральных движения: прямое (от восхода до заката) и реверсивное (от заката до восхода). В определенной степени допустимо говорить об обыгрывании идей Гераклита: «по Гераклиту считают, что все сущее движется и ничто не остается на месте» [Платон, 1990, с. 635]; «Гераклит говорит где-то: “все движется и ничто не остается на месте”, а еще, уподобляя все сущее течению реки <...>, он говорит, что “дважды тебе не войти в одну и ту же реку”» [Платон, 1990, с. 636]. Следует указать, что отсылку к этому мыслителю дает и Поплавский: «Основная истина о мире есть ощущение его как не чего-то каменного, а чего-то движущегося, становящегося и меняющегося наподобие не статуи или вещи, а разноцветной жидкости, переливающейся и уплывающей. С нее началась Философия, со слов темного Гераклита о том, что все течет, из определения Фалесом родового начала как начала влажного» (Поплавский, 2009, с. 26). В этом стихотворении тема текучести вполне соответствует контексту движения назад и остановки часов, что предполагает демиургическую позицию героя, способного в своем воображении

заставить время идти так, как это видит он. При этом выбор точки «остановки» лирическим субъектом создает пограничную ситуацию. Венера одновременно именуется и вечерней, и утренней звездой, появляющейся в первом случае при исчезновении солнечного света, и до восхода во втором. Пограничная ситуация сумерек – связующий тематически-темпоральный узел, который связывает два направления движения времени как в венке.

**Онейрическое состояние: на границе символистского
и экзистенциалистского взглядов**

Таким образом, первая часть стихотворения непосредственно связана со второй (3-4 строфа) и вплетается в нее своеобразным узором, который усложняется по мере развития лирического сюжета. Первый стих *«До вечера шары стучат в трактире»* ассоциирует «время» и «звук» в контуры музыкального континуума произведения, ретроспективно связывая третий катрен с первым (*Труба поет, фальшивя на снегу*). Очевидно, что музыка имеет несколько функций в этом тексте. Во-первых, она начинает движение времени, а во-вторых, она взаимодействует с событиями, идущими за ее звучанием. Заметим, что образ шаров в трактире допустимо интерпретировать, согласно точке зрения Р. Компарелли, как мотив игры, в этом случае – бильярда. Другим важным наблюдением, которое она высказывает, является то, что отсутствие адресата (субъектом действия оказывается предмет игры, однако это не сводится к метонимии) подразумевает, что в игре задействована Судьба или Смерть. Тогда и герой Поплавского видит не только движение времени, но и проявление воли трансцендентных сил: «Когда же человек вступает в игру, то ее правила не могут быть им соблюдены, потому что он вступает в поединок с противником, которому заведомо обречен проиграть. Таким соперником может стать сама судьба и таинственная власть карт <...>» [Компарелли, 2015, с. 63]. Герой Поплавского не вступает в игру, но он находится в особом состоянии, которое можно назвать онейрическим.

Оно задается уже в первой части стихотворения второй строфой (*Зачем вставлять? Я думать не умею*), где своеобразно прослеживается отрицание тезиса французского мыслителя Р. Декарта «*cogito ergo sum*». Между тем данный стих коррелирует с общим ходом размышлений Ж.П. Сартра в русском переводе его работы «Трансценденция Эго» (1936): «то сознание, которое говорит “Я мыслю”, не есть в точности то же самое сознание, которое осуществляет акт мышления» [Сартр, 2003, с. 92]. В

настоящем случае отрицание лирического героя «*Я думать не умею*» является продуктом его мыследеятельности, но этим расхождением положено начало оформления ситуации ek-stasis. Движение к этому состоянию дано во втором стихе второй строфы «*Встречать друзей? О чем нам говорить?*». Обращает на себя внимание выявляемое «по вертикали» соотношение мышление-язык или мысль-речь (*Я думать не умею* <...> *О чем нам говорить*). Лирический герой дважды отрицает бытие, поскольку переосмысленной в экзистенциальном аспекте оказывается вся «воплощенная-сквозь-язык онтология», требующая отправителя и получателя сообщения как исходных координат коммуникации. Если предположить, согласно «Логико-философскому трактату» (1921) Л. Витгенштейна, что «Границы моей речи указывают на границы моего Мира» [Витгенштейн, 2005, с. 180], то рефлексирующий субъект в стихотворении допускает выведение рассуждения: я не существую, потому что не умею думать; вас не существует, потому что вас нет в пределах моего говорения. Пограничная ситуация характерна и для последних двух стихов второй строфы: «*Среди теней поломанных скамеек / Еще фонарь оставленный горит*». Применяя характерный для пост-феноменологических направлений философии язык, автор создает образ поломанного-как-выведенного-из-строения-мира. Не-бытие осуществления вещи подчеркивается словосочетанием «*Среди теней поломанных скамеек*», не среди приспособлений для сиденья, а среди их намеков на присутствие. «Платоновский» мотив фальшивого мира пещеры (*Меж голыми стенами, Труба поет фальшивя на снегу, солнца призрак*) усложняется намеком на поступок Диогена: безуспешный поиск людей днем с зажженным фонарем. Подготовленное отрицаниями мышления и языка стирание (в терминах Э. Гуссерля – «редукция») хроникального времени оказывается исходной точкой полноценной пограничной ситуации, ведь, если даже кто-то придет к фонарю в качестве собеседника, то ему «нет места»: скамейки поломаны.

Ранее выявленное отрицание бытия во второй строфе уже в третьем катрене отображено лексически: «*Я не участвую, не существую в мире, / Живу в кафе, как пьяницы живут*». Разумеется, номинация лиц, употребляющих алкоголь, является общей и для стихотворения Блока: «*И пьяницы с глазами кроликов / «In vino veritas!» кричат*». Однако опьянение героя символиста, хоть и выводит его за рамки действительности, но в целом схоже с ранним творчеством поэта и его идеалом Прекрасной Дамы. Иначе это

представлено в стихотворении Б. Поплавского. Сравнение героя с пьяницами подчеркивает мотив опьянения как ухода из реальности (и потери способности *рационального говорения*), а само кафе понимается как пространство, пограничное между мирами. Эти условия, как демонстрирует контекст, подвергают трансформации время. По Гераклиту (из диалога Платона), «*дважды тебе не войти в одну и ту же реку*», но рефлексивное воспроизведение объективно-хроникального течения как раз предполагает, что «часы» (во всех смыслах) укажут точку входа в трактир, и это возможно как наблюдение сознания рефлектирующего над сознанием рефлектируемым (Ж.П. Сартр). Это соотношение уже было продемонстрировано выше на рисунке 1.

Вполне уместно вспомнить и концепцию времени в работе друга Поплавского Н. Бердяева «Вечность и время» (1935), где понимается особая связь между временем и творчеством: «Только творческий акт человека побеждает и выводит из-под власти времени человеческое существование. Тайна религиозной жизни заключается в победе над властью времени, не в пассивном претерпевании внешних фактов истории, а в активном преодолении времени» [Бердяев, 1935, с. 33]. Но в стихотворении Поплавского возникает «ситуативная» полемика с такой возможностью: «*Живу в кафе, как пьяницы живут*». Очевидно, что сравнение себя с пьяницей вводит онейрический контекст, подразумевая двоемирие. Образ употребляющего алкоголь вполне соотносится с темой дионисийства, характерной для символистов, только в настоящем случае она снижена. Важно то, что, будучи в состоянии опьянения, герой способен пребывать в особой сфере, находящейся вне эмпирической действительности. Но это не соотносится с символистской концепцией неких идеальных трансцендентных миров, так как возвышенный верх в тексте мертв.

Сумерки антропоморфной души в финальной части стихотворения

Если допустить (в призме идей диалектического развития), что время как движение выступает тезисом, онейрическое состояние – антитезисом, то весь последний катрен оказывается синтезом, «сняющим» противоречия. В нем обнаруживается замыкание всех уже описанных линий.

Пятая строфа вводит третью (и последнюю) пограничную ситуацию, аналогичную тематически-темпоральному узлу (1-4 строфы), но усиливает последний за счет функционально сильной позиции финала всего текста. В первом стихе (*Я опоздал, я слышу:*

кто-то, где-то) оппозиция «шифтерного» (Р.О. Якобсон) личного местоимения (я) по отношению к неопределенным (кто-то где-то) подчеркивает общий итог выбора лирического героя. Он потерян во времени и находится в онейрическом состоянии. Теперь слышимые субъектом голоса не связаны с говорящими, а места – с закрепленными пространствами (*кто-то, где-то / Меня зовет*). В этой же второй строке вновь возникает экзистенциальное переживание: *«Меня зовет. Но победивши страх»*. Как пишет А. Кругликова, «формула эмигрантской “подпольности” в поэтических текстах Поплавского выводится из гаммы экзистенциальных переживаний (длящихся в экзистенции чувств): одиночество, слабость, жалость, страх, побежденность – и состояний экзистирующего сознания: молчание / немота, обездвижение / застывание, созерцание, вслушивание» [Кругликова, 2006, с. 21]. Разумеется, эти черты уже отмечались выше в риторических вопросах (*А может быть, я больше не могу? Зачем вставать? Встречать друзей? О чем нам говорить?*). Тем не менее, страх как экзистенциальное чувство побеждается в произведении.

В третьем стихе пятой строфы *«Под фонарем вечернюю газету»* образуется связь с последними двумя стихами второй строфы: *«Среди теней поломанных скамеек / Еще фонарь оставленный горит»*. Помимо оппозиции по расположению в структуре текста (первая часть – последняя), по понятийным полям (Свет / Тьма), возможна и символическая интерпретация (внешний холодный мир и внутренний огонь героя). Как отмечает Е. Менегальдо: «Огонь – явно положительный символ: он в жизненном порыве, созидательном воодушевлении – в нем все, что придает смысл человеческой жизни. <...> Тот, кто по глупости или слабости отказывается от этой борьбы (с миром-зимой – А.З. Г.М.), сам осуждает себя на мрак <...>, за то, что погубил свою жизнь и затушил слабое пламя, сверкавшее в нем» [Менегальдо, 2007, с. 129-130]. Огонь фонаря символизирует жизнь, душу героя, чье горение противопоставлено холодному, призрачному свету лишённого жара солнца и, по сути, всему окружающему миру, описанному в этом стихотворении через образы *«теней»* и *«темнеющего дня»*.

В последних двух стихах пятой строфы дан финал всех выводимых линий: *«Под фонарем вечернюю газету / Душа читает в мокрых башмаках»*. Как и предполагалось из анализа второго катрена, к фонарю никто из посторонних не пришел. Сама по себе

«вечерняя газета» не идентифицируется с вечером ее прочтения (замыкание развития темпоральной линии первого, третьего и четвертого катренов), более того, газета как определенный жанр публицистического дискурса предполагает массовость, то есть персональность языка адресата, как и индивидуальность получателя, стерта тиражом. Утрата внешних атрибутов обнажает сущность человечества – «несоборную» (вопреки А.С. Хомякову), или «несимфоническую» (вопреки Л.П. Карсавину) душу, общающуюся с трансцендентальным миром посредством письма. Допустимо также, что чтение оформляет вариант автокоммуникации, ибо сообщение о чем-либо со стороны может выступать поводом к новой рефлексии над миром. При этом понимание категории «время» как динамического начала возвращает к гераклитовской метафоре, что подчеркивается «мокрыми», протекшими, поврежденными башмаками. Душа, наделенная телесностью и растопившая своим теплом снег холодного и фальшивого внешнего мира, в сумерках без привязки ко времени, с речью без произношения является одновременно и символом-знаменем символистского генезиса, и состоянием экзистирующего сознания.

Выводы

«Снова в венке из воска» Бориса Поплавского синтезирует в себе черты как символистской, так и экзистенциалистской концепций. Отметим, что в этом произведении Поплавский особенно близок к поэтике Блока зрелого периода, на что указывают аллюзии к стихотворению «Незнакомка», что выражено сходствами в мотивно-образной (пьянство, фонарь, образ уличной Венеры) и пространственно-временной (кафе, город) структурах. Очевидные отличия Б. Поплавского прослеживаются, во-первых, в признании не только низа, но и верха как пространства мертвого, пустого. Во-вторых, главным отличием становится состояние лирического субъекта. Онейрические мотивы, характерные для символизма, в миниатюре служат основой для задания иного вектора – экзистенциалистского, описывающего пограничные (двоемирные) ситуации лирического героя в свете философско-литературных поисков самого автора. Стихотворение, в соответствии со своим названием, представляет собой венок с двумя «узлами». Последними выступают пограничные ситуации как пределы развития некоторых линий лирического сюжета, что схематически изображено на рисунке 2.

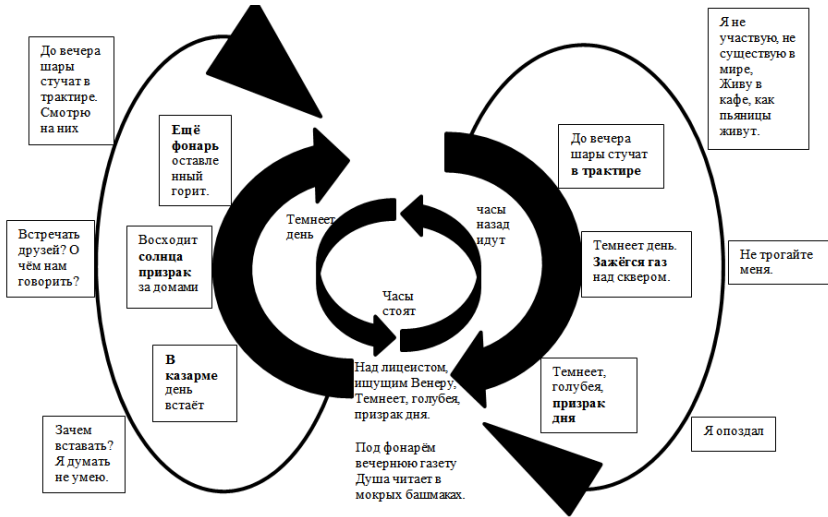

Рис. 2. «Венок» стихотворения в свете проведенного анализа

Герой стихотворения в итоге представлен как растворенный во времени, растопленный, как снег, и недоовоплощенный как антропоморфная душа без полноценной оболочки, что, отталкиваясь от традиций русского символизма, выступает живым диалогом и формой экзистенциалистского рассуждения.

Литература

- Бердяев Н.А. Вечность и время // Вестник РСХД. 1935.
- Болтовский Е.О. К календарной мифологии Бориса Поплавского // Вестник Костромского государственного университета. 2012.
- Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005.
- Жердева В.М. Экзистенциальные мотивы в творчестве писателей «незамеченного поколения» русской эмиграции: Б. Поплавский, Г. Газданов: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Компарелли Р. Лирика Б.Ю. Поплавского: мотивы, сюжеты, образы: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015.
- Кочеткова О.С. Идейно-эстетические принципы «парижской ноты» и художественные поиски Бориса Поплавского: дис... канд. филол. наук. М., 2010.
- Кругликова А.Д. Экзистенциальное «Я» поэзии Бориса Поплавского // Вестник Белорусского государственного университета. 2006.
- Куляпин А.И., Скубач О.А. Игры со временем: семиотика часов в советской культуре 1920 – 40-х гг. // Филология и человек. 2007. № 1.
- Лапаева Н.Б. Борис Поплавский и сюрреализм: опыт «автоматического» письма // Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2004.

Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. СПб., 2014.

Менегальдо Е. Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. СПб., 2007.

Платон. Собрание сочинений: в 4-х тт. М., 1990. Т.1.

Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания // Логос. М., 2003. № 37 (2).

Токарев Д.В. Между Индией и Гегелем. Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. [Электронный ресурс] URL: <https://litlife.club/books/163271>.

Тырышкина Е.В., Маматов Г.М. «Музыкант нипанимал» Бориса Поплавского: между символизмом и сюрреализмом. // Филология и человек. 2018. № 2.

Шакирова М.Р. Диалогия Б.Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» и «Домой с небес»: столкновение экзистенциальных направлений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010.

Список источников

Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений: в 3-х тт. М., 2009. Т. 1; Т.3.

References

Berdyayev N.A. *Vechnost' i vremena* [Eternity and Time]. *Vestnik RSKHD* [RSKHD Bulletin]. 1935.

Boltovskij E.O. *K kalendarnoj mifologii Borisa Poplavskogo* [For Calendar's Mythology of Boris Poplavsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kostroma State University Bulletin]. 2012.

Vitgenshtejn L. *Izbrannye raboty* [Featured works]. Moscow, 2005.

Zherdeva V.M. *Ekzistencial'nye motivy v tvorchestve pisatelej «nezamechnogo pokoleniya» russkoj emigracii: B. Poplavskij, G. Gazdanov* [Existential Motifs in Creativity of Writers «Undetected Generation» of Russian Abroad: B. Poplavskij, G. Gazdanov]. Cand. of Philol. Diss. Moscow, 1999.

Komparelli R. *Lirika B.Yu. Poplavskogo: motivy, syuzhety, obrazy* [Lyric by B.Yu. Poplavsky: motifs, plots, images] Cand. of Philol. Diss. Tomsk, 2015.

Kochetkova O.S. *Idejno-esteticheskie principy «parizhskoj noty» i hudozhestvennye poiski Borisa Poplavskogo* [Ideological and Aesthetic Principles of «Parisian Note» and Arts Finds by Boris Poplavsky]. Cand. of Philol. Diss. Moscow, 2010.

Kruglikova A.D. *Ekzistencial'noe «Ya» poezii Borisa Poplavskogo* [Existential «I» in Poesy by Boris Poplavsky]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belorussian State University Bulletin]. 2006.

Kuliapin A.I., Skubach O.A. *Igry so vremenem: semiotika chasov v sovetskoj kul'ture 1920 – 40-kh gg.* [Games With Time: the Semiotics of Hours in Soviet Culture of the 1920s-40s]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2007. No. 1.

Lapaeva N.B. *Boris Poplavskij i surrealizm: opyt «avtomaticheskogo» pis'ma* [Boris Poplavsky and Surrealism: Experience of «Automatic» Letter]. *Dergachevskie chteniya – 2002. Russkaya literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti* [Dergachev Readings – 2002. Russian literature: national development and regional specific]. Yekaterinburg, 2004.

Mamardashvili M.K. *Oчерк современной европейской философии* [Essay of Modern Europe Philosophy]. St. Petersburg, 2014.

Menegaldo E. *Poeticheskaya vselennaya Borisa Poplavskogo* [Poetical Space of Boris Poplavsky]. St. Petersburg, 2007.

Plato. *Sobranie sochineniy* [Complete Works]. In 4 vols. Moscow, 1990. Vol. 1.

Sartr J.P. *Transcendentnost Ego. Nabrosok fenomenologicheskogo opisaniya* [Transcendence of the Ego. Sketch of Phenomenological Description]. Moscow, 2003.

Tokarev D.V. *Mezhdru Indiej i Gegelem. Tvorchestvo Borisa Poplavskogo v komparativnoj perspective* [Between India and Hegel. Creativity of Boris Poplavsky in comparative perspective]. Moscow, 2011. URL: <https://litlife.club/books/163271>.

Tyryshkina E.V., Mamatov G.M. «*Muzykant nipanimal*» Borisa Poplavskogo: *mezhdru simvolizmom i siurrealizmom* [The Musician Nipanimal by Boris Poplavsky: between Symbolism and Surrealism]. *Filologija i chelovek* [Philology & Human]. 2018. № 2.

Shakirova M.R. *Dilogiya B.Yu. Poplavskogo «Apollon Bezobrazov» i «Domoj s nebes»: stolknovenie ekzistencial'nyh napravlenij* [Dilogy by B.Y. Poplavsky «Apollon Bezobrazov» and «Home from heavens»: Collision of Existential Directions]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology Since. Questions of theory and practices]. Tambov, 2010.

List of sources

Poplavskij B.Yu. *Sobranie sochineniy* [Complete works]. In 3 vols. Moscow, 2009. Vol. 1; Vol.3.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ
«РЕАЛЬНОЕ / ИЛЛЮЗОРНОЕ» В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ
РОМАНЕ АЛИ СМИТ «ЗИМА»**

Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая

Ключевые слова: Али Смит, постмодернистский роман, реальное, иллюзорное.

Keywords: Ali Smith, postmodern novel, real, illusory.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-09

Общеизвестно, что одной из доминантных идей постмодернизма является идея о непознаваемости, хаотичности и непредсказуемости мира. Поэтому многие постмодернистские приемы направлены на осознанное создание хаоса в художественном произведении: фрагментарность повествования, размытость границ реального и ирреального миров, ироническая трактовка как ценностей, так и событий, подчеркивание условности изобразительных средств литературы.

Смешение понятий, явлений, событий, относящихся к разным сферам и уровням человеческого бытия, лежит в основе практически каждого постмодернистского текста. Теоретики постмодернизма Д. Фоккема, И. Хассан, К. Батлер рассматривают художественный текст как своего рода коллаж, пазл, предназначенный для собирания читателем. Очевидно, что именно постмодернистская поэтика с ее приемами позволяет по-новому, более выразительно и ярко раскрыть экзистенциальные темы, поднятые еще в эпоху модернизма: она находит новые способы поиска смысла в мире бессмысленности. Общепризнанным является тот факт, что постмодернизм не знает ограничений ни в приемах, ни в темах, ни в трактовке этих тем, что подтверждается изучением художественных текстов мировой литературы.

Одной из наиболее важных проблем, которые затрагиваются в романе XXI века, является проблема поиска истинности / подлинности существования в мире хаоса, фальши и вымысла.

Проблема реального / ирреального в литературе является прямым продолжением философского осмысления современной действительности. Так, Ж. Деррида выдвигает гипотезу о том, что в эпоху постмодернизма вместо бытия наличествует гиперреальность как виртуальный результат симулирования реального. Ж. Бодрийар,

который первым ввел в широкий оборот понятие гиперреальность, называет современную эпоху эрой гиперреальности (то есть симуляции). Согласно его теории, гиперреальность для стороннего наблюдателя более реальна, чем сама реальность, более правдива, чем истина, более очаровательна, чем само очарование. Ж. Бодрийяр и постмодернисты считают, что в современном мире все больше размывается та грань, которая прежде отделяла реальность от ирреальности, жизнь от спектакля, политику от шоу. Вследствие этого мы все в какой-то степени живем в симуляции, в мире иллюзий, которые окружают нас со всех сторон. Ж. Бодрийяр обнаружил, что виртуализация всех сфер нашей жизни, их выпетение и превращение в симулякры – давно уже идущий процесс, и скоро нам будет очень сложно отличить выдумку от реальности [Baudrillard, 1994].

Л. Витгенштейн вводит понятие картина мира и рассматривает ее, прежде всего, как языковую конструкцию. Эту конструкцию человек помещает между собой и миром и, больше того, мир воспринимает как языковую конструкцию. «Pictorial form is the possibility that things are related to one another in the same way as the elements of the picture. That is how a picture is attached to reality; it reaches right out to it. It is laid against reality like a measure. <...> A state of affairs is thinkable': what this means is that we can picture it to ourselves. The totality of true thoughts is a picture of the world» [Wittgenstein, 2007, p. 33-35]. Таким образом, в постмодернизме мир воспринимается как текст, а интерпретация текста является способом понимания человеком мира. Поскольку интерпретаций может быть бесчисленное количество, структура текста (а значит и действительности) изменяется, а затем размывается и исчезает. Реальность заменяется симулякрами. Человеческая жизнь видится авторам эпохи постмодерна призрачной и неаутентичной; личность ощущает пустоту, бессмысленность, хаос, отсутствие гармонии, нестабильность и всеобщую дезорганизованность мира.

Теоретики литературы также изучали проблему соотношения реального и вымышленного в художественных произведениях (В.П. Руднев [Руднев, 2000], М. Риффатер [Riffaterre, 1990], В. Изер [Iser, 1993] и другие). По словам В.П. Руднева, «с виртуальными реальностями стали ассоциироваться реальности сновидения, бреда, вообще любого измененного состояния сознания. Но поскольку в определенном смысле состояние сознания любого человека является измененным по отношению к состояниям сознаний других людей, то каждая реальность является виртуальной» [Руднев, 2000, с. 80].

В художественных произведениях современных авторов проблема соотношения реального и ирреального представлена через

реализацию нескольких экзистенциальных тем. Среди них – тема самоидентификации личности в окружающем ее мире; тема создания человеком адекватной картины мира. Персонажи заняты экзистенциальным поиском – собственного «я», своего места в мире, смысла своего существования.

В эпоху постмодернизма герои неожиданно обнаруживают, что, во-первых, само присутствие личности человека в современном мире ставится под вопрос, поскольку критерии определения истинного «я» стираются. Ответ на вопрос, что заставляет человека считать себя неповторимой индивидуальностью – уникальная картина мира, сложившаяся в его сознании; социальные связи; воспоминания; профессиональные достижения; черты характера, привычки, вкусы и т.д. – уже не так очевиден. Во-вторых, персонажи часто задаются вопросом о необходимости отделения своего истинного «я» от множества других масок и ролей, которые им приходится играть, в том числе и в виртуальном пространстве.

Поиск ответа на вопрос, что является критерием определения истинного «я» человека, в настоящее время, несомненно, усложняется. Изменение ценностных установок общества, социальная нестабильность, глобальные вызовы человечеству, представляющие собой угрозы разного рода катастроф, усиливающаяся вариативность поведенческих норм, то есть «“вызов неопределенности” как центральная проблема психологии личности» [Леонтьев, 2015] ведут к значительным трудностям в самоопределении человека. «Важнейшим следствием этих изменений становится усиление роли внутренних опор человека как реакции на рост неопределенности и уменьшение опор во внешнем мире» [Гришина, 2015].

Поскольку именно «экзистенциальный опыт становится основанием, определяющим активность человека на разных уровнях жизнедеятельности», а «экзистенциальная идентичность формируется на основе экзистенциального опыта человека» [Гришина, 2015], герои романа ищут ответ на вопрос о критерии истинности этого опыта – что является настоящим знанием о мире, какие переживания и чувства являются истинными и, наконец, каким является их истинное (не показное, не виртуальное, не вымышленное) «я».

Творчество современной шотландской писательницы Али Смит является ярким примером постмодернистской прозы, в которой внимание фокусируется на экзистенциальных темах. Ее романы завоевали читательский интерес, а также являются предметом многочисленных научных исследований.

Творчество Али Смит вызывает большой интерес исследователей разных стран: J. Bailey, A. Bennett, I. Blyth, M. Currie, F. Doloughan, D. Head, K. Mitchell, E. Norton E. E. Smith, R. Eshelman, U. Tancke, G. López Sánchez, S.M. Levin, P. O'Donnell и других. В 2013 году была выпущена монография, посвященная ее творчеству – «Ali Smith: Contemporary Critical Perspectives» [Ali Smith: Contemporary Critical Perspectives, 2013]. А. Смит называют писателем, который смешивает элементы разных жанров и типов повествования на разных уровнях текста, презентует идеи вне их привычного контекста, размывает границу между реальными и вымышленными мирами.

В отечественной филологии буквально в последние три-четыре года появилось несколько работ, посвященных таким аспектам ее прозы, как интерсемиотичность [Зинович, 2011; Тимошенко, 2016; Тимошенко, 2017], постмодернистская языковая игра [Лушникова, Осадчая 2018], постмодернистская литературная игра [Лушникова, Осадчая, 2019], жанровое своеобразие [Осадчая, 2018]. Роман «Зима» (2018) еще не становился предметом изучения литературоведов, что, наряду с возрастающим интересом исследователей к идиостилю Али Смит, обуславливает актуальность нашей работы.

Роман А. Смит «Зима» является вторым романом авторского цикла «Сезонный квартет». По замыслу автора данный цикл посвящается поиску решения индивидуумом вечных экзистенциальных проблем в реалиях современной Британии, а именно – в ситуации раскола общества, в том числе, после «брексита». Поиск ответов на вечные вопросы показан автором с помощью приема смешения реального и вымышленного на разных уровнях текста. Британский журнал *The New Statesman* пишет об этом следующим образом: «While this novel is firmly rooted in reality, it glories in false identities, untrue facts and surreal contradictions» [Wade, 2017].

В центре повествования в романе «Зима» находится семья Кливз (Cleves). Как и в других произведениях, автор выбирает для своих персонажей «говорящее» имя: фамилия Cleves созвучна английскому слову 'cleavage' – 'раскол'. Речь идет о расколе семейных связей и непонимании между близкими людьми, в первую очередь, между сестрами Софией и Айрис, которые символизируют собой разные мировоззренческие концепции, в том числе, лагеря сторонников и противников выхода страны из Евросоюза.

В романе «Зима», как и в других произведениях автора, проблема реальности / иллюзорности, является одной из ключевых. Али Смит использует ряд постмодернистских приемов, которые уникальным образом презентуют размышления над указанной проблемой. Цель

данной статьи – проанализировать способы реализации проблемы «реальное / иллюзорное» в художественном пространстве романа «Зима».

Для выразительной постановки данной проблемы служит интертекстуальность. Главный герой романа Арт, его мать София и его знакомая девушка Люкс за рождественским столом обсуждают пьесу У. Шекспира «Цимбелин». В трактовке Люкс пьеса Шекспира получает удивительно современное звучание:

Cymbeline, Lux says.

A play about a kingdom subsumed in chaos, lies, power mongering, division and a great deal of poisoning and self-poisoning, his mother says.

Where everybody is pretending to be someone or something else, Lux says. And you can't see for the life of you how any of it will resolve in the end, because it's such a tangled-up messed-up farce of a mess (Smith, 2018, p. 200)¹.

Фраза Люкс *'everybody is pretending to be someone or something else'* является одним из ключей к интерпретации экзистенциальной темы поиска элементов стабильности во внутреннем мире человека. Для раскрытия данной темы в романе автор использует постмодернистский прием смешения реального / иллюзорного.

Смешение реального и иллюзорного происходит на нескольких уровнях текста:

- в размышлениях персонажей о восприятии и понимании окружающего мира, о поиске собственной идентичности;
- в потоке сознания персонажей, где происходит соединение восприятия реального мира и воспоминаний, видений, обрывков сна;
- в изображении образа жизни и манеры поведения персонажей, когда реальному общению они предпочитают виртуальный мир, когда реальные впечатления заменяются вымышленными.

В пяти эпиграфах к роману, что традиционно для Али Смит (пять эпиграфов предваряют почти все ее романы, в частности, романы «Осень» / «Autumn», «Случайно» / «The Accidental», «There but for the» и недавно переведенный на русский язык роман «Весна» / «Spring»), также прослеживается идея соединения реального и нереального. Наиболее эксплицитно эта мысль выражена в цитате *'We have entered the realm of mythology'* / *'Мы вступили в царство мифологии'* (Мюриэл Спарк). Эпиграф, являясь сильной позицией текста, задает одну из центральных линий интерпретации романа – мы живем в царстве

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст из списка источников Smith A. Winter. New York, 2018.

мифов, созданных мировой культурой, общественной практикой и индивидуальными фантазиями.

В самом начале произведения главному герою Арту, размышляющему о всех тех вещах и понятиях, которые уже «мертвы» в этом мире (поскольку в строке поиска Гугл после них появляется слово «мертв» / «dead») и вспоминающему сон о призраках, где за ним гонятся призраки цветов, приходится настойчиво напоминать себе о существовании реального мира – слово «real» / «really» повторяется в романе многократно, причем очень часто повтор концентрированный, например, в двух строчках одного из предложений оно повторяется шесть раз: <...> *but in any case forget ghosts, put them out of your mind because this isn't a ghost story, though it's the dead of winter when it happens, a bright sunny post-millennial global-warming Christmas Eve morning (Christmas, too, dead), and it's about real things really happening in the real world involving real people in real time on the real earth (uh huh, earth, also dead)* (Smith, 2018, p. 4).

Подобное начало, которое также является сильной позицией текста, задает его общую тональность и заявляет одну из главных тем – поиск человеком реальных в противовес вымышленным, истинных в противовес фальшивым, настоящих в противовес придуманным жизненных ориентиров и ценностей.

Многие жизненные ситуации воспринимаются героями как нереальные, как будто происходящие на сцене театра или в художественном произведении. Л.В. Зинович рассматривает кинематографию и фотографию как способ мировосприятия в романе Али Смит «Случайно» / «The Accidental», считая их одними из главных факторов, формирующих сознание современного человека [Зинович, 2011]. В исследуемом нами романе такими факторами служат и литература, и театральное искусство, и современное интернет-пространство. Герои романа Али Смит испытывают чувство нереальности происходящего, чувство, как будто они находятся на подмостках сцены и действуют по указанию некоего режиссера, или как будто они – персонажи какого-то романа и должны вести себя согласно замыслу писателя.

Так, София, мать главного героя, живет в мире своих фантазий, воспоминаний, ночных грез и прочитанных ею романов: *and here instead's another version of what was happening that morning, as if from a novel in which Sophia is the kind of character she'd choose to be, prefer to be, a character in a much more classic sort of story* <...> (Smith, 2018, p. 30).

А главный герой Арт, ощущая свою беспомощность в стремлении найти общий язык с матерью, представляет себя статистом в театре: *All he can do is stand in the wings of whatever the drama is* (Smith, 2018, p. 86).

Иногда абсурдность реальной жизни напоминает некий фарс, в котором человек вынужден находиться и вести себя согласно законам этого жанра. Автор приводит риторический вопрос из телешоу, который очень точно передает ситуацию подобного рода: *Ever feel trapped in a farce you can never in a million years get out of?* (Smith, 2018, p. 181).

Восприятие событий действительности, воспоминания героев также сравниваются с действием, происходящим в театре или кино: *Then his mother stops speaking and starts humming a tune and Art knows the doors of the reminiscence have closed, as surely as if the Reminiscence is a cinema or a theatre and the show is over, the rows of seats empty, the audience gone home* (Smith, 2018, p. 166).

Часто герои произведения Али Смит предпочитают мир фантазий миру реальному, поскольку, на их взгляд, реальность может разрушить радужные мечты и иллюзии. Показателен в этом отношении эпизод, когда подруга Арта Люкс с глубочайшим вниманием изучает меню одного из кафе, а когда Арт предлагает ей купить что-нибудь из этого меню, она отказывается, мотивируя это нежеланием разрушать иллюзии: *He'd offered, at the bus shelter, to buy her something off the Chicken Cottage menu. And spoil my perfect imaginings with the reality? she said* (Smith, 2018, p. 79).

Грань между реальностью и нереальностью настолько зыбка, что герои часто затрудняются определить, что же происходит на самом деле, а что является плодом их воображения: *When you look at it like that it's pretty much like it isn't really happening. Except it is* (Smith, 2018, p. 51).

Поиск грани между истинным и иллюзорным постоянно находится в сфере внимания персонажей. Главный герой напряженно размышляет о том, что определяет его как личность. Одним из вариантов личностной самоидентификации является, конечно, самовыражение через творчество, а именно ведение блога о природе (при этом его основная работа заключается в том, чтобы отслеживать нарушение авторских прав, то есть разыскивать подделки). С его помощью Арт надеется добраться до правды и выжить в мире фальши.

He'll write a shining piece for Art in Nature about how to survive the fraudulent world, and not just how to survive it but how to get to the truth through it, through the pungent onion-layers of fraud <...> (Smith, 2018, p. 62).

Когда Люкс говорит, что она чувствует искусственность/фальшь записей его блога и спрашивает, почему он не описывает то, что

произошло с ним в реальности, ответ Арта вызывает крайнее удивление как у Люкс, так и у читателя. Он признается, что не мог бы описывать свои собственные реальные воспоминания и пережитые чувства именно потому, что они слишком настоящие:

Oh I couldn't ever write something like that and put it online, he says.

Why not? Lux says.

It's way too real, Art says (Smith, 2018, p. 189).

В сознании персонажей реальное смешивается с иллюзорным, реальные события с видениями. Арт видит несуществующие вещи, например, береговую линию (скалу), нависающую над столом: *He looks up. A foot and a half above all their heads, floating, precarious, suspended by nothing, a piece of rock or a slab of landscape roughly the size of a small car or a grand piano is hanging there in the air (Smith, 2018, p. 215).*

Видения посещают и Софию, мать главного героя. Ей является некая голова, которая составляет ей довольно приятную компанию, она следует за ней по всему дому и помогает скрасить одиночество. Отдавая себе отчет в том, что это ирреально, что это в принципе невозможно, София решает обратиться к офтальмологу, пытаясь объяснить данное явление реальными причинами – болезнью, физическим недомоганием. Однако доктор не находит никаких отклонений, и София смиряется с тем, что происходит, принимает свои галлюцинации за данность.

Герои романа задаются вопросом, можно ли вообще создать адекватную картину реального мира, отделить реальный и иллюзорный / виртуальный миры; пытаются определить, что является критерием истинности знаний о мире.

Арт размышляет о реальном и виртуальном мирах, чтобы разобраться, какой из них более настоящий: *So which is the real thing? Is this library not the world? Is that the world, the one on the screen, and this, this sitting here bodily with all these other people round him, isn't? (Smith, 2018, p. 51).* Некоторые жизненные ситуации вызывают у него чувство ирреальности, он вкладывает особый смысл в слова, обозначающие данные ощущения: *Surreal was the word. Above real (Smith, 2018, p. 171).* Иногда Арт сомневается даже в том, настоящим ли является он сам, и, соглашаясь со своей бывшей подругой, приходит к печальному выводу, что он – ненастоящий: *Charlotte is right. He is not the real thing (Smith, 2018, p. 155).*

Еще одна линия смешения реального и ирреального – это тема общения в социуме. Многие герои романа предпочитают виртуальную коммуникацию реальной; жизнь в интернет-пространстве, погружение в компьютеры и смартфоны полностью завладевает людьми, вытесняя

реальные связи, «роскошь общения» с родными и близкими. Арт, как и многие другие, предпочитает «общение» с кассовыми аппаратами, поскольку общение с реальными людьми дается ему с трудом: *He'd begun to go to the machines when he bought his lunch and now he always went straight to the machines and in a strange way it was a relief because having a talk with someone, even the smallest, most casual of talks, was sometimes quite hard because you always felt they judged you or you always felt shy or that you were saying a stupid or wrong thing* (Smith, 2018, p. 35).

Людей начинают пугать, по выражению Софии, 'подводные камни человеческого общения' – *'the pitfalls of human exchange'* (Smith, 2018, p. 36).

Любовные отношения Арта и Шарлотты терпят крах, поскольку она не может отвлечь его внимание от виртуального мира, не может докричаться до него, не может заставить жить с ней не только физически, но и духовно. Арт недоумевает, почему она ревнует его к ноутбуку: *She (Charlotte) was jealous of his laptop* (Smith, 2018, p. 58).

Арт все время думает о своем блоге, практически живет в нем: когда что-то происходит с ним, когда какие-то идеи приходят ему в голову, когда он слышит какие-то интересные или необычные слова и выражения, он делает мысленную пометку или записи в своем блокноте для того, чтобы использовать их в дальнейшем в своем блоге. Жизнь фактически превращается в материал для блога. Он воспринимает жизненные ситуации, слушает высказывания людей с целью использовать это в блоге. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих данную манеру Арта, которая превращается в образ жизни: *Bounteous: a word of Lux's, one he'd never used in his life, never thought to use or ever had need of, a word that had never even entered his lexicon till yesterday. He'll make an Art in Nature notebook note of it to remind himself to look up its etymology* (Smith, 2018, p. 157). *That might make a good political Art in Nature subject. He will make a note of it* (Smith, 2018, p. 158). *He'd got out his notebook and made an Art in Nature note about it* (Smith, 2018, p. 163). *Art got his notebook out again and began to write some things down. When he finished writing he closed the notebook but kept it out in case she said something else interesting or useful* (Smith, 2018, p. 163).

Жизнь без современных гаджетов представляется героям романа немислимой. Арт чувствует себя обездоленным без мобильного телефона: *He is bereft without his phone!* (Smith, 2018, p. 157). Его поражает, что Люкс, девушка, с которой он знакомится, вообще не имеет мобильного, и ругает себя за то, что, несмотря на этот вопиющий для него факт, начал с ней общаться: *He can't phone her*

because she told him she doesn't have a phone. Probably a bad idea anyway to think to hook up in any way with the kind of person who hasn't got a phone (Smith, 2018, p. 68).

Но и сама Люкс живет в своем собственном ирреальном мире, с той лишь разницей, что ее мир иной – это мир иллюзий, рекламы, классической литературы, старых открыток: *<...> it looks like old postcards here, she'll say as the train pulls out along the coast. Like cards from the past with the faded colours. Is that a castle? Is this place real?* (Smith, 2018, p. 79).

Софию, как представителя старшего поколения, раздражает всеобщее увлечение компьютерами, она негодует, что люди разговаривают, не отрывая глаз от экранов; что их успешность зависит от положительных отзывов в интернете: *Similarly rudely, without looking up from the screen at the main desk, a girl behind the counter suggests to Sophia that she tweet, post on Facebook or leave a review on TripAdvisor about her experience at the optician's today as ratings really do make a difference* (Smith, 2018, p. 18).

Но, отрицая виртуальное общение, она также далека от реального мира, она предпочитает ему мир своих воспоминаний и мечтаний. Картины прошлого всплывают в ее памяти с указанием даты и места событий: *It is a Tuesday in the month of February in 1961, she is fourteen years old* (Smith, 2018, p. 22), *one November evening (what year is it now? sometime in the early 80s, going by her clothes)* (Smith, 2018, p. 130). Таких примеров в романе довольно много. София настолько погружена в прошлое, что порой не может ответить на вопрос, где и в каком времени она находится, какое событие переживает.

Интересным представляется использование автором будущего времени при описании событий, которые, как воображает Арт в своих фантазиях, произойдут с ним после его возвращения домой в Лондон, к своей обычной жизни. Арт представляет, что он будет думать, что ему захочется сделать после праздников, проведенных в доме его матери: *Back in London a few days into the new year, Art will be lying in bed in the empty flat flinching at the memory <...>* (Smith, 2018, p. 281). Далее автор снова возвращается в настоящее время, однако удивляет читателя прямым к нему обращением, предлагая ему сделать «физически невозможное» – взглянуть на Арта и Люкс в определенный момент, когда они еще находятся в доме Софии: *Let's do the impossible now and look through a window we can't physically see through at all, given the winter condensation on the ones along the side of the barn, where Art is rolled in Lux's makeshift bed and Lux is sitting crosslegged above him on one of the stock crates.* (Smith, 2018, p. 283). Далее подробно

описывается семейный обед и разговор Арта, Софии, Айрис и Люкс за столом, это описание дается в прошедшем времени. А затем повествование снова «возвращается» в будущее время, чтобы описать, что Арт будет чувствовать и о чем он будет думать... в апреле – он захочет найти Люкс: *It will be a bit uncanny still to be thinking about winter in April, say, and in such a balmy April with the birds and the blossom, the leaves on their way, and on such a sunny day, hottest day of the year so far and a near-record high for the month. But Art will be sitting on a train in all that unexpected warmth <...>* (Smith, 2018, p. 302).

Затем чередование эпизодов с использованием разных временных форм глагола продолжается. Подобный прием позволяет Али Смит показать, что в настоящем времени человек не всегда может определить важность того, что с ним происходит, и только изменение перспективы с точки зрения будущего может показать истинную ценность людей, которые случайно оказались рядом. Кроме того, играя грамматическими формами времени, автор продолжает линию взаимодействия реального и иллюзорного – того, что происходит в настоящем, того, что имело место в прошлом, и того, что видится героям в будущем.

Таким образом, анализ романа Али Смит «Зима» показывает, что ведущей проблемой, которая в нем поднимается, является смешение реального и иллюзорного в сознании и мировосприятии современного человека. Персонажи живут в выдуманных ими мирах – мире воспоминаний, грез, видений, интернет-пространства, рекламы, литературных произведений и т.д. Грань между реальностью и их фантазиями настолько зыбка, что часто они задаются вопросом о реальности происходящего, о реальности испытываемых чувств, о реальности своего существования. Исследование показало, что наиболее ярко проблема реального / иллюзорного проявляется в сфере личной самоидентификации героев и создания ими адекватной картины мира. Основные приемы, которые служат для выражения данной темы, – это интертекстуальность, прием сосуществования в сознании героев реальной и иллюзорной действительности, литературная игра, игра с грамматическими временными формами. Герои романа Али Смит не находят ответа на вопрос, что есть настоящее, а что искусственное, не могут точно определить, насколько реальна окружающая их действительность, насколько реальны они сами. Однако сам факт принятия человеком мысли о том, что действительность и внутренний мир другого непознаваемы, что различия в мировосприятии неизбежны, может привести к гармонизации межличностных отношений как в семье, так и в обществе.

Литература

- Гришина Н.В. Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития // Психологические исследования. 2015. № 8 (42).
- Зинович Л.В. Кинематография и фотография как способ мировосприятия в романе Али Смит «The Accidental». Минск, 2011.
- Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. № 8 (40).
- Лушникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Постмодернистская языковая игра в романе Али Смит «There But For The» // Гуманитарно-педагогическое образование. 2018. № 4 (4).
- Лушникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Постмодернистская игра на разных категориальных уровнях текста в романе Али Смит «There But For The» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (1).
- Осадчая Т.Ю. Семантическое ядро жанра «экзистенциалистский роман» в современной литературе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2018. № 4 (3).
- Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М., 2000.
- Тимошенко Г.Д. Экфрасис в романе Али Смит *How to Be Both* (2014) // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. № 1 (1).
- Тимошенко Г.Д. Искусство коллажа Полин Бути в романе Али Смит «Autumn» (2017) // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. № 2 (3).
- Ali Smith: Contemporary Critical Perspectives. London, New York, 2013.
- Baudrillard J. Simulacra and Simulations. Ann Arbor, 1994.
- Iser W. The Fictive and the Imaginary: Charting Literary Anthropology. Baltimore, 1993.
- Riffaterre M. Fictional Truth. Baltimore, 1990.
- Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. New York, 2007.

Список источников

- Smith A. Winter. New York, 2018.
- Wade F. Ali Smith's Winter: Her Wise and Joyful Voice Is the Perfect Antidote to Troubled Times // The New Statesman. 11 Nov. 2017. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/books/2017/11/ali-smith-s-winter-her-wise-and-joyful-voice-perfect-antidote-troubled-times>.

References

- Grishina N.V. *Ekzistentsial'naya psikhologiya v poiskakh svoego vektora razvitiya* [Existential Psychology Searching for Its Development Vector]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. 2015. No. 8 (42).
- Zinovich L.V. *Kinematografiya i fotografiya kak sposob mirovospriyatiya v romane Ali Smit «The Accidental»* [Cinematography and Photography as the Means of the World Perception in the Novel «The Accidental» by Ali Smith]. Minsk, 2011.
- Leont'ev D.A. *Vyzov neopredeflenosti kak tsentral'naya problema psikhologii lichnosti* [The Challenge of Uncertainty as the Key Issue of the Psychology of Personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. [Psychological Studies]. 2015. No. 8 (40).

Lushnikova G.I., Osadchaya T.Yu. *Postmodernistskaya yazykovaya igra v romane Ali Smit «There But For The»* [Postmodern Language Game in the Novel «There But For The» by Ali Smith]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie* [Humanitarian and Pedagogical Education]. 2018. No. 4 (4).

Lushnikova G.I., Osadchaya T.Yu. *Postmodernistskaya igra na raznykh kategorial'nykh urovnyakh teksta v romane Ali Smit «There But For The»* [Postmodernist Play within Different Text Levels in the novel There But For The by Ali Smith]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2019. No. 21 (1). DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232-241

Osadchaya T.Yu. *Semanticheskoe yadro zhanra «ekzistsentsialistskiy roman» v sovremennoy literature* [Semantic Core Characteristics of the Existentialist Novel in Modern Literature]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences]. 2018. No. 4 (3).

Rudnev V.P. *Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta* [Away from Reality: Philosophy of the Text Studies]. Moscow, 2000.

Timoshenko G.D. *Ekfrasis v romane Ali Smit How to Be Both (2014)* [Ekphrasis in Ali Smith's Novel How to Be Both (2014)]. *Praktiki i Interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies]. 2016. No. 1 (1).

Timoshenko G.D. *Iskusstvo kollazha Polin Buti v romane Ali Smit «Autumn» (2017)* [Pauline Boty's Collage Art in «Autumn» (2017) by Ali Smith]. *Praktiki i Interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*. [Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies]. 2017. No. 2 (3).

Ali Smith: Contemporary Critical Perspectives. ed. by E. Norton, M. Germanà. London, New York, 2013.

Baudrillard J. *Simulacra and Simulations*. Ann Arbor, 1994.

Iser W. *The Fictive and the Imaginary: Charting Literary Anthropology*. Baltimore, 1993.

Riffaterre M. *Fictional Truth*. Baltimore, 1990.

Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. New York, 2007.

List of sources

Smith A. *Winter*. New York, 2018.

Wade F. Ali Smith's Winter: Her Wise and Joyful Voice Is the Perfect Antidote to Troubled Times. *The New Statesman*. 11 Nov. 2017. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/books/2017/11/ali-smith-s-winter-her-wise-and-joyful-voice-perfect-antidote-troubled-times>.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПРЕДВЫБОРНОЕ ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИИ: РИТОРИЧЕСКИЕ КАНОНЫ ИЛИ ИХ ОТСУТСТВИЕ?

И.А. Широких

Ключевые слова: публичное выступление, предвыборное обращение к нации, структурный аспект выступления, составляющие части обращения, озвучивать проблемы, вызвать отклик у аудитории.

Keywords: public oratory, election address, structural aspect of the speech, constituents of the address, voice problems, resonate with the audience.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-10

Political communication is a complicated but an integral part of the world of policy. Public oratory has been in the focus of the American project from the time of its founders. Every American president is punctuated with set-piece speeches, and historical turning points of this country have been marked by historic speaking. All genres of political discourse are described widely: political speeches in public (inaugural address, in particular), slogans, booklets, leaflets [Shirokikh, 2018]. As for election-campaign address, made by people running for presidency, it seems not to be studied enough by Russian linguists, rhetoric and communication experts. Moreover, foreign studies in political rhetoric are numerous [Johnson, Leith, Viser, URL]. But the authors do not dwell upon the structures of addresses, the necessity or the absence to implement rhetorical canons. These facts predetermine the novelty and topicality of this research.

The object under study is a complex linguistic and rhetorical phenomenon – election-campaign address. The subject matter of the research is rhetorical peculiarities of Presidential Announcements, delivered by Hillary Clinton and Donald Trump during the US presidency election campaign in 2016. Both candidates do not change the content of their speech, while addressing to people of different states. The aim of the article is to describe and to compare rhetoric strategies the candidates resort to in their addresses. The main objective of the research is to analyze the structural aspect of the speeches. Another objective is to define whether the speaker follows rhetoric canons or avoids them. The methods used while studying these factors are the analysis of text structures, the analysis of address components from the point of view of linguistic rhetoric, and the comparative analysis of rhetoric strategies used by both people running for Presidency.

According to the antique rhetoric, any speech should include four or five parts, i.e. introduction, exposition, argument, conclusion and, probably, objection [Mihal'skaya, 2014]. The main parts of the speech are considered to be: introduction, the narrative body and the conclusion. The analysis of D. Trump's address makes it possible to state that he does not follow the pattern mentioned above. In any introduction, a speaker tries to achieve a definite goal – to resonate with the audience. Mr. Trump manages to do it,

using short simple sentences *So nice, thank you very much... That's really nice. It's great to be at Trump Tower... It's great to be in a wonderful city, New York.*

being thankful to people present in Trump Tower *...Thank you... And it's an honor to have everybody here. This is beyond anybody's expectations. There's been no crowd like this.*

making a joke about hot weather and a broken air-conditioner *...They didn't know the air-conditioner didn't work. They sweated like dogs.*

Coming back to the principles of a public speech composition, one may say that introduction should pronounce the topic and the main thesis of the address. But it is next to impossible to define the topic and the thesis of Trump's introductory part, as well as the exposition and the argument of his address. Upon greeting the audience, he goes on to speak about the international policy of the USA, general problems of the country and the country's enemies. «The plain structure, the plain style he has» [Viser, URL]. The main topic of D. Trump's speech is to defend the state from its foreign enemies.

Our country is in serious trouble... The U.S. has become a dumping ground for everybody else's problems... It's coming from all over South and

Latin America, and it's coming probably – probably – from the Middle East... Because we have no protection and we have no competence.

Having spoken about the US international policy, D. Trump proceeds to the home affairs, to the program Obamacare, to be exact. And here he punctuates his speech with repetition. It hammers the point home and it is also a delaying tactic, giving him time to select his next choice of words. Though, he uses a «pretty small working vocabulary» [Leith, URL].

We have a disaster called the big lie: Obamacare. Obamacare...

His next step is to oppose the policy of the predecessor to his own agenda. D. Trump criticizes B. Obama's activity and actions, then he starts describing his own ideas which are in fact his election agenda. Being clever enough, he does not use the pronoun *I* (1st person, singular) he uses *we* and *our* (1st person, plural), the so-called identification formula, to become a part of the audience.

<...> (Obama) He's been a negative force. He wasn't a cheerleader; he was the opposite... So ladies and gentlemen... we are going to make our country great again <...> Our country has tremendous potential. We have tremendous people...

To make a public address sound logical, a speaker as a rule uses some «verbal bridges», connectors. As for Donald Trump, he does not use any connectors. To change the topic of his address he resorts to some anecdotes from his own life that sound exciting and relaxing.

So, here's a couple of stories happened recently...

These short stories are a good tool to gain trust of people and then to draw their attention to the actions he is going to undertake. This strategy adds more persuasive effect to his words.

<...> I'll get a call the next day from the head of Ford. He'll say. «Please reconsider», I'll say no. He'll say, «Mr. President, we've decided to move the plant back to the United States, and we're not going to build it in Mexico».

That's it.

At the end of the main part of the address (or the so-called body) D. Trump describes his own life, his success, trying to persuade the American people that it is he who will save the United States and make this country powerful again.

I would build a great wall, and nobody build walls better than me, believe me... Nobody would be tougher on ISIS than Donald Trump. Nobody.

To finish the address, D. Trump outlines numerous problems that the country faces. His final part (conclusion) sounds pessimistic. But it

resonates with the audience and this is where Donald Trump excels: emotions.

Sadly, the American dream is dead. But if I get elected president I will bring it back bigger and better and stronger than ever before, and we will make America great again.

The idea of American Dream is so close to any citizen of the USA. D. Trump claims to be the person who is able to revive this idea, to bring it back and to make it true again. He uses the aspirational language of the American Dream. Thus, the conclusion seems to be simple, understandable, so American and promising.

A modern approach to the constituents of a public speech states: «An address follows the principle of rhetoric in its structure 5+(-)2. It cannot contain fewer than 3 parts (introduction – the narrative body – the conclusion) or more than 7 constituents (narrative hook – initial review – introduction – connection – narrative body – development of the idea – the end)» [Taranov, 2002, с. 46]. Thus, analyzing the composition of the election address of Hillary Clinton, it is essential to keep in mind the number and the order of its parts. Moreover, H. Clinton's speech abounds in stylistic devices. Anaphoric repetition in its introductory part makes her speech more emotional, persuasive and logical.

***To be** in New York with my family, with so many friends, including many New Yorkers who gave me the honor of serving them in the Senate for eight years. **To be** right across the water from the headquarters of the United Nations, where I represented our country many times. **To be** here in this beautiful park dedicated to Franklin Roosevelt's enduring vision of America, the nation we want to be.*

Then, she describes the events, which date back to some important moments in the history of the country, to former American presidents.

*You know, **President Roosevelt's Four Freedoms** are a testament to our nation's unmatched aspirations and a reminder of our unfinished work at home and abroad. His legacy lifted up a nation and inspired presidents who followed. One is the man I served as Secretary of State, **Barack Obama**, and another is my husband, **Bill Clinton**.*

And to add some personal touch to the history, she speaks about her ancestors. H. Clinton has an ability to shift register mid-speech though logically enough – to say something historic-sounding but then to humanize it with a personal story.

***President Roosevelt** called on every American to do his or her part, and every American answered... It's what kept **my grandfather** going to work in the same Scranton lace mill every day for 50 years. It's what led **my father** to believe that if he scrimped and saved, his small business*

printing drapery fabric in Chicago could provide us with a middle-class life. And it did.

After the transition passage of her address, which is devoted to national problems, H. Clinton voices the main thesis «Successful nation means a successful country».

America can't succeed unless you succeed. That is why I am running for President of the United States.

And to gain success for the nation, she defines the goals to achieve. Her aims are presented by simple short sentences with similar structures and again anaphoric repetition.

For the successful and the struggling. For the innovators and inventors. For those breaking barriers in technology and discovering cures for diseases. For the factory workers and food servers who stand on their feet all day. For the nurses who work the night shift.

Clinton's introduction is logical and easy to understand. Every statement is clear-cut and connected to the previous one. This lady, running for President, follows the strategy «demonstration of desires» [Johnson, URL]. She voices the problems, which worry people of the country, the whole nation. At the same time, she compares her agenda to D. Trump's. Hillary Clinton expresses dissatisfaction with the Republican Party, but not with Donald Trump as a person. She cannot afford to criticize him. Again, her election address intermits with stories of her own life. On the one hand, this rhetoric trick makes her closer to the audience. On the other hand, the narration of her biographical facts paves the way to understanding why she participates in that political rally.

<...> And later, as a law student, I advocated for Congress to require better working and living conditions for farm workers whose children deserved better opportunities <...> As a leader of the Legal Services Corporation, I defended the right of poor people to have a lawyer<...> As Senator, I had the honor of representing brave firefighters, police officers, EMTs, construction workers, and volunteers who ran toward danger on 9/11 and stayed there, becoming sick themselves...

The body of narration in H. Clinton's address is represented by Four Fights [2016 Presidential Policy Agenda as «Four Fights», URL].

If you'll give me the chance, I'll wage and win Four Fights for you.

The First Fight is to strengthen the American economy, whose profit should be available to every citizen of the USA. To win this fight, H. Clinton offers people to act together. She uses analytical form of the Imperative Mood, the construction *Let's*.

<...> Let's make college affordable and available to all <...> and lift the crushing burden of student debt. Let's provide lifelong learning for

workers to gain or improve skills the economy requires, setting up many more Americans for success.

The Second Fight is to make American families strong. The essence of this idea is to show the importance of family values, the importance of healthy, well-educated and ambitious children who represent the next generation. Only then, the country will be strong, prosperous and powerful.

Now, the second fight is to strengthen America's families, because when our families are strong, America is strong.

The Third Fight is to protect the USA from foreign enemies. She does not expand on this problem much. But defining it as a Fight, H. Clinton realizes the importance of robust foreign policy for the country.

No other country is better equipped to meet traditional threats from countries like Russia, North Korea, and Iran – and to deal with the rise of new powers like China. No other country is better prepared to meet emerging threats from cyber-attacks, transnational terror networks like ISIS and diseases that spread across ocean and continents. As your president, I'll do whatever it takes to keep Americans safe.

And the Fourth Fight is to build an efficient political system in the USA. Again, she calls upon all Americans to do it together.

We need a political system that produces results by solving problems that hold us back, not one overwhelmed by extreme partisanship and inflexibility.

The final part of the speech (or conclusion) is rather eloquent: Hillary Clinton tries to persuade people that their country is the place where any person can achieve much, even become President.

We can build an economy where hard work is rewarded. We can strengthen our families. We can defend our country and increase our opportunities all over the world. And we can renew the promise of our democracy <...> America where a father can tell his daughter: yes, you can be anything you want to be. Even President of the United States.

The comparative analysis of rhetorical aspects of the Presidential Announcements, delivered by Hillary Clinton and Donald Trump, makes it possible to come to the following conclusions.

H. Clinton's address is composed according to the classical structure of a public speech. She uses a five-part model - introduction – connection – narrative body – development of the idea – the conclusion (the end). She gives the main thesis and provides arguments throughout the whole address. Speaking about Donald Trump's speech, one can hardly identify certain constituents of his speech. He seems to have some kind of introduction (his greeting the audience), a huge narration body and

a conclusion (American Dream). The question is: does he follow any structure at all?

Donald Trump and Hillary Clinton resort to similar topics: home and foreign policy of the state, protection of the country, stories from their own lives, but they present the subjects in different ways. He appeals to emotions of the audience, she offers definite actions. His speech appears trustworthy and passionate, rather than scrutinized and autocued by numerous advisers.

Both of them manage to create persuasive messages but use different tools. D. Trump is illogical but more emotional. H. Clinton is too logical but «people mistrust smooth talkers» [Viser, URL]. He trails into incoherence, she sounds dignified and recognizably already presidential. Donald Trump uses rhetorical linguistic devices to tap into the raw emotions of potential voters – and it seems to work. The results of the latest presidential elections in the USA proved this statement.

The results of this research are important to anyone who deals with public oratory. According to O.V. Nikitin, rhetoric is a science of the future [Nikitin, 2016]. This art, the art of verbal persuasion, is essential nowadays. Presidential election campaigns are coming in Russia and the USA soon. It means that it is time to resume the subject of rhetoric strategies used in Presidential Policy Agenda.

Литература

- Михальская А.К. Практическая риторика и ее теоретические основания. М., 2014.
- Никитин О.В. Риторика – это наука будущего // Филология и человек. Барнаул, 2016. № 4.
- Таранов П.С. Искусство риторики. Универсальное пособие для умения говорить красиво и убедительно. М., 2002.
- Широких И.А. Инаугурационная речь как образчик публичного политического выступления // Языки и литература в поликультурном пространстве. Барнаул, 2018.
- 2016 Presidential Policy Agenda as «Four Fights» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hillaryclinton.com/issues>
- Donald Trump's Presidential Announcement Speech. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech/>
- Johnson E. Hillary Clinton Can't Give a Decent Speech. Does It Matter? // National Review. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationalreview.com/article/419818/hillaryclinton-cant-give-decent-speech-does-it-matter-eliana-johnson>
- Leith S. You Talkin' To Me?: Rhetoric from Aristotle to Obama. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/talking-to-me-aristotle-obama-review>
- Viser M. For Presidential Hopefuls, Simpler Language Resonates. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bostonglobe.com/news/politics/2015/10/20/donald-trump-and-ben-carson-speak-grade-school-level-that-today-voters-can-quickly-grasp/LUCBY6uwQAxiLvXbVTSUN/story.html>

References

Mihal'skaya A.K. *Prakticheskaya ritorika i eyo teoreticheskie osnovaniya* [Practical Rhetoric and its Theoretical Basis]. Moscow, 2014.

Nikitin O.V. *Ritorika – nauka budushchego* [Rhetoric is a Science of the Future]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. Barnaul, 2016. No. 4.

Taranov P.S. *Iskusstvo ritoriki. Universal'noe posobie dlya umeniya govorit' krasivo i ubeditel'no* [Rhetorical Art. Universal Textbook for a Skill to Speak Eloquently and Persuasive]. Moscow, 2002.

Shirokikh I.A. *Inauguratsionnaya rech' kak obrazchik publichnogo politicheskogo vystupleniya* [Inaugural Address as a Specimen of Public Political Speech]. *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve* [Languages and Literature in Multicultural Context]. Barnaul, 2018.

2016 *Presidential Policy Agenda as «Four Fights»*.
URL: <http://www.hillaryclinton.com/issues>

Donald Trump's Presidential Announcement Speech.
URL: <http://www.time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech/>

Johnson E. Hillary Clinton Can't Give a Decent Speech. Does It Matter? *National Review*. URL: <http://www.nationalreview.com/article/419818/hillaryclinton-cant-give-decent-speech-does-it-matter-eliana-johnson>

Leith S. *You Talkin' To Me?: Rhetoric from Aristotle to Obama*.
<http://www.theguardian.com/talking-to-me-aristotle-obama-review>

Viser M. *For Presidential Hopefuls, Simpler Language Resonates*. URL: <https://www.bostonglobe.com/news/politics/2015/10/20/donald-trump-and-ben-carson-speak-grade-school-level-that-today-voters-can-quickly-grasp/LUCBY6uwQAxILvvXbVTSUN/story.html>

**ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА В КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(BASED ON THE FILMS «DEJA VU», «THE JUDGE»)**

Т.Н. Малиновская, Г.А. Менщикова

Ключевые слова: юридический дискурс, когнитивно-прагматический аспект, концепт, лексика, сленг, язык права, коммуникация.

Keywords: legal discourse, cognitive-pragmatic aspect, concept, vocabulary, slang, language of law, communication.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-11

Выбор темы данной статьи обусловлен потребностью в изучении специфики речевого поведения человека в зависимости от сферы его профессиональной деятельности, в данном случае интерес представляет сфера юриспруденции. С этой целью необходимо изучить лексические единицы и выделить особенности прагматического использования языкового знака, обратить внимание на характеристики и закономерности юридического дискурса.

Целью статьи является намерение изучить юридический дискурс (дискурс допроса, публичных выступлений в суде) во взаимосвязи его когнитивного и прагматического аспектов, а также понять, какие факторы являются решающими в выборе речевых средств, может ли нейтральная лексика, встраиваемая в юридический контекст, приобретать признаки термина, способна ли грубая лексика, употребленная в определенной ситуации юридического дискурса, вызвать негативное отношение к говорящему.

Теоретической базой работы послужили научные взгляды и концепции ученых в области дискурс-анализа – М. Фуко, Н. Фэрклаффа, Т. ван Дейка. Анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, концептуальный анализ были использованы в качестве методов исследования.

Для достижения поставленной цели и поиска ответов на обозначенные вопросы были изучены научные теории, проведен лингвистический анализ аутентичных материалов и имеющихся результатов лингвистических исследований. Результаты работы удалось получить в ходе анализа современного сленга, реплик участников допроса, судебных речей адвокатов и обвинителей.

Названный материал взят из онлайн-словарей, из фильмов на русском и английском языках, таких как «Deja vu», «The Judge».

Информация, получаемая человеком из различных источников, проходит определенные процессы осмысления, обработки, категоризации, классификации, а язык в этих процессах занимает особое место.

Начало изучению языка права научными методами было положено еще в XVII веке. Для описания языка права использовались такие методы, как сравнительно-исторический, логический, математический. Антропоцентризм способствовал тому, чтобы изучать научные объекты с позиции их значимости для человека, а формальный подход сменился функционально-коммуникативным. Интерес ученых в области коммуникативной прагматики сосредоточился на изучении языковых и параязыковых средств, а также на когнитивных основаниях постижения реальности, на процессе усвоения информации и дальнейшей ее передачи с целью воздействия, информирования и т.д. Таким образом, возник интерес к изучению сложного системного явления – дискурса, а именно дискурса как речи, реализованной в определенной ситуации. По мнению Е.А. Сидельниковой, Д.А. Стаценко, Ф.Р. Мутыгуллиной существует множество разновидностей дискурса, но наиболее актуальным остается исследование институциональных дискурсов.

Изучению понятия «дискурс» посвящено большое количество работ и исследований. С учетом особенностей тематики статьи широкое понимание дискурса должно быть сведено к конкретной сфере – юридической. Если брать за основу понимание дискурса как совокупности текста и контекста (по Т. ван Дейку), то понятие «юридический дискурс» должно подразумевать совокупность последовательных высказываний, связанных между собой юридическим контекстом, а также стремлением участников коммуникативной ситуации не только передать информацию, но и оказать определенное влияние на участников коммуникативной ситуации. Учитывая тот факт, что участники юридического дискурса пытаются добиться убедительности и выразительности своей речи, спорным остается утверждение, что все высказывания порождаются на языке права. В определенных условиях невозможно достичь поставленной цели, не обратившись к дополнительным средствам языка, функционирующим за пределами языка права.

Особая семантическая и семиотическая организация речи юриста необходима для успешного и эффективного воздействия на собеседника или аудиторию. Таким способом юрист вводит в дискурс

языковые единицы, способные повлиять на сознание собеседника / аудитории или даже изменить его / ее поведение с выгодой для себя. В такой ситуации речь идет о стратегии речевого поведения как о способе влияния на собеседника в заранее продуманном направлении.

Прагматический аспект раскрывает в юридической терминологии как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию. Выбрав определенную стратегию речевого поведения, юрист осознает необходимость обратиться не только к устоявшейся терминологической базе, но и к «образованию» новых слов в юридическом дискурсе, полученных, например, при метонимическом переносе значений. Образованные таким способом слова активно пополняют англоязычный сленг. В приведенных ниже примерах используются метонимические неологизмы, значения которых становятся понятными, если известна концептуальная основа и соответствующий дискурс. Например:

– *So do you have any tattoos?*

– *No, I'm a **cleanskin**, can't you tell?*

В данном примере словосочетание *cleanskin* используется в значении «*a person with no tattoos*». Употребив выражение *No, I'm a cleanskin* в юридическом дискурсе, мы получим другое значение «*a person who has no criminal record*».

В следующих примерах также используются метонимические неологизмы, значение которых меняется в зависимости от ситуации:

«*We should **drop** that <...>before it get's outta control*». Знакомое слово *drop* используется здесь в значении *to kill someone*.

«*When are you going **to drop** that hit?*» – «*I've already **dropped** 6 ounces of weed today*» или «*I **dropped** like 2 pills an hour ago and I'm ...!!!*». В этих примерах *drop* употребляется уже в значении *to consume drug orally*.

*Chop us a line of that **Charge**, Dan* или *I was on the **charge** all night man*.

*Did u hear about Ben? Ya, he **caught a charge**.*

Слово *charge* передает здесь два смысла – *slang term for Cocaine and to be caught by the police with drugs*

В подобных случаях слова не теряют своего основного смысла. Обретая новые значения, лексические единицы сохраняют все варианты использования. Этот факт подтверждает их концептуальную связь.

Юридическая деятельность всегда предполагает повышенную речевую ответственность. Производство следственных и судебных действий связано с составлением документов и процессуальных актов. Таким образом, культура речи юриста предполагает нормативность. Очевидно, что правильная, нормированная речь остается одним из главных требований, предъявляемых к юристам. Рассматривая

англоязычный юридический дискурс в когнитивном аспекте, необходимо помнить об особенностях восприятия информации многочисленной аудиторией. Чтобы добиться расположения аудитории, переключить внимание участников опроса, допроса или сторон судебного процесса, юрист должен уметь сочетать в своей речи рациональный и эмоциональный компоненты. Для этого юрист, несмотря на всю серьезность и официальность ситуации, может использовать в своей речи сленг или даже грубую лексику.

Например, в фильме «The Judge» адвокат, пытаясь переключить внимание шерифа и офицеров с опроса Джозефа Палмера, сбить их с мысли, строит предложения, характерные для разговорного стиля, а затем переходит на сленг:

Any strip-mall lawyer's gonna chew that up and spit it out. Stolen vehicle.
– Любой двоечник-юрист скажет вам, не задумываясь, – машину угнали.

Whoa, Both – Ways Bobby. Graduation night. – O! Бисексуал Бобби. Выпускной вечер.

Услышав реплику «*You've been on the bench how long?*» вне контекста, мы можем перевести ее как «Сколько вы просидели на скамейке?» Как только вопрос «*You've been on the bench how long?*» произносится в зале суда, его значение приобретает оттенок официальной юридической терминологии – «Судья, как долго вы занимаете свой пост?». Способность юридического дискурса придавать нейтральной лексике терминологический характер обнаруживается и в следующих примерах:

I don't buy it. – Я вам не верю.

How do you explain that lapse in judgement? – Как вы объясните это ваше решение? (произносит адвокат в зале суда).

В данных примерах информативность, информационная насыщенность и точность лексических единиц определена их способностью концептуализироваться.

Коммуникативный аспект деятельности юриста обнаруживается в системе взаимодействия людей в процессе их общения. Речевое общение может быть затруднено без установления психологического контакта, так необходимого для убеждения или получения достоверных фактов. Добиться внушительности и доказательности в юридическом дискурсе, повлиять на судью или присяжных помогает особый подход и к синтаксису – говорящий строит утвердительные предложения, но употребляет их в качестве вопросов. Таким способом он пытается убедить аудиторию, передать всю тяжесть ситуации, обратившись к их чувствам и эмоциям:

You lost your wife? – Вы потеряли свою жену?

Tough day? – Тяжелый день?

В данных примерах юридический дискурс выполняет свою прескриптивную функцию – дает предписания реципиентам и убеждает их.

Итак, изучив теоретико-методологическую базу по теме, проанализировав примеры, мы пришли к выводу, что высказывания в рамках юридического дискурса реализуют такие его функции, как предписание, убеждение, провозглашение и информирование. Основной функцией юридического дискурса является воздействие на собеседника, а его когнитивный и прагматический аспект диктует выбор таких языковых средств, которые смогут оказать желаемое воздействие. В юридическом дискурсе стратегия речевого воздействия представляет собой способ пользования информацией для изменения мнения, а далее и поведения собеседника в нужном направлении. Для этого говорящий организует свою речь особым семантическим и семиотическим образом, переводит нейтральную лексику в плоскость юридического дискурса и юридической терминологии, использует грубую лексику, сленг. Все сказанное лишь подтверждает прямую зависимость выбора языковых средств, необходимых для определенной ситуации юридического дискурса, от цели высказывания, личностных особенностей говорящего и аудитории, а также от различных экстралингвистических особенностей.

Литература

- Агапова С.Г. Прагмалингвистический аспект английской диалогической речи: дис. ... док. филол. наук. Ростов н/Д, 2003.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 2000.
- Каплушенко А.М. Курс дискурса: под флагом Фуко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4.
- Крапивкина О.А., Непомиллов Л.А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855>.
- Мордовцев А.Ю. Природа права в пространстве культуры. URL: <http://metodologlab.narod.ru/pravo/st1.htm>.
- Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5 (2).
- Сидельникова Е.А., Стаценко Д.А., Мутыгуллина Ф.Р. Анализ и способы перевода и грамматических конструкций, выражающих стратегии обвинения и оправдания в политическом дискурсе // Филология и человек. 2017. № 2.
- Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2006.
- Chafe W. Beyond beads on strings and branches in a tree // Conceptual structure, discourse and language. Standford, 1996.
- Teun A.van Dijk. The Analysis of News as Discourse. Hillsdale, New Jersey, 1988.

- Teun A. van Dijk. *Discourse Analysis as a New Cross-Discipline*. 1985. Vol. 1.
Teun A. van Dijk. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge, 2008.
Fairclough N. *Language and Power*. London, New York, 1989.
Michel Foucault. *Archeology of Knowledge*. Routledge, London, 2004.
Mayr A. *Language and Power: An Introduction to Institutional Discourse*. London, New York, 2008.
Talbot M. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh, 2007.
Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=slang>

References

- Agapova S.G. *Pragmalingvističeskij aspekt anglijskoj dialogičeskoj reči* [The Pragmalinguistic Aspect of English Dialogical Speech]. Doc. of Philol. Diss. Rostov on Don, 2003.
Dejk T.A. van *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 2000.
Kaplunenko A.M. *Kurs diskursa: pod flagom Fuko* [Discourse Course: Foucault flag]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University]. 2013. No. 4.
Krapivkina O.A., Nepomilov L.A. *Juridičeskij diskurs: ponyatie, funkcii, svojstva* [Legal Discourse: Concept, Functions, Properties]. *Gumanitarnye nauchnye issledovanija* [Humanitarian Research]. 2014. No. 9. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855>.
Mordovcev A.Yu. *Priroda prava v prostranstve kul'tury* [The Nature of Law in the Space of Culture]. URL: <http://metodologlab.narod.ru/pravo/st1.htm>.
Palashevskaya I.V. *Funkcii juridičeskogo diskursa i dejstva ego učastnikov* [The Functions of Legal Discourse and the Actions of Its Participants]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2010. Vol. 12. No. 5 (2).
Sidel'nikova E.A., Stacenko D.A., Mutygullina F.R. *Analiz i sposoby perevoda i grammatičeskij konstrukcij, vyrazhayushchih strategii obvineniya i opravdaniya v političeskom diskurse* [Analysis and Methods of Translation and Grammatical Constructions Expressing the Strategies of Accusation and Justification of Political Discourse]. *Filologiya i čelovek* [Philology & Human]. 2017. No. 2.
Chernyavskaya V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rečevogo vozdejstviya* [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Exposure]. Moscow, 2006.
Chafe W. *Beyond beads on strings and branches in a tree. Conceptual structure, discourse and language*. Stanford, 1996.
Teun A. van Dijk. *The Analysis of News as Discourse*. Hillsdale, New Jersey, 1988.
Teun A. van Dijk. *Discourse Analysis as a New Cross-Discipline*. 1985. Vol. 1.
Teun A. van Dijk. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge, 2008.
Fairclough N. *Language and Power*. London, New York, 1989.
Michel Foucault. *Archeology of Knowledge*. Routledge, London, 2004.
Mayr A. *Language and Power: An Introduction to Institutional Discourse*. London, New York, 2008.
Talbot M. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh, 2007.
Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=slang>

ФЕНОМЕН МЕТАПРОЗЫ В КИТАЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Лю Мяовэнь

Ключевые слова: исследование, метапроза, метапрозаичность, китайские литературоведы, «китайская специфика» феномена метапрозы,

Keywords: research, metafiction, metafictional, Chinese literary scholars, Chinese approach to the phenomenon of metafiction.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-12

Термин «метапроза» прочно вошел в словарь современного китайского литературоведения, однако утверждать, что в гуманитарной науке Китая существует его однозначное толкование, было бы преждевременно. Опыт использования термина в теоретическом и историческом аспектах и сегодня вызывает вопросы о необходимости определения данного феномена, о его генезисе, развитии, типологии, основных характеристиках, а также вопрос о методологии его изучения и возможности применения по отношению к китайской литературе XX–XXI веков.

Термин «метапроза» впервые появился в китайском литературоведении в 1988 году в статье Ван Нинкана «Роман? Критика? О суперпрозе»¹, опубликованной в газете «Литература и искусство». С того момента вышло немало статей, посвященных теории метапрозы, среди них: «Поэтика постмодернизма и самопознающая проза» Ван Минтяня (Иностранное литературное обозрение. 1988. № 4), «О суперпрозе» Ху Цюаньшэна (Исследования иностранной литературы. 1992. № 2), «О метапрозе» Тун Яньпина (Критика иностранной литературы. 1994. № 3), «Метапроза: диалог автора с текстом» Цюан Нинкана (Критика иностранной литературы. 1994. № 3), «Приемы повествования метапрозы и оперативная тактика» Чжу Мина (Литература. История. Философия. 1998. № 3) и др.

Эти статьи, отражающие общее восприятие теории метапрозы в Китае нового столетия, позволяют утверждать, что не только в толковании данного явления, но и в его терминологическом обозначении нет единообразия. Так, Ван Минтянь и Ху Цюаньшэн используют термин «суперпроза» (superfiction) как синонимичное по

---

¹ Здесь и далее переводы названий и цитат наши. – Л.М.

отношению к укоренившемуся на Западе понятию. Кроме того, в китайском литературоведении существует еще один альтернативный термин – «антипроза», которым активно пользуются (Линь Янь¹, Чжон Бенкан²). Несмотря на то что они смешивают эти два термина, между ними, с точки зрения Ху Цюаньшэна, существуют весьма значительные различия.

На основе изучения работ Патриции Во, Линды Хатчен, Уильяма Гэсса и других западных литературоведов Ху Цюаньшэн выявляет основные различия между антипрозой и суперпрозой: «если первая противопоставляет себя традиции, то вторая скорее ориентирована на осмысление законов творчества – как приемов автора – создателя текста, так и литературы как таковой. Для суперпрозы характерно вынесение к порогу читательского восприятия вопросов и проблем литературоведческого порядка (проблем жанра, стиля, языка, в том числе метаязыка произведения, с помощью которого не столько создается иллюзия реалистического отображения действительности, сколько высвечивается сам механизм ее создания, благодаря чему произведение воспринимается прежде всего как авторефлексивный текст») [Ху Цюаньшэн, 1992, с. 33]. Несложно заметить, что такое толкование суперпрозы оказывается максимально близким понятию метапрозы, в связи с чем именно эти два термина в Китае чаще всего используются как синонимы.

Кроме того, Ху Цюаньшэн отмечает философскую основу метапрозы, которую, по мнению автора, составляют принцип неопределенности В.К. Гейзенберга (1901-1976) и языковая философия Л. Витгенштейна. Автор выделяет три особенности суперпрозы: 1) языковая игра, 2) саморефлексия, 3) авторское присутствие [Ху Цюаньшэн, 1992, С. 35].

В 1994 году в журнале «Критика иностранной литературы» было опубликовано сразу две статьи о метапрозе, отражающие возникший интерес китайского литературоведения к данному феномену. В статье Тун Яньпина «О метапрозе» указаны три ее основные характеристики: 1) раскрытие «сделанности», «вымышленности» текста, предлагающего многомерное, многоуровневое воспроизведение реальности; 2) обнажение приема; 3) языковая игра [Тун Яньпин, 1994, с. 13]. Концепция Тун Яньпина во многом близка точке зрения Ху Цюаньшэна, но новизна его статьи заключается в заострении проблемы

---

¹ Линь Янь. Об антипрозе // Обозрение прозы. 1989. № 3. (Здесь и далее перевод с китайского наш – Л.М.).

² Чжон Бенкан. Антипроза: Возвращение природы современной прозы // Байзя. 1989. № 3.

отношения метапрозы к литературной традиции, поскольку, как полагает автор, авторефлексивность текста подразумевает его выход за собственные границы и, таким образом, расширение реминисцентного фона произведения.

Разумеется, китайскими исследователями феномен метапрозы рассматривается в контексте не только жанровых, но и стилевых исканий современной мировой литературы. Так, Цюан Нинкан в статье «Метапроза: диалог автора с текстом» высказывает предположение, что появление метапрозы связано со структуриализмом, в основе которого лежит теория Ф. де Соссюра. Цюан Нинкан перечисляет четыре приема для создания метапрозы: 1) антитеза и создание иллюзии незавершенности, 2) пародия, 3) монтаж, 4) свободное обращение со временем и пространством [Цюан Нинкан, 1994, с. 9-10].

Через год Ин Ципин пишет статью «Контекст метапрозы и ее черты» (Вестник Ханчжоуского университета. 1995. № 3), в которой исследует причины популярности метапрозы на Западе и вслед за своими предшественниками пытается обозначить ее признаки, среди которых выделяет пять основных: 1) заострение различий между реальностью и искусством, 2) выявление функции их диалога, 3) смешение художественного творчества и литературной критики, 4) сближение автора и читателя, 5) сближение автора и героев [Ин Ципин, 1995, с. 84-86]. Автор отметил еще два принципа метапрозы: принцип структуры и принцип игры [Ин Ципин, 1995, с. 87] и подчеркнул, что метапроза не стремится подорвать основы реальности, она лишь пытается продемонстрировать вымышленность нашего реального мира [Ин Ципин, 1995, с. 87].

Несложно заметить, что все вышеизложенные концепции в той или иной мере близки друг другу, и это неудивительно: все теоретические положения авторов имеют общий источник – это прежде всего работы Патриции Во и других западных теоретиков метапрозы. Зависимость от западного литературоведения усугубляется тем, что основные теоретические положения раскрываются на материале западноевропейской литературы.

Однако необходимо подчеркнуть, что некоторые китайские литературоведы, такие как У Лян, Ян И и Гао Синьюн, начали обращать внимание на современные китайские тексты с целью отнесения их к явлению метапрозы.

Первым метапрозаиком в современной китайской литературе считается писатель-авангардист Ма Юань (马原, род. 1953). В 1982 году, после окончания филологического факультета Ляонинского

университета он отправился в Тибет в качестве журналиста и редактора. В том же году Ма Юань начал писать прозу. В течение десяти лет он опубликовал «Искушение Гандисышаня» (冈底斯的诱惑, 1985), «Нет парусников в западном море» (西海无帆船, 1987), «Фикция» (虚构, 1993) и другие поистине экспериментаторские произведения. В момент выхода этих романов китайские литературоведы не были знакомы с термином «метапроза» и назвали приемы Ма Юаня «повествовательной ловушкой» [У Лян, 1987, с. 45].

Язык и техника повествования Ма Юаня глубоко повлияли на творчество китайских писателей 1980-х годов. Представители нового поколения художников слова (Ван Аньи, Ши Тешэнн, Чжан Ченчжи, Мо Янь, Ге Фэй) начали писать по-новому – свободно вводя в художественную прозу элементы литературоведения, публицистики, размывая таким образом границы между фикциональным и функциональным словом. Так, например, особое место в их произведениях занимают рассуждения о композиции, структуре – своеобразные авторские отступления, призванные привлечь внимание читателя к особенностям языка, на котором ведется повествование. Таким образом, приемы Ма Юань стали речевой трансформационной парадигмой в китайской литературе 1980-1990-х годов [Ван Юпин, 2001, с. 63].

Вероятно, художественные эксперименты китайских писателей, ориентирующихся на опыт Ма Юаня, повлекли за собой и новый всплеск интереса к данному явлению в литературоведении: новый импульс получает и теория метапрозы, обретающая теперь «китайскую специфику». В поле зрения китайских исследователей оказывается теперь литература Китая – и не только современная.

В конце прошлого столетия китайские ученые заметили следы метапрозы в древней китайской литературе. Например, Ян И и Гао Синьюн считают, что классические китайские произведения, такие как «Сон в красном тереме» (《红楼梦》, 曹雪芹 Цао Сюэцинь, 1790), «Вновь о путешествии на Запад» (《西游补》, 董说, Дун Шо), «Повесть о странном из кабинета Ляо» (《聊斋志异》, 蒲松林, Пу Сунлин), «Поразительное. Первая часть. Вторая часть» (《初刻拍案惊奇》, 《二刻拍案惊奇》, 凌濛初, Лин Мончу, 1627, 1632) содержат элементы метапрозы. В своей монографии «Классическая китайская проза» (《中国古典小说史论》, 1998) Ян И

при анализе китайских текстов неоднократно опирался на теорию метапрозы, доказывая, что она как явление и в западной, и в китайской литературе возникла задолго до появления соответствующего термина. В последней главе книги он разбирает метапрозаические элементы в «Записках» Ди Йун (纪昀, 1724-1805). Так, он пишет: «Благодаря выдающемуся мастерству автора повествовательный угол зрения был смещен так эксцентрично, что сам автор и комментатор выходят за пределы вымышленной границы повествования, с тем чтобы стоять на краю критического пути романа, делая «Записки» романом о романе» [Ян И, 1995, с. 512]. Следовательно, автор «Записок» пишет не столько об истории, сколько о самом процессе ее воссоздания (наррации – в терминах современного литературоведения), или истории формирования записей.

Другой выдающийся китайский ученый, Чжао Ихен (赵毅衡, 1943), так же как и Ян И, считает, что метапрозаичность в китайской классике существовала давно. Он рассматривает роман «Вновь о путешествии на Запад» как первый китайский метароман.

В отличие от большинства китайских коллег, Чжао Ихен осваивал теорию метапрозы, которая в 1980-х годах была в центре внимания западного литературоведения, в непосредственном контакте с американскими учеными. Результаты этого сотрудничества представлены в его работах. Так, в восьмой главе его пятой книги «Когда говорят о говорящем: введение в сравнительную нарратологию» (1998), «Значение формы повествования» один раздел посвящен именно метапрозе. На основе анализа современной китайской литературы (на примере произведений Ма Юаня и Ге Фэй) Чжао Ихен выявляет разновидности метапрозы Китая, выделяя в ней два основных типа: авторефлексивная метапроза (自反式元小说) и интертекстуальная метапроза (前文本元小说). (Сразу подчеркнем, что, на наш взгляд, точно установить различия между двумя выделенными подтипами достаточно сложно, поскольку метаязык автора немислим без прорыва в «чужое слово»: «Границы между своими и чужими словами могут смещаться, и тогда возникает диалогическая борьба», – пишет Ю.Л. Высочина [Высочина, 2016, с. 116]).

Несмотря на отсутствие единой точки зрения на рассматриваемый феномен, накануне нового столетия почти все китайские филологи пришли к согласию в одном: явление метапрозы заставляет пересмотреть категорию вымысла в искусстве – а следовательно, задуматься и о статусе реальности. Так, Чжао Ихен пишет в своей книге: «литература отражает не собственно реальный мир, но мир,

соотнесенный с некоей «нормой» (норма для автора – мораль, дух, душа, чувство), поэтому воссоздание мира «нормы – это реальное значение романа» [Чжао Ихен, 1998, с. 223].

Несмотря на то, что в течение нового, XXI века в Китае появилось много статей и диссертаций, освещающих проблемы «литературы о литературе», большинство из них в той или иной степени дублирует основные идеи и теоретические положения западного литературоведения. Однако благодаря исследованиям ученых прошлого тысячелетия теория метапрозы введена в программу основного курса литературоведения для студентов и магистрантов КНР. Главы, посвященные метапрозе, вошли в опубликованные разными издательствами учебные пособия по теории литературы, нарратологии и постмодернизму. О явлении метапрозы упоминается в «Кратком обзоре романов постмодернизма» (2001) Ван Чинфена и «Теории литературного текста» (2001) Чжао Чжицзюнь.

Ван Чинфен в своей монографии подчеркивает, что, хотя метапроза является одним из ярчайших жанров постмодернизма, не следует смешивать понятия постмодернистской прозы и метапрозы. На основе изучения произведений Х.Л. Борхеса он пришел к выводу, что существует три основных типа последней: 1) произведения, в центр которых выдвигается образ создателя текста, как, например, это происходит в рассказе «Борхес и я», 2) метапроза, построенная на символах, например «Сад расходящихся тропок», 3) произведения, основанные на обнажении приема, например, «Вавилонская библиотека» [Ван Чинфен, 2001, с. 76-77]. Однако, к сожалению, автор не освещает принципы предложенной типологии, что приводит к размыванию границ между отмеченными моделями, которые, кроме того, подпадают под более привычные жанровые обозначения (как, например, первый тип, который удобнее отнести к распространённому в западной литературе жанру романа / повести / рассказа о художнике).

Разумеется, представлены среди работ китайских исследователей и те, в которых предпринимается попытка соотнести метапрозу с привычными, уже ставшими традиционными и для китайского литературоведения, жанрами прозы и – соответственно – с наиболее авторитетными концепциями великих ученых. Так, Чжао Чжицзюнь в своей монографии «Теория литературного текста» пытается сопоставить концепцию метапрозы с диалогической теорией Бахтина. Китайский ученый полагает, что метапроза – лучший жанр романа, выявляющий разноречия и язык релятивизма [Чжао Чжицзюнь, 2001, с. 212].

В КНР защищены магистерские и докторские диссертации по теории метапрозы. Наиболее активны в изучении данного феномена

магистранты Шаньдунского педагогического университета и Гуйчжоуского педагогического университета. Некоторые аспиранты рассматривают феномен метапрозаичности на примере отдельных произведений определенного писателя, что не всегда обнаруживает свою научную продуктивность с точки зрения постижения сути явления. Так, например, Ван Сяоянь в диссертации «Исследование теории метапрозы» (2010), обращаясь к монографиям Патриции Во и Линды Хатчен, предпринимает попытку обобщить признаки метапрозы как таковой (и даже проследить генезис явления), однако в теоретическом отношении его работа не предлагает ничего нового по сравнению с предыдущими исследованиями. Напротив, Хуан Лу в диссертации «О метапрозе» (2009) на материале произведений В. Вульф, У. Фолкнера, М. Пруста, Ж. Сартра, выстраивает весьма интересную концепцию, позволяющую вписать исследуемый феномен в жанровую и стилевую картину развития мировой литературы. Так, убедительной представляется ее концепция генезиса метапрозы, в той или иной степени обнаруживающей родство и с романом потока сознания, и с такими художественными системами, как экзистенциализм и деконструктивизм.

В 2017 году в Китае вышла первая монография, посвященная теории метапрозы, – книга Ли Дань «От формального текста до диалога идеологии: практика и теория западной постмодернистской метапрозы», созданная им на основе докторской диссертации. По определению автора, «метапроза – это проза о прозе, которая обращает внимание на вымышленность и сам процесс создания текста» [Ли Дань, 2017, с. 1]. Несложно заметить, что данное определение похоже на то, которое в свое время давали Патриции Во и Лодж Дэвид, но, как и последний, автор не пытается соотнести явление метапрозы с существующей жанровой типологией (классификацией).

Безусловно, отдельные положения концепции ученого заслуживают внимания. Так, Ли Дань в своей книге пытается доказать, что метапроза есть не только проявление языковой игры, но и отражение реальности с желанием выразить ту или иную идеологию. По мнению исследователя, для создателя художественного текста сама «форма» (поэтика) произведения уже является своего рода идеологией, а саморефлексия и обнажение приема в метапрозе становятся способом выражения протеста против господства реализма. Ли Дань также рассматривает проблему использования вымысла в историческом тексте, полагая, что именно он обнаруживает в нем повествовательную логику и авторскую позицию в целом, тогда как характерное для метапрозы обращение к

элементам пародии призвано обнажить и дезавуировать официальную идеологию и связанные с ней законы насаждаемой в обществе морали. Однако не все исследователи разделяют точку зрения Ли Дань: по мнению Рональда Сукеника, метапроза – не более чем языковая игра. Так, в своей книге «Смерть романа и другие истории» (The Death of the Novel and Other Stories) он пишет: «то, что нам нужно, не великие, а игривые работы <...> История – это игра, в которую кто-то играл, так что вы тоже можете играть в нее» [Sukenick, 1969, с. 56-57]. Автор данной книги, опираясь на исследования западных литературоведов и философов, таких как Ролан Барт, Хатчен, Лодж Дэвид, Эко и других, обосновывает свою точку зрения, в соответствии с которой установка на игру не отменяет серьезных задач, которые призвана решить метапроза. Включаясь в игру, читатель должен познать что-то новое и важное для себя – прежде всего, осознать самоценность художественного произведения, и – как следствие – мира как такового, и в этом смысле постмодернистская метапроза пытается выявить значимость самого процесса познания (и самопознания) – или, в терминах автора, превысить «агностицизм рефлексии» [Ли Дань, 2017, с. 319]. Таким образом, по мнению Ли Дань, постмодернистская метапроза на других основаниях, но все же отражает идеологию реального мира, более того, под маской саморефлексии даже активно вторгается в сферу политики. Несмотря на интересные и дерзкие мысли автора статьи, а также его стремление показать жанровую и стилевую эволюцию метапрозы в эпоху постмодернизма, данная работа не предлагает целостной концепции – прежде всего потому, что теоретические рассуждения не подкреплены анализом художественных текстов.

Указанные выше статьи, монографии и диссертации в целом дают представление о степени изученности метапрозы в Китае. Как видно, феномен метапрозы не просто привлек внимание современных ученых КНР – в исследованиях уже наметились некие тенденции в освоении явления именно китайским литературоведением, и прежде всего стремление постичь основные черты метапрозы на примере китайской литературы, выявить проявление метапрозаичности в китайских классических романах.

Тем не менее, из-за недостаточно полного освещения достижений западных теоретиков метапрозы, а также по-прежнему живущей в сознании китайского общества влиятельной традиционной модели «литература – носитель высоких идей» в истории изучения метапрозы в Китае еще есть лакуны. Во-первых, до сих пор не предложено

четкого определения понятия; во-вторых, отсутствуют некие обобщающие работы, предлагающие классификацию уже существующих подходов и концепций, которые, таким образом, могли бы быть соотнесены друг с другом; в-третьих, выявленные исследователями черты метапрозы пока не сложились в единую систему, позволяющую выстроить убедительную типологию явления; в-четвертых, остается спорным вопрос: метапроза – это жанр литературы или совокупность приемов литературного творчества. Все эти проблемы требуют последующего рассмотрения и решения.

Литература

Высочина Ю.Л. Концепция «диалогизма» М.М. Бахтина как основание постструктуралистской концепции интертекстуальности Ю. Кристевой // Филология и человек. 2016. № 4.

Sukenick R. *The Death of the Novel and Other Stories*. New York, 1969.

Ван Цинфен. Краткий обзор романов постмодернизма. Пекин, 2001. (王钦峰后现代主义小说论略。北京：中国社会科学出版社。2001年。)

Ин Ципин. Контекст метапрозы и ее черты // Вестник Ханчжоуского университета. 1995. № 3. (殷企平 元小说的背景与特征。1995年，第3期。)

Ли Дань. От формального текста до диалога идеологии: практика и теория западной постмодернистской метапрозы. Пекин, 2017. (李丹 从形式主义文本到意识形态对话：西方后现代元小说的理论与实践。北京：中国社会科学出版社，2017年)

Тун Яньпин. О метапрозе // Критика иностранной литературы. 1994. № 3. (童燕萍谈元小说，外国文学评论，1994年，第3期)

У Лян. Повествовательная ловушка // Обзорение современных писателей. 1987. № 3. (吴亮 马原的叙述圈套。当代作家评论，1987年，第三期。45-61)

Ху Цюаньшэн. О суперпрозе // Исследования иностранной литературы. 1992. № 2. (胡全生 “乱花渐欲迷人眼”——谈超小说，外国文学研究，1992年，第2期)

Цюан Нинкан. Метапроза: диалог автора с текстом // Критика иностранной литературы. 1994. № 3. (江宁康 元小说：作者与文本的对话。1994年，第3期)

Чжао Ихен. Когда говорят о говорящем: введение в сравнительную нарратологию. Пекин, 1998. (赵毅衡当说者被说的时候：比较叙事学导论。北京：中国人民大学出版社。1998年)

Чжао Чжицзюнь. Теория литературного текста. Пекин, 2001. (赵志军文学文本理论，北京：中国社会科学出版社。2001年)

Ян И. Классическая китайская проза. Пекин, 1995. (杨义中国古典小说史论，北京：中国社会科学出版社。1995年)

References

Vysochina Y.L. *Koncepciya «dialogizma» M.M. Bahtina kak osnovanie poststrukturalistskoj koncepcii intertekstual'nosti Yu. Kristevoj* [The conception of «Dialogism»

by M.M. Bakhtin as the Basis of the poststructuralist Conception of Intertextuality by Y.Kristeva]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2016. No. 4.

Sukenick R. *The Death of the Novel and Other Stories*. New York, 1969.

Wang Qinfen. *Review of the Novels of Postmodernism*. Beijing, 2001.

Ying Qiping. The Context of Metaprosis and Its Features. *Journal of Hangzhou University*. 1995. No. 3.

Li Dan. *From a Formal Text to a Dialogue of Ideology: the Practice and Theory of Western Postmodern Metaprose*. Beijing, 2017.

Tong Yanping. About Metaprosis. *Foreign Literature Review*. 1994. No. 3.

Wu Liang. Narrative trap of Ma Yuan. *Review of Modern Writers*. 1987. No. 3.

Hu Quansheng. About Superprose. *Foreign Literature Studies*. 1992. No. 2.

Quan Ningkang. Metaproza: Dialogue of the Author with the Text. *Foreign Literature Review*. 1994. No. 3.

Zhao Yiheng. *When Talking About the Speaker: Introduction to Comparative Narratology*. Beijing, 1998.

Zhao Zhijun. *Theory of the Literary Text*. Beijing, 2001.

Yang I. *Classical Chinese Prose*. Beijing, 1995.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПОЭЗИИ С. ЯКШИГУЛОВА И Ш. БАБИЧА

Л.Х. Абдуллина

Ключевые слова: просветительство, башкирская поэзия, исторический период, революция, национальное движение.

Keywords: enlightenment, Bashkir poetry, historical period, revolution, national movement.

DOI 10.14258/filichel(2020)2-13

Башкирская просветительская поэзия конца XIX и начала XX века – это литература, которая зародилась в результате крупных социально-политических перемен, вызванных вступлением России в стадию империализма. Бурное развитие капитализма привело к зарождению башкирской национальной буржуазии, к появлению рабочего класса, национального пролетариата. Если в свое время сээсны (так называли у башкир поэтов-сказителей) своими яркими выступлениями доносили до народных масс новые идеи, мысли, то в XX веке эту роль выполняли поэты-просветители.

Башкирская просветительская мысль берет начало от Батырши Алиева, идеолога и предводителя Башкирского восстания (1755 – 1756), который написал письмо императрице. «Это воззвание воспринимается как образец башкирской народной публицистики XVIII века» [Хусаинов, 1998, с. 562]. В своем известном письме автор рассказывает не только о себе, но и о судьбе народа, основываясь на документальных фактах. «Первые образцы таких сочинений принадлежат перу М. Уметбаева, Г. Салихова, М. Рамзи, Р. Фахретдинова. В цикле статей, вошедших в книгу “Ядкар” (1897), и в рукописной работе “Башкиры” М. Уметбаев дает научное освещение и объективную оценку некоторым героическим и трагическим событиям в истории башкирского народа», – пишет академик Г. Хусаинов [Хусаинов, 1998, с. 480]. Их современником был выдающийся башкирский поэт, просветитель М. Акмулла. Новая демократическая поэзия берет истоки с родников поэзии Акмуллы. Многие тюркские народы, в частности башкиры, казахи, татары, считали его своим. Об этом писали ученые Г. Хусаинов, Р. Шакур, А. Вильданов и другие изучавшие его творчество авторы. Акмулла был не только поэтом-просветителем; его поэзии присуща и философская тематика. В книге «Татарская просветительская литература» М.Ф. Гайнуллин показывает

его и как ценителя просвещения: «Акмулла одним из первых дал высокую оценку просветительству и свободе мыслей Ш. Маржани своим поэтическим произведением “Памяти Шигабетдину хазрату”» [Гайнуллин, 1979, с. 415].

В начале XX века для башкир самым актуальным стал аграрный вопрос. «По закону 1898 года в противоречии с действовавшим в течение 16 лет запретом на продажу башкирских земель каждой общине разрешалось по своему усмотрению продавать или отдавать в аренду свои лишние земли, что обернулось присвоением арендаторами этих “излишков”» [Хусаинов, 2012, с. 368]. В стране начали проводить аграрную реформу. В этой работе особую роль сыграл Крестьянский поземельный банк. В 1906-1915 годах Уфимский и Оренбургский отделения Крестьянского поземельного банка закупили 464,6 тыс. десятин земли, тем самым учреждение помогало помещикам выгодно ликвидировать имения, башкирские земли покупались им в 3-5 раз дешевле.

Эту довольно острую ситуацию не могли обойти стороной поэты. Башкирская просветительская литература зародилась тогда, когда среди народных масс остро возникла земельная проблема. «В результате национально-колониальной политики царизма площадь земель, находившаяся во владении башкир, к 1905 году уменьшилась в Уфимской и Оренбургской губерниях на 1250 тысяч десятин по сравнению с 1877 годом. При ежегодном росте народонаселения средняя обеспеченность башкирского двора землей сократилась почти на 40%. Если к отчуждаемым землям отнести и участки, находившиеся в “аренде” (1,5 млн десятин), тогда станет понятно, насколько велики были земельные захваты» [Очерки по истории Башкирской АССР, 1959, с. 305]. На фоне этих ситуаций родились поэтические строки С. Якшигулова и Ш. Бабича. Оба поэта тяжело восприняли распродажу башкирских земель.

Тема ограбления башкирских земель в разных жанрах отражалась в башкирской литературе начала XX века. Например, драма Бахтияра «Продажа земли» раскрывает эту проблему, точность исторических фактов придает произведению убедительность. «Автор реалистически показал грабеж башкирской бедноты русскими боярами, местными богатеями и их подхалимами» [Буляков, 2012, с. 418]. В прозе эту тему в начале века поднимал в своих произведениях Ф. Сулейманов. Автор в рассказе «Тимербай-кураист» пишет о молодом бедном парне, который нанялся пастухом к богатому. Очень печальна судьба Тимербая, так как после его смерти хозяин выкинул его курай свиньям, а через пять лет откопал и его могилу. «Читатель понимает намек

автора: если колонизация края будет продолжаться и дальше, то всех башкир ждет такая же судьба» [Надергулов, 2012, с. 458]. И в драматургии, и в прозе авторы показывали, насколько остро стоит земельный вопрос для населения местных губерний.

Многие просветители в начале XX века поднимали земельный вопрос в своем поэтическом творчестве. Среди них выделяются поэты С. Якшигулов и Ш. Бабич: первый автор пришел в литературу именно благодаря освещению этой темы, и она более ярко выражена в его поэзии, второй посредством образного мышления о земле создал уникальные художественные произведения. Но все же земельный вопрос более глубоко был освещен в творчестве С. Якшигулова.

Поэтическое наследие С. Якшигулова составляют книги стихов, выпущенные при жизни. И после его смерти издавались книги, но они были только переизданием тех же сборников. В 1994 году в Башкирском издательстве «Китап» вышла его книга «Дела башкирские» с предисловием С. Сафуанова. В 2017 году тот же сборник вышел в Уфе, в издательстве «Самрау», вступительное слово к которому было написано автором этих строк. Поэзии С. Якшигулова присущ публицистический пафос. Как было отмечено, в поэзию он пришел с темой ограбления башкирских земель. Это была новая демократическая поэзия, которая пропитана духом поэзии М. Акмуллы. Как пишет Г. Хусаинов, «М. Гафури, Д. Юлтый, Ш. Бабич, С. Якшигулов, Ш. Аминев, Г. Юмрани и многие другие поэты и сесены пришли в литературу под непосредственным влиянием Акмуллы» [Хусаинов, 1998, с. 489].

С. Якшигулов писал стихи, был учителем в медресе, духовным наставником, преподавателем светских наук для своих земляков. Он всю свою жизнь творил и работал на демской земле. Если в свое время М. Акмулла, Ш. Бабич, М. Гафури ездили по всей стране, преподавали и у казахских детей, то он до конца своей жизни остался преданным своим ученикам, односельчанам. Деятельность С. Якшигулова была посвящена башкирскому просветительству.

Ограбление башкирских земель – это основная тема в его творчестве. Житейские воззрения башкирского просветителя звучали как стихийный протест против социальной несправедливости и национального угнетения, расхищения народного добра. Его поэзия повлияла на нравственно-эстетическое сознание башкирского народа. Как пишет Г. Кунафин: «В своих стихах С. Якшигулов уделяет основное внимание изображению горькой участи сородичей, процесса обострения аграрного вопроса в современных условиях, что приводит

к усилению в них нарративного – описательно-повествовательного, событийно-аналитического начала» [Кунафин, 2004, с. 75].

*Наши древние деды с усердием,
Другим народам показывая свою мощь,
Нам эти земли оставили в наследство,
А вы не знаете им цены, башкиры мои¹*
(Якшигулов, 2017, с. 55)²,

– пишет С. Якшигулов в стихотворении «Обращение к отцам-башкирам». Как полагает бабичевед, народный поэт Башкортостана Равиль Бикбаев: «Земельный вопрос – вот это прежде всего волновало башкирскую литературу начала века. Творчество Сафуана Якшигулова, Даута Юлтыя началось как раз с горьких размышлений о судьбе родного недр, выражало боль и протест народа к этим событиям...» [Бикбаев, 1995, с. 238]. Как мы уже отметили, земельный вопрос в это время в Башкортостане стоял остро. Поэт Ш. Бабич в стихотворении «Почва» в образе родного человека показывает землю:

*Почва, почва! Наша мать.
Грунт! Земная благодать!
Стоя прочно на тебе
Благодарны мы судьбе.
Чернозем – ты наш отец.
Нет тебя – и нам конец.
Вся ошибка наша в том,
Что тебя не бережем*
(Бабич, 1995, с. 170).

В творчестве С. Якшигулова и Ш. Бабича ярко отразились социальные мотивы. Они остро чувствуют социальную несправедливость, расхищение башкирских земель. С. Якшигулов описывает историческую действительность и повествует о том, что эти земли оставлены им предками, но потомки не знают им цены. Он критикует не только национально-колониальную ситуацию в стране, тут больше критики в адрес самих башкир. Ш. Бабич, используя сравнения, представляет землю в образах матери и отца.

В стихотворении «Курай» автор от имени музыкального инструмента рассказывает свою боль и печаль, высказывая также критическую оценку поведению современников:

---

¹ Перевод с башкирского наш. – Л.А.

² Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

*Слушайте мое последнее слово, эй, братцы,
Закончились у вас ведра и посуды,
Эй, вотчинники, кончились вы, кончились.
С каждым днем ваша работа идет вниз...
(Якшигулов, 2017, с. 65).*

Через обращение к образу музыкального инструмента автор показывает критичность ситуации, которая сложилась в то время в Башкортостане. В результате национально-колониальной политики царской власти башкиры остались без земли. Автор, обращаясь к вотчинникам, говорит, что их дела очень тяжки. Тем самым С. Якшигулов не только показывает историческую действительность своим сородичам, но и выражает свой протест всей колониальной системе.

Эта тема также освещается в стихотворении «Дела башкирские»:

*Эй, башкиры! Ушла древняя ширь,
Красивые луга, поля уже исчезли,
Все земли продали чужим,
Как будто бросили кость собаке.
Спасены зеленые луга и поля,
С печалью слушаю народные песни...
(Якшигулов, 2017, с. 75)*

Дальше в том же стихотворении он обращается к молодежи, говорит, что только будучи образованным, со знаниями многих светских наук, можно решить эти проблемы. В жанре хитап-обращения С. Якшигулов хотел донести до народа информацию о сложившейся ситуации, в своих произведениях он искал ответы и предлагал решения вопроса. Его поэзия была летописью жизни башкир начала XX века и освещала социально-политические проблемы. Эти поэтические обращения несли просветительскую и антиколониальную миссию. «Хитапы просветительства, то есть конца XIX – начала XX столетия, можно разделить на две основные группы. Первую группу составляют произведения, призывающие к духовному прогрессу, науке и культуре, вторую группу – стихотворения, появившиеся в виде реакции на массовые расхищения башкирских земель и обнищание трудового народа» [Надергулов, 2002, с. 31].

Такую же параллель можно провести и в творчестве Ш. Бабича, который рисует исторические события, дает понять народу, что земля для них – не только почва под ногами, но и суть жизни, смысл существования башкирского народа:

*Башкир чести своей не изменит,
К Отчизне любовь сохранит,*

*Умрет за родимую землю,
Но будет стоять как гранит ...*
(Бабич, 1995, с. 236).

С помощью сравнений автор показывает, как народ оценивает свою землю. В то же время, продавая свои земли за бесценок, башкиры остались на краю бедности. В своем творчестве Ш. Бабич больше рисует любовь народа к родной земле, к его историческому прошлому. Будучи государственным деятелем, членом Башкирского правительства, он отстаивал права за башкирские земли на политической арене и в нормативно-правовых документах вместе с выдающимся современником, основоположником Башкирской Автономии З. Валиди.

В стихотворении «Сейчас уж...» С. Якшигулов также с глубокой болью рассказывает о положении, в котором оказались башкиры:

*Коль взглянешь ты по сторонам,
То увидишь, что очень мало осталось земли у башкир.
<...> Споры, ссоры, вражда везде,
Сейчас богатый – бедному, бедный богатому враг.
Начиная с мая говоря «кумыс – лечение»,
Идут больные сюда из Азии, Европы...*
(Якшигулов, 2017, с. 104).

«С. Якшигулов в основном до конца жизни остается преданным просветительству, будучи свидетелем ограбления башкирских земель, в каждом стихотворении в той или иной степени возвращается к этой теме. Судьба поэта была связана с жизнью народа, его творчество развивается как антиколониальное явление» [Ахмадиев, 1983, с. 15], – пишет ученый В. Ахмадиев. С этим высказыванием можно и не согласиться, так как поэт выступал не только против антиколониальной системы, в первую очередь он был за всеобщее просвещение народа. В том же стихотворении «Дела башкирские» он снова обращается к башкирам:

*В этом мире были мужчины с ремеслом:
Химики, механики, инженеры.
Все они пришли в свое дело через учебу,
Во всей вселенной неграмотный в лучшие дела не войдет.
Всякий народ твердит: учеба, учеба,
И вы старайтесь учиться*
(Якшигулов, 2017, с. 75).

Поэт был убежден, что только с помощью просветительства можно решить социальные проблемы народа. Будучи участником

национального движения в Башкортостане, С. Якшигулов отстаивал права башкирского народа, в частности через поэтические строки поднимал земельный вопрос. А Ш. Бабич в стихотворении «Гордись, башкир!» пишет несколько иначе:

*Гордись, башкир! Ты гордости достоин,
Когда за честь свою ведешь войну,
Когда страданья переносишь стойко,
Отстаивая землю и страну...*
(Бабич, 1995, с. 193).

В произведениях о земле Ш. Бабич больше рассказывает о моральных качествах народа относительно земельного вопроса.

Как мы уже отметили, С. Якшигулов был муллой, но с демократическим настроем. Это проявляется в его творчестве. С. Якшигулов критиковал тех священнослужителей, которые не хотят войти в диалог с современниками и не несут людям свет науки:

*Что Коран – это лечение, во мне нет сомнения,
Я признаю, что он – лечение, восхваление,
Но также я признаю,
Что вы не знаете дела.
Давайте бросим древние привычки,
Будем учить просвещение, мораль,
Чтоб уберечься от таких незнаний,
Давайте постараемся узнать причины обстоятельств...*
(Якшигулов, 2017, с. 60).

Национальные движения, обращения поэтов к народу в стихотворной форме не могли остаться без внимания. Как известно, после революции 1917 года на II съезде Советов Народных Депутатов был принят один из первых декретов советской власти «Декрет о земле». В дальнейшем начали проводиться мероприятия, посвященные просвещению народа. Как пишет Г.С. Девяткин: «В сентябре 1924 года в Москве прошел съезд, который был посвящен просвещению. В его работе приняли участие просвещенцы Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской губерний, Башкирской и Татарской АССР» [Девяткин, 1986, с. 121]. Мы полагаем, что просветительская поэзия поэтов начала XX века также повлияла на политические и общественно-культурные реформы в стране.

Делая вывод, можно сказать, что башкирская просветительская поэзия начала XX века несомненно связана с именами и деятельностью поэтов С. Якшигулова и Ш. Бабича. В своих произведениях они отражали исторические события. Возможно, это была поэзия с

публицистическими элементами, так как она выполняла информационную и агитационную функцию. Хроника событий начала века отчетливо отражается в их творчестве. Они занимались просветительской деятельностью, в то же время были во главе национально-освободительного движения. Расхищение башкирских земель и колонизации родного края, призыв народа к просвещению и знаниям – основные темы творчества С. Якшигулова.

Литература

- Ахмадиев В.И. Башкирская литература начала XX века. Уфа, 1983 (на башк. языке).
Бикбаев Р.Т. Шайхзада Бабич. Уфа, 1995.
История башкирской литературы. С древнейших времен до начала XX века. Уфа, 2012. Т. 1.
Кунафин Г.С. Поэтическое эхо прошлого. Уфа, 2004.
Левин Д.В., Коренева Д.А. Аграрная реформа начала XX века: попытка модернизации страны // История и археология. СПб., 2015.
Надергулов М.Х. Историко-функциональные жанры башкирской литературы. Уфа, 2002.
Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959.
Просветители и педагоги мордовского края. Саранск, 1986.
Татарская просветительская литература. Казань, 1979.
Хусаинов Г.Б. Литература и наука. Уфа, 1998.

Список источников

- Бабич Ш.М. Весенняя песнь. Уфа, 1995.
Якшигулов С.С. Дела башкирские. Уфа, 2017 (на башк. языке).

References

- Akhmadiev V. I. *Bashkirskaya literatura nachala XX veka* [Bashkir Literature of the Beginning of the XX Century]. Ufa, 1983 (on the Bashkir language).
Bikbaev R.T. *Shajhzada Babich* [Shaikhzada Babich]. Ufa, 1995.
Istoriya bashkirskoj literatury. S drevnejshih vremen do nachala XX veka [History of Bashkir Literature. From Ancient Times to the Beginning of the XX Century]. Ufa, 2012. Vol. 1.
Kunafin G.S. *Poeticheskoe ekho proshlogo* [Poetical Echo of the Past]. Ufa, 2004.
Levin D.V., Koreneva D.A. *Agrarnaya reforma nachala HXX veka: popytka modernizacii strany* [Agrarian Reform of the Beginning of the XX century: An Attempt to Modernize the Country]. *Istoriya i arheologiya* [History and Archeology]. Saint Petersburg, 2015.
Nadergulov M.H. *Istoriko-funkcional'nye zhanry bashkirskoj literatury* [Historical and Functional Genres of Bashkir Literature]. Ufa, 2002.
Oчерки по истории Башкирской АССР [Essays on the History of the Bashkir ASSR]. Ufa, 1959.
Prosvetiteli i pedagogi mordovskogo kraja [Educators and Teachers of the Mordovian Region]. Saransk, 1986.
Tatarskaya prosvetitel'skaya literatura [The Tatar Enlightening Literature]. Kazan, 1979.
Khusainov G.B. *Literatura i nauka* [Literature and Science]. Ufa, 1998.

List of sources

Babich Sh.M. *Vesennyyaya pesn'* [Spring Song]. Ufa, 1995.

Jakshigulov S.S. *Dela bashkirskie* [Case Bashkir]. Ufa, 2017 (on bask. language).

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

И.А. Воробьева. Анализ речевого употребления лексем «справедливость / justice» в языковых корпусах. В статье представлено исследование семантических и прагматических свойств лексем «справедливость» и «justice» на материале сплошной выборки из баз Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Национального британского корпуса (NBC) и Корпуса современного американского языка (СОСА). Речевые характеристики ядерных показателей справедливости были рассмотрены по следующим параметрам: общее число появлений в корпусе; специфичность контекстов употребления; особенности употребления. Было выявлено, что в большинстве случаев в языковых корпусах значение слова «justice» было близко к значению слова «правосудие». Особенности употребления слова «справедливость» в русском языке обусловлены его лексической сочетаемостью с другими единицами языка и более четко определенным семантическим значением. Употребление лексемы «justice» обусловлено широким объемом словарных значений, включающим дефиниции нескольких русских понятий, таких как «правосудие», «честность», «справедливость». Слово «justice» встречается как в терминологизированных, так и в нетерминологизированных контекстах. Его значение наиболее близко к правоприменительному виду государственной деятельности – правосудию. В отличие от лексемы «justice», русское слово «справедливость» обладает одним и тем же значением в преобладающей доле рассмотренных примеров.

I.A. Vorobeva. The Analysis of Speech Usage of the Lexemes *Spravedlivost' / Justice* in Language Corporuses. The article deals with the analysis of semantic and pragmatic aspects of the lexemes *spravedlivost'* and *justice*. The study is based on a continuous sampling method, applied to the Russian National Corpus (RNC), the British National Corpus (BNC) and

the Corpus of Contemporary American English (COCA). Speech characteristics of central features of *justice* are determined through the following parameters: the total number of lexeme usage in the corpus; context key elements; peculiarities of the lexeme use. In most cases the meaning of the word *justice* is close to the meaning of the word *pravosudie* in the language corpus. Peculiarities of the word *spravedlivost'* use in Russian are determined by its lexical compatibility with other units of the language and a more clearly defined semantic meaning. The use of the lexeme *justice* is presupposed by a wide range of dictionary meanings, including definitions of several Russian concepts, such as *pravosudie*, *chestnost'*, and *spravedlivost'*. The word *justice* can be found in both terminologized and non-terminologized contexts. Its meaning is very close to the judicial activity of the state – justice. Unlike the lexeme *justice*, the Russian word *spravedlivost'* has the same meaning in most examples analyzed.

М.Г. Соколова. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А.В. Ширяевца. В статье рассматриваются тропеическое словоупотребление дендронимов и их символические значения как способы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А.В. Ширяевца. Цель статьи – охарактеризовать типы семантических преобразований дендронимов. В исследовании анализируется тропеический и индивидуально-авторский коннотативный уровни семантических преобразований с позиций лексической семантики, учения о парадигматичности поэтических образов, положения о необходимости рассмотрения языкового явления в аспекте «универсальное – индивидуальное». Установлен состав семантических признаков дендронимов, актуализируемых в контексте компаративных тропов: *береза* – ‘невинная’, ‘радостная’, ‘ласковая’; *дуб* – ‘рыжебородый’, *липа* – ‘жаркая’; *тополь* – ‘безопасность’; *черемуха*, *яблоня* – ‘любственное томление’; *верба*, *яблоня*, *береза* – цветковые признаки ‘золото’, ‘изумрудный’, ‘огненный’. Выявлены способы репрезентации данных признаков в поэтических контекстах: антропоморфные образы сравнения, прием народно-поэтического образного параллелизма. Охарактеризованы символические семантические преобразования дендронимов в произведениях А.В. Ширяевца: *зеленое (цветущее) дерево* – *скоротечность и бренность человеческой жизни*; *береза* – *символ родины и детства*; *дерево* – *память*. В аспекте «универсальное – индивидуальное» определены устойчивые формулы фольклора и общепоэтические образы сравнения, используемые поэтом: *дуб* – *молодец*, *цветущее*

дерево (дерево, распускающее листья) – девушка, расцветающая для любви, тополь – сторож, листва – золото, изумруд, огонь. Отмечены индивидуально-авторские трансформации устойчивых поэтических формул: весенний цвет – вешний ладан, дерево – память о безмятежном прошлом.

M.G. Sokolova. Types of Semantic Transformations of Dendronyms in A.V. Shiryayevets Poetic Texts. The article deals with the tropeic word usage of dendronyms and their symbolic meanings as ways of semantic transformations of dendronyms in the poetic texts of A.V. Shiryayevets. The purpose of this article is to describe the types of semantic change of dendronyms. The study analyzes the tropeic and individual-author connotative levels of semantic transformations from the standpoint of lexical semantics, the doctrine of the paradigmatic nature of poetic images, the necessity to consider the language phenomenon in the aspect of «universal – individual». The composition of semantic features of dendronyms, updated in the context of comparative tropes, is described: *birch* – ‘innocent’, ‘joyful’, ‘affectionate’; *oak* – ‘red-bearded’, *linden* – ‘hot’; *poplar* – ‘safety’; *cherry tree, apple tree* – ‘love, longing’; *willow, apple tree, birch* – ‘gold’, ‘emerald’, ‘fire’. The ways of representation of these features in poetic contexts are revealed: anthropomorphic images of comparison, the technique of folk-poetic figurative parallelism. Symbolic semantic conversions of dendronyms in the works of A.V. Shiryayevets are characterized: green (blooming) tree – transience and frailty of human life; birch – a symbol of the Motherland and childhood; tree – memory. In the aspect of «universal – individual» stable formulas of folklore and general poetic images of comparison used by the poet are defined: *an oak – well-done, a blooming tree (a tree that opens its leaves) – a girl who blooms for love, a poplar – a watchman, leaves – gold, emerald, fire*. Individual author's transformations of stable poetic formulas are defined: *spring color – spring incense, tree – memory of the serene past*.

И.В. Савельева. Мистер «Что вы делаете?»: языковая личность как детерминанта текстопорождения. В статье рассматривается проблема установления детерминанты порождения виртуального дискурса и текста. Одной из них является языковая личность субъектов коммуникации, как человек, рассматриваемый в своей способности воспринимать и порождать речь. Постановка в центр исследовательского внимания феномена языковой личности, рассматриваемой в качестве детерминанты порождения интернет-комментариев, а также проблемы виртуализации коммуникации на разных уровнях социально-политической жизни общества придают

работе актуальность. Исследование выполнено на материале непрофессионального политического дискурса, формируемого в лентах комментариев к новостям. Данный тип дискурса возникает в результате вторичной текстовой деятельности – комментирования событий политической жизни. Однако на предварительном этапе исследования установлено, что авторы комментариев в качестве объекта оценивания выбирают не только политический дискурс, их реплики в том числе направлены и на его субъектов. Одной из детерминант, определяющей порождение дискурса, является языковая личность ближайшего партнера по коммуникации. Это пользователи, генерирующие отклики к медиановости. Как показал анализ эмпирической базы (интернет-текстов на русском и английском языках), выбор объектов для комментирования адресатом политической новости, публикуемой интернет-изданиями, варьируется. В виртуальной коммуникации обсуждению подвергаются как ЯЛ самого комментатора (эксплицируя явление автоадресации) и партнеров по коммуникации, так и более дистанцированные в социальном отношении фигуры автора статьи и политического деятеля.

I.V. Saveleva. Mr. «What are you doing?»: Language Personality as a Determinant of Text Generation. The article touches upon a problem of determining the generation of virtual discourse and text. One of them is a language personality of the addresser, as a person considered in their ability to perceive and generate speech. The topicality of the research is determined by the fact that the study focuses on the phenomenon of language personality, which is considered as a determinant of the Internet comments generation, moreover, the problem of communication virtualization at different levels of social and political life of society is under analysis. The article studies non-professional political discourse generated in news comments. This type of discourse appears as a result of secondary textual activity – comments on political events. However, at the preliminary stage of the research, it was found that the authors of comments choose not only political discourse as the object of evaluation, but also the participants of this or that event. One of the determinants that stimulates the generation of discourse is language identity of the closest communication partner. These are users who generate responses to the mediated news. The analysis of the empirical base (network texts in Russian and English) proves that the choice of objects for the addressee to comment on varies. In virtual communication, both the language personality of the commentator himself (explicitating the phenomenon of self-reference) and that of the communication partners, as

well as more socially distant figures of the author of the article and the political figure, undergo discussion in the comments.

Е.В. Соколова. Л. Горалик. Текст будущего (структурные и жанроречевые особенности). В статье описываются особенности прозаической миниатюры Л. Горалик: сжатый объем (вплоть до 1-2 предложений), сворачивание сюжета до исходного концепта, усиление роли читателя как соавтора текста, ключевая роль названия, способного либо полностью изменять лежащую в основе произведения ситуацию, либо задавать несколько вариантов понимания ее смысла.

Рассказы Л. Горалик могут представлять собой отдельный речевой жанр. Информативные речевые жанры используются для объективации повествования. Авторская оценка может передаваться с помощью совмещения в одном высказывании информативного и оценочного речевых жанров. Для передачи типизированных вербальных реакций коммуникантов Л. Горалик использует готовые речевые жанры. Определяющей в выборе языковых средств оказывается не жанроречевая специфика высказываний, а авторская концепция изображаемого, характеризующаяся принципиальной незавершенностью. Анализ произведений Л. Горалик дает представление о тенденциях развития современной русскоязычной литературы, разрушающих традиционные представления о жанре рассказа.

E.V. Sokolova. L. Goralik. Text of the Future (Structural and Genre Speech Features). The article describes the features of L. Goralik's prose miniature: its compressed volume (up to 1-2 sentences), the compression of the plot to the original concept, the importance of the reader's role as a co-author of the text, the key role of the title, which can either completely change the situation described in the work or provide several options for its interpretation.

L. Goralik's stories can be a separate speech genre. Informative speech genres are used to objectify the narration. The author's assessment can become evident through the combination of informative and evaluative speech genres in one utterance. L. Goralik uses ready-made speech genres to convey verbal reactions of communicants. The determining factor in the choice of language means is not the genre-speech specificity of statements, but the author's concept of the image, which is characterized by a fundamental incompleteness. The analysis of L. Goralik's works gives an idea of the trends in the development of the modern Russian literature that destroy traditional ideas about the genre of a story.

А.В. Глаголева, Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Е.А. Кузнецова. Копирайтинг как форма репрезентации механизма управления речевыми коммуникациями. Статья посвящена описанию копирайтинга как одной из форм управления речевыми коммуникациями. Копирайтинг вписывается в процессы тексто-дискурсивных трансформаций и признается частным случаем их реализации. Методологической базой исследования выбрана филологическая теория коммуникации, которая определяет изменение статуса и содержания категорий субъекта коммуникации, текста и дискурса. Включение копирайтинга в парадигму филологической теории коммуникации позволяет уйти от инструментального характера описания управленческих процессов и сконцентрировать внимание на их филологическом генезисе. В статье на материале анализа жанра листовки показывается сущность процесса копирайтинга в ряду тексто-дискурсивных преобразований. Основным результатом исследования является рассмотрение процессов свертывания и развертывания дискурса в контексте моделирования тексто-дискурсивных преобразований. В результате устанавливается, что свертывание и развертывание осуществляется позицией субъекта коммуникации, который организует динамику развития дискурсивной семантики на уровне текста.

A.V. Glagoleva, Yu.N. Zemskaya, I.Yu. Kachesova, E.A. Kuznetsova. Copywriting as a Form of Representation of the Voice Communications Management Mechanism. The article is devoted to the description of copywriting as one of the forms of speech communication management. Copywriting fits into the processes of text-discursive transformations and is recognized as a peculiar case of their implementation. Methodological basis of the study is philological theory of communication, which determines the change in the status and content of the categories of the communication subject, text and discourse. Interpretation of copywriting as a part of the paradigm of philological theory of communication allows one to get away from the instrumental nature of the description of managerial processes and focus on their philological genesis. The study, based on the material of the analysis of the genre of leaflets, shows the essence of the process of copywriting in a series of text-discursive transformations. The main result of the study is to consider the compression and development processes of discourse in the context of modeling text-discursive transformations. As a result, it is established that the compression and development are carried out by the position of the subject of communication, who organizes the dynamics of the development of discursive semantics at the text level.

М.М. Тагиева. Перевод романа Достоевского «Бесы» на азербайджанский язык в XXI веке: передача названия, эпиграфов и характера Ставрогина. Статья посвящена первому и единственному переводу романа Достоевского «Бесы» на азербайджанский язык, автором которого является достоевковед, профессор М. Коджаев. «Бесы» представляют большой интерес, прежде всего, своей идейно-художественной проблематикой, постановкой глубоко нравственных и философских вопросов о сущности человека и общества.

В исследовании путем сопоставительно-литературного анализа рассматривается адекватность передачи названия, эпиграфов и характера главного героя произведения. Выбор предмета исследования обоснован идейно-ключевыми моментами, закодированными Достоевским в оригинале. Автор определяет степень передачи всего текста романа на азербайджанский язык, сравнивая целенаправленно выбранные цитаты на двух языках. Существование на азербайджанском языке многозначности слова «бесы» побуждает переводчика ставить задачей анализ выбранного названия словесного памятника великого русского реалиста. Эпиграфы рассматриваются как элементы, скрывающие и носящие в себе смысловое и содержательное значение всего произведения. В этом контексте необходимо прослеживание процесса адекватной передачи их с русского языка на азербайджанский.

Достоевский сосредоточил свое внимание главным образом на художественном воспроизведении одного из важных моментов истории идеологического и нравственного развития России. Поэтому еще большую важность, чем событийная сторона, представляет характеристика романа. С точки зрения характеристики, «Бесы» – возможно, самое значительное произведение писателя. В масштабе статьи на примере образа главного героя исследуется передача способа изображения портрета, его внешности, отношение к противоположному полу и т.д., что раскрывает всю сущность характера, в том числе и всего произведения Достоевского «Бесы».

M.M. Taghiyeva. The 21st Century Translation of the Novel *The Devils* by Dostoevsky in Azerbaijani: Translation of the Title, Epigraphs and Stavroghin's Character. The article describes the first and the only translation of the novel *The Devils* into Azerbaijani by Professor M. Kojayev, a researcher of Dostoevsky. *The Devils* is of great interest because of its artistic problems of ideology, deep spiritual and philosophical questions of a human and society.

The study deals with the adequate translation of the title, epigraphs and the character of a protagonist. It is conducted in a comparative-literary aspect. The choice of the subject is determined by the ideas codified by Dostoevsky in the original. The author of the article assesses the translation of the whole novel into Azerbaijani, comparing some extracts from the original text and the translation. The fact that the word "devils" in the Azerbaijani language is polysematic makes it necessary to analyze the choice of the proper word for the title of the novel, which is considered to be a Russian masterpiece. The epigraphs are treated as elements that contain the meaning and the content of the whole work. From this point of view it is necessary to follow the adequate translation from Russian into Azerbaijani.

Dostoevsky focused his attention on the most important moment in the history of ideological and spiritual development of Russia. Therefore, the character of the novel, rather than the content, is more important. The article portrays a protagonist's image, his attitude to the opposite sex, thus the author analyzes his character, as well as the whole book *The Devils* by Dostoevsky.

С.С. Фолимонов. Амебейная композиция в поэзии И.В. Северянина. В статье рассмотрены особенности творческого использования амебейной композиции в лирической поэзии И.В. Северянина. Опираясь на теоретические положения, высказанные в стиховедческих работах В.М. Жирмунского, автор статьи выдвигает гипотезу о ведущей роли строфической композиции в формировании индивидуального северянинского стиля, одним из основополагающих элементов которого является принцип «театрализации» лирического сюжета, расширяющий традиционные рамки взаимодействия поэта и его аудитории. На материале поэтических текстов разных лет исследуются наиболее эстетически значимые функциональные черты таких видов амебейного расположения, как психологический параллелизм, амебейный параллелизм в форме синонимических вариаций, антифонический параллелизм. Особое внимание уделяется выявлению скрытой авторской позиции, которая выражается в использовании театральной маски «царственного паяца», позволяющей вести сложную смысловую игру с читателем или слушателем. Такое прочтение становится возможным только при детальном анализе строфического композиционного компонента.

S.S. Folimonov. Alternate Literary Composition in the Lyrical Poems by I.V. Severyanin. The article focuses on the peculiarities of the creative use of alternate literary composition (parallelism) in the lyric poetry by I.V. Severyanin and on the influence of this stanza form on song nature

of his works. Relying on theoretical propositions, expressed in prosody works of V. M. Zhirmunsky, the author of the article makes a hypothesis about the leading role of stanza form on the formation of individual style of Severyanin, one of the fundamental elements of which is the principle of «theatricalization» of the lyric plot which expands the traditional scope of interaction between the poet and his audience. The most aesthetically important functional features of the types of alternate literary composition such a psychological parallelism, parallelism in form of synonymous variations, antiphonic parallelism are studied on the materials of poetic texts of different years. Special attention is paid to revealing the hidden author's position, which is expressed in the use of theatre mask of a «royal clown», allowing a complex semantic game with the reader or listener. Such a reading becomes possible only with a detailed analysis of the stanza component.

А.В. Загуменнов, Г.М. Маматов. «Я не участвую, не существую в мире...»: диалог с символизмом и экзистенциализмом в стихотворении Бориса Поплавского «Снова в венке из воска». Статья посвящена эстетико-философскому синтезу в поздней лирике Б. Поплавского, а именно соединению черт символизма и экзистенциализма в стихотворении «Снова в венке из воска» (1931-1934) из посмертной книги стихов «Снежный час». Выявлено, что произведение поэта «парижской ноты» – пример «пограничной» поэтики. Рассмотрены его мотивно-образная система и пространственно-временная структура. Центральными лейтмотивами миниатюры оказываются время и его смерть-преломление, что коррелирует с символистскими темами опьянения, разграничения внешнего и внутреннего миров и т.д. При этом особую роль здесь играет ситуация ek-stasis, задающая развитие лирического сюжета, строящегося на осмыслении героем окружающей реальности и своего присутствия в ней как не-бытия и не-существования. Основной мотив произведения — преодоление мира и уход-погружение в себя. Пограничные (двоемирные) ситуации лирического героя рассмотрены в свете философско-литературных поисков самого поэта, а также на основе их сопоставления с идеями Ж.П. Сартра и Н. Бердяева. Стихотворение, в соответствии со своим названием, представляет собой венок с двумя «узлами». Последними выступают пограничные ситуации как пределы развития некоторых линий лирического сюжета. Герой стихотворения в итоге представлен как растворенный во времени, растопленный, как снег, и недооволенный, как антропоморфная душа без полноценной оболочки, что, отталкиваясь от

традиций русского символизма, выступает живым диалогом и формой экзистенциалистского рассуждения.

A.V. Zagumennov, G.M. Mamatov. «I Do not Participate, I do not Exist in the World ...»: a Dialogue with Symbolism and Existentialism in Boris Poplavsky's Poem «Again in a Wreath of Wax». The article discusses aesthetic and philosophical synthesis in the late lyrics of B. Poplavsky, namely the combination of the features of symbolism and existentialism in the poem «Again in a Wreath of Wax» (1931-1934) from the posthumous book of poems «Snowy Hour». It has been revealed that the work of the poet of the “Paris note” is an example of the “borderline” poetics. Its motive-shaped system and space-time structure are considered. Time and its death-refraction are the central motifs of the miniature, which correlate with the symbolist themes of intoxication, the delimitation of the external and internal worlds, etc. In this case, the ek-stasis situation plays a special role, setting the development of a lyrical plot based on the hero's understanding of the surrounding reality and his presence in it as non-being and non-existence. The core motive of the work is overcoming the world and self-immersion. The borderline (double-world) situations of the lyric hero are examined in the light of the philosophical and literary searches of the poet himself, as well as on the basis of their comparison with the ideas of J.P. Sartre and N. Berdyaev. The poem, in accordance with its name, is a wreath with two "knots". The latter are borderline situations working as the limits for the development of some lines of the lyrical plot. The hero of the poem is ultimately presented as dissolved in time, melted like snow, and under-embodied, as an anthropomorphic soul without a full shell, which, building on the traditions of Russian symbolism, acts as a living dialogue and a form of existentialist reasoning.

Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. Реализация проблематики «реальное / иллюзорное» в постмодернистском романе Али Смит «Зима». В статье анализу подвергается роман «Зима» (2018), написанный современной шотландской писательницей Али Смит. Центральной в исследуемом романе является проблема соотношения реального и иллюзорного в мировоззрении человека и его взаимоотношениях с миром. Данная проблема представлена в романе через реализацию ряда экзистенциальных тем. Автор также мастерски использует разнообразные постмодернистские приемы, среди которых наиболее продуктивными оказываются прием сосуществования в произведении реальной и ирреальной/иллюзорной картин мира, интертекстуальность, литературная игра, игра с грамматическими временными формами. Основной вывод статьи: грань между

иллюзорным и реальным в сознании персонажей Али Смит призрачна, автор показывает, что герои ее романа не находят ответа на вопрос, что есть реальное / настоящее, а что – иллюзорное / искусственное, не могут точно определить, насколько реальна окружающая их действительность, насколько реальны они сами. Человек, не нашедший свое место в реальном мире, стремится уйти в свой собственный иллюзорный мир, который включает в себя все больше элементов виртуальной реальности.

G.I. Lushnikova, T.Yu. Osadchaya. The Topic ‘Real / Illusory’ in the Postmodern Novel «Winter» by Ali Smith. The article analyzes the novel «Winter» (2018), written by a contemporary Scottish writer Ali Smith, whose works have not yet been sufficiently studied by Russian literary criticism. The main topic of the novel under discussion is the real and the illusory in the person’s worldview and their relationship with real world. This topic is presented through the themes of existential perspective. The author also skillfully uses various postmodernist techniques, the most productive being intertextuality, synthesis of the real and illusory within the picture of the world, literary play, and the author’s play with verb tenses. The main conclusion of the article: the line between the illusory and the real in the inner world of the Ali Smith’s characters is elusive, her characters cannot say for sure what is real and what is illusory / artificial, to what extent their world and they themselves are real. People who have not found their place in the real world seek to leave for their own illusory world, which includes more and more elements of virtual reality.

И.А. Широких. Предвыборное обращение к нации: риторические каноны или их отсутствие? В настоящей статье рассматриваются предвыборные обращения к нации Дональда Трампа и Хиллари Клинтон, с которыми они выступали во время предвыборной кампании на пост президента Соединенных Штатов Америки в 2016 году. В большей степени автор исследует композицию предвыборных речей обоих кандидатов, ее соответствие канонам риторики, содержание каждой составляющей выступления оратора. Таким образом, в исследовании используется не чисто риторический подход, а лингвориторический. Актуальность данного исследования предопределена тем фактом, что российскими лингвистами и специалистами риторики недостаточно широко освещается вопрос предвыборных выступлений кандидатов на пост президента США, в частности, неотъемлемой составляющей любого публичного выступления – структуры речи. Для подтверждения высказанных положений автор приводит выдержки как из обращения Д. Трампа, так

и из речи Х. Клинтон. В своем заключении автор статьи приходит к выводу, что обращение Д. Трампа не подлежит никакому структурированию, а речь Х. Клинтон выдержана в классической пятиступенчатой модели публичного выступления. Однако, согласно результатам выборов 2016 года, Хиллари Клинтон, следующая всем канонам риторики в своих выступлениях, проиграла Дональду Трампу, который в своих речах умело обращался к чувствам и эмоциям выборщиков.

I.A. Shirokikh. Public Election Address to the Nation: Rhetoric Canons or Avoiding Them? The article deals with election addresses, pronounced by Donald Trump and Hillary Clinton during the election campaign for Presidency in the USA in 2016. The author studies the structural aspect of election speeches of the candidates, the composition of addresses (if it follows rhetoric canons) and the content of each part of the address. Thus, the author of the article combines rhetoric and linguistic approaches. The topicality of the study is determined by the fact that Russian linguists, rhetoric and communication scientists have not covered the subject of American election-campaign speeches structure widely enough. To prove the theoretical statements, the author provides extracts from *Donald Trump's Presidential Announcement Speech* and *2016 Presidential Policy Agenda* of Hillary Clinton. In the conclusion, the author conveys that it is hard to structure D. Trump's agenda, the address of H. Clinton follows classical five-part model of a public speech. But, as far as it became evident in the 2016 Presidency campaign, H. Clinton's commitment to rhetoric canons lost out to D. Trump's appeal to feelings and emotions of the audience.

Т.Н. Малиновская, Г.А. Менщикова. Особенности англоязычного юридического дискурса в когнитивно-прагматическом аспекте (на материале фильмов «Déjà vu», «The Judge»). В статье рассматривается англоязычный юридический дискурс на материале современного сленга, судебных речей адвокатов и обвинителей. Юридический дискурс воспринимается как актуальный общественный феномен, который стал предметом изучения филологии. Особенности юридического дискурса исследуются в когнитивно-прагматическом аспекте, в контексте семантических, лексических, синтаксических особенностей их актуализации в устной речи. В статье утверждается идея о том, что все участники юридического дискурса стремятся добиться убедительности и выразительности своей речи, а когнитивный и прагматический аспект дискурса диктует выбор таких языковых средств, которые смогут оказать желаемое воздействие.

Данное утверждение доказывает тот факт, что не все высказывания порождаются на языке права. В определенных условиях достижение поставленной цели становится возможным лишь при помощи дополнительных средств языка, функционирующих за пределами языка права. По этой причине в юридическом дискурсе появляются метонимические неологизмы, пополняющие англоязычный сленг, нейтральная лексика переходит в плоскость юридического дискурса и юридической терминологии.

T.N. Malinovskaya, G.A. Menshchikova. The Peculiarities of the English-language Legal Discourse in the Cognitive-pragmatic Aspect (based on the films «Déjà vu», «The Judge»). The article deals with the study of the English-language legal discourse conducted on the material of modern slang, court speeches of lawyers and prosecutors. Legal discourse is treated as an actual social phenomenon that has become the subject of Philology study. The features of the legal discourse are studied in the cognitive-pragmatic aspect, in the context of semantic, lexical, syntactic features of their actualization in oral speech. The article states the idea that all the participants of the legal discourse tend to achieve persuasiveness and expressiveness of their speech, and the cognitive and pragmatic aspect of the discourse requires to choose such language tools that can have the desired effect. This idea proves the fact that not all the statements are generated in the law language. In some situations, it's possible to achieve this goal with the help of additional means of language that operate outside the law language. For this reason, metonymic neologisms appear in legal discourse, adding to English-language slang, and neutral vocabulary moves to the sphere of legal discourse and legal terms.

Лю Мяовэнь. Феномен метапрозы в Китае: теоретический и исторический аспекты. В статье речь идет о таком явлении, как метапроза. Данный феномен, основательно изученный западноевропейскими и американскими филологами, рассматривается на материале китайского литературоведения – от первых публикаций в конце 1980-х годов до современных монографий; в работе дается краткий обзор научных статей и монографий китайских русистов, сыгравших ключевую роль в изучении метапрозы. Автор статьи выявляет ее основные признаки, обобщает существующие концепции китайских литературоведов. Особое внимание уделяется «китайской специфике» метапрозы. Автор различает понятия «метапроза» и «метапрозаичность»: если первое связано прежде всего с современной китайской литературой, то второе имеет более широкое употребление, и его применяют даже по отношению к старинным китайским

романам. В статье также показана эволюция отношения китайских литературоведов к метапрозе: от согласия с западными учеными до возникновения диалога с ними. Подводя итоги, автор статьи останавливается на нерешенных проблемах и перспективах исследования данного явления.

Liu Miaowen. The Phenomenon of Metafiction in China: Theoretical and Historical Aspects. The article deals with a phenomenon called metafiction. This phenomenon, thoroughly studied by Western European and American philologists, is now considered basing on Chinese literature – from the first publications in the late 1980s to modern monographs; the paper gives a brief introduction into scientific articles and monographs of Chinese and Russian scholars who played a key role in the study of metafiction. The author of the article identifies its main features and summarizes the existing concepts of Chinese literary scholars. Particular attention is paid to the «Chinese characteristics» of metafiction. The author distinguishes the differences between the concepts of «metafiction» and «metafictional»: while the former is primarily associated with modern Chinese literature, the latter is used more widely and is even applied to ancient Chinese novels. The article also shows the evolution of the attitude of Chinese literary scholars towards metafiction: from agreement with Western scholars to the emergence of dialogue with them. To sum up, the author of the article describes unresolved problems of this phenomenon and prospects for the study of it in detail.

Л.Х. Абдуллина. Земельный вопрос в поэзии С. Якшигулова и Ш. Бабича. В статье описываются истоки башкирской просветительской литературы, влияние демократических идей конца XIX века, в частности творчества М. Акмуллы, на башкирскую поэзию. Отдельно рассматривается просветительская деятельность башкирского поэта Сафуана Якшигулова, становление его творческой деятельности. Сравниваются взгляды национальных поэтов Ш. Бабича и С. Якшигулова по вопросу расхищения башкирских земель. Даются некоторые сведения и о Ш. Бабиче, творчество которого более изучено, чем поэзия С. Якшигулова. При этом большее внимание уделяется анализу стихотворений С. Якшигулова. Делается вывод о том, что поэты-просветители стояли у истоков национальных движений и образовательных реформ начала XX века. Статья посвящена изучению просветительской поэзии, точнее говоря, осмыслению земельного вопроса в творчествах двух башкирских поэтов начала XX века. В данном материале также дается оценка социально-политическим проблемам, таковыми являлись колониальная

политика царизма, земельный вопрос, социальное неравенство в обществе. Демократические преобразования в различных областях духовно-культурной жизни страны рассматриваются с ракурса башкирской просветительской поэзии.

L.H. Abdullina. The Land Issue in the Poetry of S. Yakshigulov and Sh. Babich. The article describes the origins of Bashkir enlightenment literature, the influence of democratic ideas of the late XIX century, in particular the influence of M. Akmulla's works on Bashkir poetry. Separately is discussed the enlightenment work of Bashkir poet Safuan Yakshigulov and his becoming the educator. The article compares the views of the national poets Sh. Babich and S. Yakshigulov on the problem of looting of Bashkir lands. There is some information about Sh. Babich, whose works are studied better than the poetry of S. Yakshigulov. While more attention is paid to the analysis of poems by S. Yakshigulov. It is concluded that poets-educators were pioneers of national movements and educational reforms of the beginning of the twentieth century. The article deals with the study of enlightenment poetry, more precisely, with the understanding of the land issue in the works of two Bashkir poets of the early twentieth century. This article also assesses socio-political problems, such as the tsarist colonial policy, the land issue, and social inequality in society. Democratic transformations in various areas of spiritual and cultural life of the country are considered from the perspective of Bashkir educational poetry.

*В статье М.Ю. Сидоровой, А.А. Липгарта "Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 1)", опубликованной в номере 3 журнала «Филология и человек» за 2018 год, на с. 31 авторами неверно атрибутирован анализируемый текст. Автором стихотворения *Sic vita* ("Большая часть человечества ставит на Штольца") является В. Пеленягрэ. Данный в статье анализ относится к творчеству этого поэта.

Авторы статьи приносят извинения за допущенную ошибку.

НАШИ АВТОРЫ

**АБДУЛЛИНА,
Лариса
Хашимовна**

– аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
E-mail: aksarлак@yandex.ru

**ВОРОБЬЕВА,
Ирина
Александровна**

– кандидат психологических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)
E-mail: via_76@mail.ru

**ГЛАГОЛЕВА,
Анна
Васильевна**

– кандидат филологических наук, старший преподаватель Российского университета дружбы народов (Москва).
E-mail: glagoleva-av@rudn.ru

**ЗАГУМЕННОВ,
Александр
Владимирович**

– кандидат филологических наук, преподаватель Вологодского строительного колледжа.
E-mail: zaw1991@mail.ru

**ЗЕМСКАЯ,
Юлия
Николаевна**

– кандидат филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов (Москва).
E-mail: zemskaya-yun@rudn.ru

КАЧЕСОВА,
Ирина
Юрьевна

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: ikachesova@mail.ru

КУЗНЕЦОВА,
Евгения
Алексеевна

– кандидат филологических наук, доцент
Российского университета дружбы народов
(Москва).
E-mail: kuznetsova-ea@rudn.ru

ЛУШНИКОВА,
Галина
Игоревна

– доктор филологических наук, профессор
Гуманитарно-педагогической академии (филиала
Крымского федерального университета имени
В.И. Вернадского в г. Ялте).
E-mail: lushgal@mail.ru

ЛЮ,
Мяовэнь

– аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: miaowenliu@mail.ru

МАЛИНОВСКАЯ,
Татьяна
Николаевна

– кандидат филологических наук, доцент
Барнаульского юридического института МВД
России.
E-mail: vasilenko.76@mail.ru

МАМАТОВ,
Глеб
Максимович

– магистрант Новосибирского государственного
педагогического университета.
E-mail: zarra8@yandex.ru

- МЕНЩИКОВА,
Галина
Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент
Барнаульского юридического института МВД
России.
E-mail: alnic2901@rambler.ru
- ОСАДЧАЯ,
Татьяна
Юрьевна** – кандидат педагогических наук, доцент
Гуманитарно-педагогической академии (филиала
Крымского федерального университета имени
В.И. Вернадского в г. Ялте).
E-mail: osadchaya_ta@mail.ru
- САВЕЛЬЕВА,
Ирина
Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент
Кемеровского государственного университета.
E-mail: saviren1973@mail.ru
- СОКОЛОВА,
Елена
Владимировна** – кандидат филологических наук, старший
преподаватель Санкт-Петербургского
государственного университета.
E-mail: sokolova_e_v@list.ru
- СОКОЛОВА,
Марина
Геннадьевна** – кандидат педагогических наук, доцент
Тольяттинского государственного университета.
E-mail: msok71@mail.ru
- ТАГИЕВА,
Махрух
Мазахим гызы** – кандидат филологических наук, доцент
Бакинского славянского университета.
E-mail: mahrux_tagiyeva@live.ru

**ФОЛИМОНОВ,
Сергей
Станиславович**

– кандидат филологических наук, доцент
Саратовской государственной юридической
академии.
E-mail: kruzo72on@yandex.ru

**ШИРОКИХ,
Ирина
Алексеевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: shirokih.irina@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843
в каталоге Почты России

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 28.05.2020. Подписано в печать 01.06.2020. Дата выхода издания в свет 05.06.2020. Формат 60×84/16. Гарнитура TimesNewRoman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № хх.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2020

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 35 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 20 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов – объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание научных изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости – с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).
7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола

заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.